

**Игорь
Чио**

**Божественная
Жемчужина**

Часть I. Тайна двойственности

Диана думала, что она обычная, пока не увидела в зеркале... Собственно, с этого начинается история о Святой и Проклятой; ей предстоит узнать, что Ева и Лилит — это одна женщина, которую разделили так давно, что об этом уже никто не помнит. Диана узнает о причине своей двойственности и поймет, почему одни женщины пресмыкаются как змеи, а другие летают как птицы, но это лишь начало пути. Ее появления ждали; с ней связано много загадок, легенд; она будет превращаться, исчезать и появляться, существовать в двух местах одновременно, проделывать тоннели в препятствиях, получать разные результаты от одних и тех же действий и так влиять на мир, ибо мужской мир способна изменить только женщина.

А пока... мама панически боится темной стороны своей дочери Дианы; папа считает ее божественным ребенком; бабушка не торопится раскрывать семейные тайны. Темные силы знают о Диане, строят свои планы, но предпочитают, чтобы она проявлялась из темноты постепенно, не напугав саму себя.

Божественная Жемчужина. Часть I. Тайна двойственности

Глава 1. Звонок из банка

2010 год, 20 мая

Лос-Анджелес, Калифорния

Вечеринка в честь восемнадцатого дня рождения внучки легендарного Винсента Гарднера была похожа на торжественный прием у царицы преисподней в тронном зале нижнего мира. Среди черных мраморных колонн, подпирающих мрачные своды, перешептывались тени приглашенных одноклассников; кое-кто утирал кровь с разбитого лица, другие ухмылялись, иные завидовали молча... никто из них не видел внутренней красоты именинницы Дианы; никто не мог разглядеть в ней будущую великую киноактрису, которой суждено покорить зрителей своим драматическим талантом и погибнуть в расцвете славы и всеобщей любви. Только самая красивая девочка в классе Молли Кристофер смотрела на Диану со страхом, что-то понимала и часто опускала глаза, боясь оскорбить взглядом царицу подземного мира.

Диана Гарднер возлежала на каменном пьедестале между двумя изогнутыми лестницами, ведущими в верхний мир, печально созерцала семерых волчиц, сидящих у ее ног, и меланхолично слушала напыщенную золотую рыбку, парящую в воздухе.

— Принцессу избрал Кевин, подобный Адаму, — вкрадчиво булькала рыбка в правое ухо именинницы. — *От милой девушки он требует немного: быть честной, вышивать, любить его и Бога. Зависеть от него, почтет она за честь...* — рыбка повернулась к парню с серым лицом и визгливо крикнула, выпучивая глазки: — Кевин! Что ты молчишь?! Не будь тряпкой! Скажи мужское слово!

Кевин Смит, стоящий рядом с Дианой, послушно пробубнил реплику из своей роли в школьном спектакле по пьесе Мольера:

— Дурнушка глупая милее, чем та, что чересчур красива и умна...

— Ди, не слушай Кевина, он просто вонючий скунс, — равнодушно заметила милашка Китти Палмер и похвасталась тонким золотым браслетиком на запястье. — Лучше посмотри, что мне подарил фанат твоего деда! Хоть кто-то оценил, что я твоя лучшая подруга.

Возле левого уха Дианы появился розовый малыш с крылышками, достал из-за спины детский лук, натянул тетиву и отправил одну из игрушечных стрел в сердце великолепного красавца Стива Харви.

— *Она — жемчужина!* — восторженно воскликнул Стив, отыгрывая роль пылкого любовника в том же спектакле по Мольеру. — *О, можно ли отдать прелестное творенье такому дикарю! Готов усилия я тратить без числа, чтобы ему назло она моей была!*

Диана оживилась, припомнила свою роль наивной девушки и трепетно отозвалась:

— *Ты клялся мне в любви, в любви великой силы, и говорил слова, и все мне были милы; так милы, что ни с чем их не сравнить — начнешь об этом говорить, и что-то сладкое щекочет, задевает, сама не знаю что, но сердце так и тает...*

Китти фыркнула и закатила глаза.

— Ди, очнись! Стиву нравится Молли!

Диана проснулась и открыла глаза.

«Стиву нравится Молли? А как же я? Нет, нет, он меня любит, это просто сон...»

Она полежала несколько минут, встала с кровати и подошла к круглому зеркалу.

— Я люблю себя... — Диана мило улыбнулась своему отражению, но вдруг в ужасе отпрянула в сторону и наткнулась спиной на кого-то сзади.

Испугавшись еще больше, она резко обернулась и увидела маму.

— Доченька, извини, дверь была открыта, и я... — мама вдруг запнулась, взгляд ее стал подозрительным, а тон — строгим: — С кем ты разговаривала?

— Не знаю, я просто...

— Немедленно отвечай! Кого ты увидела в зеркале?!

— Никого! Мне показалось! — Диана сорвалась с места и бросилась вон из своей спальни.

— Диана, сейчас же вернись! — миссис Гарднер гневно сдвинула брови, заглянула с опаской в круглое зеркало на стене, помедлила, окидывая взглядом спальню дочери, и вышла вслед за ней в коридор.

Альфред Гарднер был одним из тех мужчин, про которых говорят, что они как коньяк — с возрастом становятся только лучше.

Подтянутый, мускулистый, ухоженный и стильный отец Дианы в свои пятьдесят два выглядел импозантно: волосы, вьющиеся до плеч, и аккуратно подстриженная борода с проседью придавали ему сходство с писателем, художником, возможно, с композитором прошлого века или даже актером в роли античного царя; его высокий лоб, всегда открытый, украшали неглубокие волнистые морщины.

— На лбу мужчины написаны достоинства его ума. Зачем их скрывать? — шутливо отвечал Альфред своей дочери, когда она спросила о его привычке зачесывать волосы назад.

— Многие парни в моем классе носят конские челки, — заметила Диана.

— Они прячут возрастные недостатки ума и мысли, подобные подростковым прыщам, — лукаво отвечал отец.

— Никогда не возможно понять, шутишь ты или нет, — растерянно улыбаясь, замечала Диана.

— Это уловка, милая, — внимательные глаза Альфреда смеялись и согревали отцовской теплотой: — Тонкая грань между шуткой и серьезностью побуждает к размышлениям. Представь, что парень сказал тебе комплимент в полушутливой манере. Что ты будешь делать?

— Ну, не знаю... наверно, попытаюсь понять, шутил ли он или говорил серьезно.

— И будешь думать о нем самом, — Альфред рассмеялся. — Именно этого он и добивался, а в его словах, скорее всего, не было никакого особенного смысла. Теперь понимаешь, как ловкий пройдоха может лишит покоя невинную девушку одной единственной фразой?

— Жаль, что никто не говорил мне таких фраз, — с оттенком грусти отвечала Диана. — Может, ты скажешь?

— Скажу, если хочешь, — Альфред загадочно улыбался. — Ты самая необыкновенная девушка на свете.

— В этом точно нет никакого смысла, — категорично возразила Диана и поджала губки, но после долго пыталась понять: шутил ли отец или говорил всерьез?

В молодости сероглазый красавец-брюнет Альфред Гарднер занимал помыслы многих прелестных особ, выдающихся по красоте и весьма самоуверенных в стремлении составить с ним удачную партию. Однако их старания были тщетны. Младший Гарднер еще в школьном

возрасте уяснил, что девочки, это не пассивные мишени, а планеты с мощной гравитацией — небесные создания, способные воздействовать на окружающие объекты.

В цветущих мирах этих юных планет пели птички и зеленели травы, полноводные реки бурлили и разливались в поймах; горные вершины там были покрыты ослепительной белизной, а моря и океаны скрывали загадки и тайны, пока еще простые и наивные, как фантики под бутылочным стеклом, но уже востребованные сверстниками мальчишками — неловкими исследователями, мечтающими стать знаменитыми первооткрывателями.

Альфред стал одним из них и преуспел, потому что был воспитан в уважении к женскому началу и не считал зазорным внимательно изучать другую, не похожую на мужчин половину цивилизации. Взрослея, он с интересом наблюдал, как молодые планеты притягивали и распределяли объекты по гравитационным орбитам согласно своим, только им понятным распорядкам. Приближая одних и отдаляя других, они учились управлять дистанциями, иногда переживали падение на свою поверхность небольших метеоритов и по неопытности полагали, что претерпели катастрофу планетарного масштаба.

Он не стремился к карьере охотника, но прелестная дичь сама бежала на него из своих засад; еще менее он хотел становиться браконьером, поэтому научился уворачиваться, а затем и легко вальсировать даже с особами хищными и опасными. С такими талантами Альфред вполне мог бы стать кем-нибудь вроде легендарного дона Гуана, но однажды на его пути встретилась прелестная калифорнийская дарлингтония[1] — хищное растение с листьями-ловушками, похожими на кобру с распушенным капюшоном. Победа досталась ей нелегко, буквально через кровь и смерть, но победителей стараются не судить — ими, как правило, занимается суд пострашнее людского.

Женитьба, отеческая любовь к дочери и некое мистическое предостережение, о котором мы скажем позже, вовремя прервали череду холостяцких побед, изматывающих и ненужных. Альфред остепенился, но по привычке поддерживал себя в хорошей спортивной форме, следил за собой, а главное, приобрел качества прирученного мужского огня, который не ползет бездумно во все стороны, а горит в очаге; не опалает, а согревает; не пожирает энергию, а отдает ее.

Гарднер спустился в нижний холл дома — небольшой зал с колоннами и двумя изогнутыми лестницами, ведущими на второй этаж. Внизу, между их основаниями, прямо напротив парадного входа, была установлена копия скульптурной композиции Антонио Канова «Амур и Психея», выполненная в натуральную величину.

Через открытые окна в холл доносились пение птиц и тихий шум листвы. В кармане приглушенно заиграл телефон. Альфред достал гаджет и принял вызов.

Чарующий женский голос в трубке погасил собою все остальные звуки, как воздушная волна, задувшая разом сотню свечей, и представился Ванессой, сотрудницей банка. Она задала уточняющие вопросы, убедилась, что говорит с сыном Винсента Гарднера, и сообщила, мягко вибрируя обертонами:

— Срок договора на аренду ячейки, заключенный между вашим отцом и Банком Америки, истек, поэтому я хочу вас... просить...

— Вы ошиблись, — торопливо вставил Альфред и невольно запнулся, по-своему поняв смысл ее слов, сказанных медленнее остальных: «я хочу вас...» — Простите, что перебил, но мой отец умер семнадцать лет назад.

— Я в курсе, мистер Гарднер, ваш отец был известным человеком, — неторопливо ответила служащая, лаская слух собеседника подобно тому, как ароматный и тягучий ликер

ублажает обоняние и вкус. — Прошу вас посетить наш центральный офис в здании Библиотечной башни на Пятой Западной. Я закажу карточку посетителя на ваше имя и буду ждать у турникета. Сегодня, двадцатого мая, ровно в час после полудня.

Альфред вдруг подумал, что служащая из банка назначила время свидания; это показалось ему забавным, но не более того.

— Насколько помню, у моего отца был договор с дилерской фирмой в Бель-Эйр.

— Депозитные ячейки для VIP клиентов находятся в здании U.S. Bank Tower. Ваш отец арендовал одну из них в 1993 году.

— Но почему вы не позвонили раньше?

— Мы руководствовались особыми условиями договора, — сообщила Ванесса голосом тайны и бархатного очарования. — Банк обязался не разглашать факт аренды ячейки родным и близким Винсента Гарднера даже в случае его смерти. До сегодняшнего дня.

— То, что оставил отец... это, наверно, для моей матери. Вы уже звонили ей?

— Нет, по условиям специального пункта мы обязались передать содержимое ячейки одному из лиц, список которых прилагается к договору. Первым в этом списке числитесь вы, мистер Гарднер.

— А кто еще там есть? — спросил он, понимая, что поддался волшебному обаянию голоса в трубке, и начал задавать лишние вопросы, чтобы продлить разговор на несколько минут.

К его удовольствию, служащая ответила весьма охотно, будто вела интересную беседу за бокалом шампанского, а вовсе не деловой разговор:

— В этом списке есть ваша мать Мариэн Гарднер, дочь Диана Гарднер и супруга Эрика Гарднер, но они смогут получить ценности из ячейки лишь в случае смерти предыдущих по списку. Это написано рукой вашего отца, я покажу вам договор. Там есть еще одно условие. Минуту... — в трубке раздался шелест бумажных листов, служащая сообщила: — Вы должны хранить молчание о содержимом ячейки до 27 мая 2010 года.

— Целую неделю? Возможно, мне понадобятся услуги моего юриста. Думаю, он будет заинтригован не менее, чем я.

— Все финансово-юридические тонкости улажены еще при жизни арендатора, — почти по-дружески успокоила служащая. — Для доступа к содержимому ячейки вам придется подтвердить свою личность, только и всего.

— Ванесса, судя по вашему приятному голосу, вы очень милая и добрая женщина... — перешел на личности Альфред, надеясь узнать больше из неофициального мнения служащей. — Пожалуйста, объясните своими словами. Что происходит?

— С удовольствием, мистер Гарднер. Скорее всего, ваш отец хотел, чтобы вы получили ценности из его ячейки в день истечения срока договора аренды, то есть сегодня, 20 мая 2010 года.

Телефон неожиданно брякнул, оповестив о втором входящем звонке. Альфред поблагодарил сотрудницу, пообещал быть в назначенное время и переключился на другой вызов. Звонила супруга.

— Альфред! — позвала она с нарастающей интонацией аварийной сирены, впрочем, достаточно миниатюрной для того, чтобы поместиться в женской шее. — Где Диана? И где ты сам? Почему все прячутся от меня в этом чертовом доме?!

Услышав тот же голос, но уже со стороны выхода к бассейну, Гарднер выключил телефон и обернулся.

В холл вошла красивая женщина в закрытом купальнике и накинутом на плечи полотенце. Альфред улыбнулся, любуясь ее осанкой и упругими изгибами спортивной фигуры.

Говорить о возрасте Эрики нам весьма неловко, ибо она делала все возможное, чтобы выглядеть моложе, и у нее это замечательно получалось. На вид миссис Гарднер младшей можно было дать лет тридцать пять... нет, тридцать четыре. Черные гладкие волосы, подстриженные удлиненным каре, придавали ей сходство с египетской царицей; прямая челка не скрывала клинообразных бровей, распростертых над глазами, как крылья буревестника. Взгляд ее, как и подобает взгляду царицы, сверкал маленькими молниями.

Заметив мужа и его интерес к ее фигуре, супруга приняла невозмутимый вид шедевральная картины, не замечающей восторга ценителя, и спросила уже спокойнее:

— Где Диана? Опять прячется у твоей мамы?

— Почему бы тебе не проверить самой?

— На ручке двери висит фиолетовое табу. Я еще не выжила из ума настолько, чтобы нарушать правила вдовствующей королевы-матери.

Альфред предпочел не комментировать шутку жены.

— А что не так с Дианой?

— Она разговаривала с зеркалом!

— Думаю, в ее возрасте ты часами проделывала то же самое, — в голосе его сквозила явная ирония.

— Я? — возмутилась Эрика. — За кого ты меня принимаешь?

— За самовлюбленную пантеру.

— Диана сбежала от меня!

— Антилопы всегда убегают от хищников, — он пожал плечами.

— В чем дело, Альфред? Тебе память отшибло? — Эрика двинулась в наступление грудью вперед, сопровождая каждый вопрос маленьким шажком: — Ты забыл, что она вытворяла в пятилетнем возрасте? Забыл, почему каждый месяц возишь дочь к психотерапевту? Забыл, как она чуть не погибла, когда сбежала из дома с моим рубиновым кулоном? Может, ты забыл, что все закончилось чертовым зеркалом?!

Эрика остановилась, едва не касаясь мужа грудью и все еще сверкая молниями. Альфред мягко обнял ладонями ее плечи и продекламировал Шекспира:

— Все к лицу красавице царице; и смех, и гнев, и слезы, и проклятья. Она в запальчивости — совершенство.

— Альфред! — вновь включила сирену Эрика.

— Дорогая, — мягко сказал он, чувствуя ладонями тепло супруги через влажное полотенце. — Маргарет давно исчезла. Диана твоя послушная дочь, но ты по-прежнему видишь в ней чудовище. Так нельзя.

— Она разговаривала со своим отражением! Это плохой сигнал, Альфред!

— Я тоже иногда разговаривал с зеркалом, но больше всего перед тем, как сделать тебе предложение.

— Ты репетировал? — Эрика наигранно разочаровалась: — Так и знала, что наши помолвка и свадьба были для тебя театральным представлением.

— Я играю весьма посредственно, а вот ты могла бы стать голливудской звездой.

— Путь киноактрисы к успеху пролегает через спальню продюсера, так говорил мой покойный папа. Меня вполне устраивает мой event-бизнес. Хотя бы потому, что в нем нет

тропинок, спрятанных под одеялом. И потом, мне нравится быть собой, а не какой-нибудь другой женщиной, — уже расслабленно пояснила миссис Гарднер младшая, пристально заглядывая мужу в глаза, и вдруг напала исподтишка: — С кем ты разговаривал по телефону?

— Это был обычный звонок из банка, — Альфред прищурился и внимательно взглянул на супругу, будто что-то заподозрил. — Дорогая, ты ревнуешь без причины? Неужели сногшибательная Пауэрс утратила уверенность в себе? — зная, что без досмотра не обойдется, он все же достал гаджет и протянул супруге. — Позвони, если хочешь.

Она невозмутимо и со знанием дела вызвала меню звонков в телефоне мужа и набрала последний входящий номер.

— Банк Америки? — удивление миссис Гарднер младшей было искренним, как душа младенца. — Ох, простите, я хотела заказать пиццу и перепутала номер... Как вы сказали, вас зовут? Ах, Ванесса... очень приятно, я Эрика Гарднер, а где находится ваш офис? А-ха, спасибо, я поняла. Где я нашла номер? В телефоне мужа. Заодно решила проверить, куда он звонит, это бывает полезно, милочка. Открыть банковский счет? Дайте подумать... да, пожалуй, нужно. Выходит, я ошиблась очень удачно.... Да, переключите, — она дождалась, пока служащая сделает переадресацию звонка, и сбросила вызов.

Эрика с легкостью приняла свое маленькое поражение; она была рада проиграть, прикинулась сытой кошкой и промурлыкала, возвращая телефон:

— Это на всякий случай, чтобы ты знал, что блефовать со мной бесполезно, — однако проигрыш, это всегда проигрыш, и она уколола мужа в отместку: — Было бы приятно поймать тебя на мелкой шалости, чтобы ты почувствовал себя виноватым и принес мне кофе в постель. За всю жизнь ты не сделал этого ни разу.

— Именно поэтому мы все еще вместе, дорогая.

— Неужели ты так тщательно продумываешь все свои поступки?

— Другого способа жить с пантерой просто не существует.

— Тогда найди себе глупую белочку, которая будет впадать в транс от твоего голоса и приносить пиво по свистку, — повысила тон Эрика.

— Дрессировать безобидных существ это не мое, дорогая, — парировал Альфред.

— О-о, так ты мнишь себя бесстрашным укротителем?

— Всего лишь не позволяю моей домашней пантере превратиться в дикую кошку.

— Ах, вот как? По-твоему, я безнадежна?

— По-моему, ты очаровательна, — Альфред обнял жену за талию и привлек к себе. — Настолько очаровательна, что мне пригрозили смертью, если я тебе изменю.

— Кто пригрозил? — Эрика изумленно замерла в объятиях мужа и доверчиво расширила глаза.

— Боги, дорогая, — улыбнулся Альфред.

— К черту богов! Мне пора, у меня четыре свадьбы и одни похороны,[2] — Эрика выскользнула из объятий мужа, подбежала к лестнице и поднялась по ступенькам, уже не слишком торопясь, лениво стягивая с плеч полотенце.

Альфред проводил супругу откровенным взглядом в спину и пониже, зная, что в конце своего эротичного восхождения она непременно обернется, чтобы убедиться: остался ли доволен зритель и не ушел ли он из зала, не дождавшись окончания маленького представления.

На этот раз его ожидал небольшой сюрприз: на верхней ступени лестницы Эрика обернулась и встала в выразительный контрапост. Эта ее постановочная поза, одна из

многих, при которых вес тела переносится на одну стопу, а равновесие достигается встречным наклоном линий бедер, плеч и изящной фигурой ножек, на этот раз была настолько шикарной, что Альфред захлопал в ладоши. Эрика, вполне удовлетворенная произведенным фурором, помахала ручкой, сделала эффектный разворот и удалилась той покачивающейся походкой, какой еще Мэрилин Монро доказала, что центр тяжести в женском теле расположен несколько иначе, чем в мужском.

Аплодисменты не утихали, пока она не скрылась из виду.

Альфред, все еще улыбаясь, посмотрел на часы и отправился вслед за супругой, но, поднявшись на второй этаж, повернул в противоположное крыло дома на половину матери и внучки. Памятуя о плановом визите к психотерапевту, он решил выяснить, насколько пагубно отразился на настроении дочери утренний инцидент и готова ли она отправиться с ним в город. До выезда оставалось менее получаса...

[1] Дарлингтония (лат. *Darlingtonia*) — род насекомоядных растений семейства Саррацениевые. Единственный представитель рода — дарлингтония калифорнийская (*Darlingtonia californica*) встречается на болотах на севере Калифорнии и в Орегоне. Род назван в честь американского врача и ботаника Уильяма Дарлингтона.

[2] «Четыре свадьбы и похороны» — британская романтическая комедия режиссёра Майка Ньюэлла, вышла на экраны в 1994 году.

Глава 2. Миф о дракайне

Определить возраст Мариэн Гарднер, женщины элегантной в душе и опрятной в образе мыслей, было также сложно, как цвет прозрачной морской воды, играющей лунными бликами. Многие из знакомых Мариэн и даже ее близкие полагали, будто она обладает секретом вечной молодости, но лишь один человек во всем мире знал, что, глядя на Мариэн, видит не результат ухода за внешностью, а духовную красоту феминности, обращенную вовне. Этим человеком был ее покойный муж Винсент Гарднер.

Мариэн уединялась в его кабинете, когда хотела общения с книгой или собой. В таких случаях она оставляла на дверной ручке снаружи фиолетовый шелковый платок, выполняющий роль таблички с просьбой «Не беспокоить». Домашние при виде этого сигнала невольно оценивали важность причины, по которой хотели говорить с Мариэн, и, если дело оказывалось не срочным, предпочитали ее не тревожить.

Рабочий кабинет знаменитого Винсента Гарднера, просторный, но по-британски тяжелый и основательный, с большим кожаным диваном, массивным письменным столом и высокими книжными полками до потолка, был наполнен сосредоточенной тишиной. Мариэн взяла в руки свежий номер газеты Лос-Анджелес Таймс. Одна из статей показалась ей интересной.

Люцифер ожидает пришествия мессии

Возле нового небоскреба «Люцифер», построенного на месте разрушенных в 2001 году «Апокалиптических близнецов», состоялась церемония открытия скульптурной сцены «Пришествие». Сюжет взят из древне-месопотамского мифа о богине Инанне — царице небес, сошедшей в нижний мир, из которого нет возврата. По пути на дно преисподней ее лишили семи атрибутов божественного могущества, затем она погибла, но позже воскресла. Собрав по пути из загробного мира утраченные регалии, Инанна вернулась наверх в сопровождении демонов и выбрала того, кто должен был сойти в царство мертвых вместо нее. Автор скульптуры Тони Фримас запечатлел момент, когда Инанна указывает демонам на своего праздного мужа, царя-пастуха Думузи, жившего в свое удовольствие, пока она томилась во мраке.

На открытии скульптурной композиции «Пришествие» выступила Верховная жрица церкви Сатаны — отца светлейшего Люцифера, чьим именем назван новый небоскреб. Как и полагается особам высшего церковного сана, она скрывала лицо под темной вуалью, дабы не обжечь своим взглядом непосвященных в таинства дьяволического древа. Вот что она сказала:

— Церковь Сатаны ожидает появления избранной Мессии. С ее приходом старые патриархальные порядки окончательно уйдут в небытие, и все женщины мира станут свободнее. Но не только они. Мужчины искалечены порядками отцов не меньше женщин. Патриархат столетиями разделял сыновей на любимых и нелюбимых, на героев и неудачников, подавлял в мальчиках эмоциональность, якобы свойственную только женщинам — созданиям хрупким и беспомощным. В результате многие мужчины, усвоившие эту систему ценностей, хотят быть собой, но не могут, поэтому носят маски и тайком страдают от вины без вины. Их мучает стыд оттого, что они не оправдали надежд своих отцов. Но что это за правила, по которым жизнь детей не принадлежит им самим? Я вам скажу. Это правила эгоистов, они готовы кроить сыновей по своим лекалам, лишь бы

потешить отцовское тщеславие. Пришло время положить этому конец. Скоро патриархальный диктат отправится в преисподнюю!

— Они явно готовят еще одно извращенное шоу... — помыслила вслух Мэриан и вдруг услышала знакомый звук: в тишине кабинета робко скреблись ногти, будто белочка принялась грызть орешек.

«Внучка, — подумала миссис Гарднер старшая. — Только Диана способна извлекать из двери такой деликатный звук, и только ей позволительно нарушать мои правила».

Мариэн поднялась с кресла, сделала несколько шагов и открыла дверь.

В кабинет вошла светловолосая девушка в платье нежно-лилового оттенка. Могло показаться, что она внимательно изучает паркетный пол, но взгляд ее был тревожным и отвлеченным — так смотрят на предметы или сквозь них, когда мысли в голове вращаются, как снежинки в стеклянном новогоднем шаре; они кружат просто оттого, что их встряхнули.

Фигурка Дианы, стройная и статная, уже сформировалась, но в чертах ее не было той красоты, которая мгновенно обращает на себя мужское внимание. Между тем в лице этой девушки не было чего-то неправильного или неприятного глазу; все существо ее было наполнено той плавной и осмотрительной женственностью, которая непременно пощупает каждую дощечку моста перед тем, как ступить на нее ножкой. Этого очарования, окруженного лепестками юности, Диана в себе не замечала.

— Говори по-русски, милая, — попросила Мариэн, — но сначала успокойся.

— Прячусь от мамы, — коротко сообщила она.

Мариэн оставила фиолетовый платок на ручке, закрыла дверь и спокойно посмотрела на Диану, ожидая объяснений. Внучка пролепетала извиняющимся тоном:

— Я видела платок на двери... — она принялась рассматривать свои босоножки, но вдруг подняла голову и защебетала.

Голосок ее, звонкий и немного детский, создавал впечатление, что говорит героиня из мультфильма — любопытная белочка или маленькая шустрая птичка:

— Я видела в зеркале черное пятно! На моем лице, вот тут, — Диана обвела пальцем левый глаз и щеку. — Оно ужасное, огромное! Звериное, черно-коричневое, с волосами!

— А причем тут твоя мама? — невозмутимо поинтересовалась Мариэн.

— Она думает, что я разговаривала сама с собой.

— А ты разговаривала?

Диана молча помотала головой. Мариэн спросила:

— Уверена, что отражение было твоим?

— Конечно! — удивленно подтвердила Диана и тут же усомнилась: — Или нет... Кажется, в зеркале у меня были темные волосы.

Мариэн внимательно посмотрела на внучку, полагая, что за сомнениями последует неожиданное открытие, и не ошиблась. Диана вдруг воскликнула:

— В зеркале была другая девушка! Ее губы не шевелились, когда я говорила!

— Значит, ты все-таки разговаривала с отражением?

— Нет, — Диана хлопнула ресницами. — Ну да, я стояла перед зеркалом и повторяла, что люблю себя...

— Зачем?

— Ты же сама сказала, что женщину, которая не любит себя, не будет любить и мужчина. Ведь говорила?

— Говорила, — с улыбкой согласилась Мариэн, — но зачем ты сбежала от мамы?

— Не знаю... она думает, что я ненормальная, — взгляд внучки описал дугу по книжным полкам и остановился на двери. — Закроем на ключ? Мама уже наверняка поняла, что я здесь, и придумала кучу вопросов.

— Она всего лишь напугана диагнозом, который...

— Сколько можно бояться? Я в порядке! — перебивая бабушку, прошептала Диана. — Может, со мной и происходило что-то странное в детстве, но я ничего такого не помню; мама просто выдумала это, чтобы меня запугать.

Мариэн слегка покачала головой, выражая свое несогласие:

— Не нужно себя обманывать, милая. Вторая девушка, бесспорно, существует.

— Две меня? — удивилась Диана. — Почти смешно, если бы не было так страшно.

— Женщина вынуждена быть двойственной из-за двуличия мужского огня.

— Я помню, ты говорила, — беспечно сказала Диана и припомнила: — Огонь испепеляет все, что ему подается, но замороженно тлеет возле недоступного.

— Дикий огонь, милая, — поправила Мариэн. — Огонь в домашнем очаге ведет себя несколько иначе, но постой-ка... — она взглянула на внучку и спросила: — Твои видения... это ведь уже не в первый раз? Они начались после того, как Стив пригласил тебя в кафе?

Диана задумалась и ответила неуверенно:

— Наверно, да, — она опустила ресницы. — Стив интересный парень, мне с ним легко, а с Кевином было скучно, он все время молчал или говорил, как будто выжимал воду из сухой тряпки.

— Тебе виднее, милая.

— Можно я приглашу Стива к нам в гости? Покажем ему кабинет деда и...

— Разумеется, если ты этого хочешь, — Мариэн как будто не интересовали сердечные дела внучки, — а что еще ты видела в зеркале?

Взгляд Дианы очертил полукруг по потолку и уперся в пол.

— Иногда мне казалось, что отражение смотрит на меня как-то особенно и даже двигается само по себе, — она грустно вздохнула и посмотрела на бабушку. — Я ненормальная?

— Да, ты особенная, — ответила Мариэн тоном почти безучастным, каким говорят о погоде, — но твоя мама и психотерапевт не понимают, с чем имеют дело. Кстати, напomini ее имя...

— Психотерапевта? Лаура Вайс. Папа скоро отвезет меня к ней и потом еще на экскурсию... — Диана вдруг замаялась и наконец спросила то, ради чего пришла: — Мариэн, можно я пока побуду с тобой? Минут пятнадцать, пожалуйста.

— То есть полчаса?

Диана опустила голову и принялась рассматривать свои босоножки. Мариэн удивленно приподняла брови:

— Больше? Час?

— Где-то так, — Диана смущенно посмотрела на свои розовые наручные часики.

— А твой папа знает, что ты здесь?

— Да, я ему сказала.

— Час, это уже кое-что, потратим время с пользой, — удовлетворенно произнесла Мариэн, направляясь к столу, — и перестань паниковать, милая. Без моего разрешения сюда никто не войдет.

Диана расслабилась, оцупала любопытным взглядом поверхность рабочего стола и

прошебетала, скидывая босоножки:

— А что ты читала, пока меня не было? — она взглянула на ксерокопию газетной статьи, лежащей на столе, и прочитала первые строки: — В одном из лондонских салонов случилось происшествие, по нашему мнению, ужасное и в некотором смысле загадочное... Ого, тут про что?

— Это статья о спиритическом сеансе, его провели больше ста лет назад в Лондоне. Довольно печальная история. Она поможет тебе понять кое-что, но не раньше, чем это будет необходимо.

— Духи мертвых? Это интересно, — Диана замерла на пару секунд, глядя на воздух перед собой, тут же забыла о сказанном и оживленно вспомнила: — В прошлый раз ты говорила о Дельфийском Оракуле при храме Аполлона. Мне очень понравилось.

— Об этом я и хотела поговорить, — кивнула Мариэн, удивляясь быстроте перемен на лице внучки. — Что ты помнишь из нашей прошлой беседы?

— Я помню все! — Диана скакнула мячиком на кожаный диван, обустроилась так, чтобы не помять платье, и бойко зашебетала: — В древнем мире бог был женщиной. Оракул принадлежал Гее, богине Земли, и был оплотом духовной власти матриархального божества. После победы Аполлона над змеем Пифоном место таинств и предсказаний перешло во владение пантеона олимпийских богов и стало центром греческой колониальной политики. Молодой патриархат укрепился и ослабил архаичную Богиню-Мать...

— Достаточно, милая, у тебя замечательная память, — похвалила Мариэн. — Миф о Дельфийском Оракуле повествует об одном из переломных моментов в борьбе женской Любви и мужского Разума. Ты знаешь только мужскую версию мифа. Женская описана вот тут, — Мариэн снова взяла в руки старый томик с мемуарами. — Это воспоминания женщины, наделенной талантами и прекрасно образованной. Ее звали Мария Кавелье, она жила около ста лет назад, была заботливой матерью и мудрой наставницей; ее хорошо знали в кругах суфражисток, но сама она не участвовала в акциях движения.

— Она была феминисткой?

— Мне бы не хотелось называть Марию Кавелье этим отчасти испорченным словом. Суфражистки боролись за реальные женские права, а многие современные феминистки занимаются мужененавистнической истерией. Я бы назвала Марию феминой с большой буквы, то есть женщиной, полной достоинств и самодостаточной. Такая женщина никогда не выставяет себя жертвой; она просто и естественно осознает себя равной мужчине, при этом никогда не ставит себя выше его. Все ее слова и деяния вызывают уважение.

— Не думаю, что мне надо быть равной мужчине, — беззаботно сказала Диана, рассматривая фарфоровую фигурку балерины на книжной полке.

— Ты права, милая, говорить о полном равенстве мужчины и женщины неуместно и даже абсурдно, потому что они уникальны. Я же имела в виду равенство социальное, которое исключает бесправие, ведь там, где есть бесправие, всегда расцветает произвол. И еще, пожалуйста, никогда не начинай говорить со слов «не думаю», это заранее обесценивает все, что ты скажешь после.

Мариэн открыла книгу на нужной закладке и уже хотела приступить к чтению, но Диана, увлеченная фигуркой балерины, вдруг спросила:

— Красивая статуэтка... Откуда она у тебя?

— Подарок из России. Танцовщица напоминает мне девушку, которая нашла собственную ось вращения, — Мариэн посмотрела на внучку. — Ты обратила внимание, как

балерина исполняет фуэте? Ее голова то опережает движение тела, то отстает от него, поэтому не кружится. Балерина сохраняет равновесие, потому что опирается на свой взгляд, направленный в одну точку на уровне глаз. В этой комнате есть одна девушка, она умная и талантливая, но не всегда может сосредоточиться на чем-нибудь одном. Особенно когда ее голова вращается вместе с телом.

— Это про меня, — с виноватым видом сказала Диана, — папа говорит, что я слишком любопытная.

— Уважающая себя женщина просто обязана быть любопытной, иначе она рискует оказаться в неведении относительно того, что вокруг нее происходит, — наставительно возразила Мариэн. — Кстати, твой папа любопытен не менее, чем ты, только называет это любознательностью, но довольно об этом. Мемуары Марии Кавелье написаны на французском языке. Я буду читать и переводить на русский, — Мариэн откинулась на спинку кресла и приступила к чтению.

Из мемуаров Марии Кавелье.

Мон-Шант, Франция, 1912

Историю о дракайне Дельфинии, более похожую на забытый древнегреческий миф, чем на откровение, я записала в 1889 году, спустя три месяца после рождения моей дочери Алисии. В ту ночь я встала с постели, зажгла свечу и как была — в белой ночной рубашке, с растрепанными от беспокойного сна волосами, босая, прошла в кабинет. Наверно, я была похожа на привидение.

Сев за секретер, я окунула перо в чернильницу и стала записывать все, что говорил женский голос в моих ушах. Этот голос звучал монотонно, но певуче, с реверберациями и многократными отражениями, будто я находилась под куполом просторного храма.

Дочь Геи дракайна Дельфиния охраняла Оракул от посягательства олимпийских богов. Любимый сын Зевса Аполлон сразился с Дельфинией, убил ее, присвоил Оракул и основал на горе Парнас храм в свою честь. По велению Зевса имя Дельфинии было предано забвению. Аполлон, а за ним и жрецы храма стали называть побежденную дракайну питоном, или по-гречески — Пифоном, за ее способность удушать в объятиях змеиных колец.

Прежде пророчества, идущие из темных глубин Геи-Земли, произносила божественная нимфа, но она отказалась служить Аполлону. Мужчины-жрецы взялись прорицать сами, но не смогли и вскоре поняли, что слышать шепот Геи-матери способны только женщины. Так появились Пифии — предсказательницы и жрицы Оракула, названные в честь Пифона — прозвища Дельфинии, но не в честь ее самой.

В храме Аполлона вновь стали пророчествовать женщины, но теперь все их предсказания толковали мужчины-жрецы. Подобно тому, как Аполлон заменил имя дракайны прозвищем, жрецы упрощали глубинные пророчества Геи, а порой искажали или утаивали их истинный смысл.

Сказав это, голос замолчал. Я стала перечитывать написанное под тихое шипение свечи; руки мои дрожали, а лоб покрылся испариной и похолодел. Едва я подняла взгляд от исписанного листа бумаги, как пламя свечи замерцало рваными всплесками, затем успокоилось, стало высоким и острым, будто огненный меч. Помню, что страха я не испытывала, хотя ощущала себя каплей росы, падающей на острое лезвие. В тот момент моя душа разделилась надвое, но сохранилась округлой и целой, потому что повисла в воздухе за миг до касания режущей кромки.

Голос заговорил вновь. Я вынула перо из чернильницы, взяла второй лист бумаги и записала:

Зная, что Гея возродит свою дочь Дельфинию, Зевс повелел мойрам ослабить дракайну еще до рождения.

Мариэн подняла взгляд от книги и спросила:

— Ты ведь знаешь, кто такие мойры?

— Три богини судьбы, — кивнула Диана. — Первая пряла нить жизни, вторая определяла судьбу, третья обрезала нить.

— Все правильно, — удовлетворенно произнесла Мариэн. — Продолжим.

Мойры исполнили веление Зевса, но сделали это по-своему.

Младшая мойра Клото-прядущая не сплела две нити в одну, когда пряла новую жизнь Дельфинии, но отмеряла нитям достаточно длины. Так вместо могущественной дракайны в мире появились женщины-птицы и женщины-змеи.

Средняя мойра Лахесис, определяющая участь существ еще до их рождения, начертала змеям жить в гнезде на высоком древе, а птицам — в норе, вырытой под его корнями.

Старшая из мойр, Атропос-неотвратимая, лишь надрезала нити птичьих и змеиных судеб, а не обрывала их совсем, поэтому они сохранили память о будущем и прошлом.

Мариэн перестала читать и спросила у внучки:

— Что ты об этом думаешь?

— О том, кто я, птица или змея. Наверно, птица, я ведь не хватаю звезд с небес, живу скромно в своей норке.

Мариэн вновь покачала головой.

— Это мифологическая аллегория, в ней сказано о том, как молодой патриархат еще в древности разделил гармоничную и целостную женскую личность на «правильные» и «неправильные», с его точки зрения, фрагменты и так воплотил принцип «разделяй и властвуй». Это началось гораздо раньше расчленения женщины на Лилит и Еву, поэтому сегодня для многих недоступно понимание их единства. Ты особенна тем, что в тебе есть и та, и другая.

— Кто она, эта другая? — с опаской спросила Диана.

— Слушай, и ты все поймешь, — заверила Мариэн, — только не забывай, что мифы, это особый иносказательный язык, помогающий понять сложное через простое.

Когда имя Дельфинии совсем забыли, богиня-Мать родила нерожденного сына Метиды. Ему было предсказано сместить с трона своего отца и править людьми и богами с любовью в сердце.

— О Метиде[1] я тебе уже рассказывала.

— Да, я помню, — кивнула Диана, — это первая жена Зевса. Он проглотил ее, когда она была беременна, поэтому Афина родилась из его головы.

— Громовержец решил, что Метиды беременна сыном, и проглотил ее из страха потерять свою власть на Олимпе, но предсказанное все же сбылось, — Мариэн нашла место в тексте, на котором остановилась.

И сказал сын рыбакам: «Идите за Мною, и я сделаю вас ловцами человеков», — и сделал их рыбаками в духовном смысле. Но его убили, а учение его разбили, как вазу, на черепки, и те осколки — еще на меньшие. И каждый владелец части думал, что хранит целое. Рыбаки сказались апостолами, и вместо обыкновенной рыбы начали уловлять людей в сеть.[2]

Человеки стали рабами божьими; инакомыслие назвали ересью; Богиню-Мать лишили божественного статуса и превратили в смертную — Богоматерь. Все зачатия, кроме божественного, нарекли порочными, деторождение — наказанием в боли и муках; смирение женщины приравнивали к святости, ее независимость от мужчины прокляли.

Непокорная женщина-птица не приняла культ нового мужского бога. Взмахнув крыльями, она улетела прочь, научилась жить в темных пещерах, скрываться в густой траве и сохранила свободу, за что была проклята и наречена демоном. Женщина-змея смирилась, приняла подчиненное положение и так, пресмыкаясь, выжила и сумела сохранить способность любить.

Все перепуталось. Змей называли птицами, птиц — змеями; ложь перестали отличать от правды, красоту от уродства, святость от проклятия. Лишь Оракул Геи владеет истиной, но давно скрылся в подземных глубинах. Найти его суждено дракайне Дельфинии. Чтобы она возродилась, птичьи и змеиные нити будут свиты в единую пряжу. Для этого в людской мир явились Святая и Проклятая; им даны множество жизней и память змеиных и птичьих поколений.

Путь Святой и Проклятой был и будет сложен; они станут превращаться, исчезать и появляться, существовать в двух местах одновременно, проделывать тоннели в препятствиях, получать разные результаты от одних и тех же действий и так влиять на мир, ибо мужской мир способна изменить только женщина.

Едва я записала миф о Дельфинии и успела осознать, что Святая и Проклятая уже родились в нашем людском мире, голос повелел:

Соберись и отправляйся в путь. Узнаешь Проклятую по черному пятну на лице. Слушай сердцем, слушай, что говорят, слушай, как говорят. Следуй, не спрашивая, знай, не думая, найди, не смотря глазами. Будь кормилицей, будь наставницей, будь матерью. Пусть демоница узнает, что она человек. Пусть сова схватит змею и унесет в темное дупло. Пусть проклятая станет святой, а святая — проклятой.

В ту ночь я больше не спала. Время до рассвета я потратила на распоряжения по ведению хозяйства в нормандском замке Мон-Шант, что в окрестностях Алансона, а также на письма подругам. Я сообщала им о своем намерении отправиться в дальнюю поездку и обязалась периодически напоминать о себе новыми посланиями.

Наутро я разделила завтрак с моей самой близкой подругой Франсуазой де Байо, которая, по счастью, гостила в то время у меня. Тогда я и узнала о ее намерении отправиться в британское графство Девон, чтобы навестить одну талантливую девочку, в судьбе которой Франсуаза принимала особое участие. То, с какой уверенностью она говорила о своем желании оказать этой девочке и ее семье посильную помощь, произвело на меня впечатление. Вспомнив о наказе слушать сердцем, я тут же предложила моей подруге отправиться в путь вместе.

Франсуаза с радостью согласилась, но была сильно удивлена, когда узнала, что я намереваюсь отправиться в путь с моей трехмесячной дочерью Алисией. Тогда я просто показала моей подруге два листа, написанные ночью. Ответом стал ее особый взгляд и многозначительное молчание. На бессловесном языке Франсуазы это означало интерес, сомнения и отказ от скоропалительных выводов. Разумеется, потом она задала мне кучу разных вопросов, но сделала это уже по пути из Франции в Британию, а после даже изменила свои планы, чтобы помочь осуществить мои. Мы расстались спустя месяц, 11 октября, когда я наконец нашла ту, которую искала.

Мариэн закрыла книгу.

— Ту девочку звали Мелания, левая половина ее лица была обезображена черным родимым пятном. Оказалось, что она и дочь Марии — Алисия родились в один день, 6-го июня 1889 года. Это значит, что наставница нашла Проклятую в четырехмесячном возрасте. Можно сказать, что Мария Кавелье воспитывала ее почти с рождения.

— Я проклятая? — обреченно спросила Диана.

— Пятно было на лице девушки в зеркале, ты сама это сказала.

— Я святая? — она испуганно посмотрела на бабушку. — Какая из меня святая? Я ненормальная!

— Лучше говорить *особенная*, — Мариэн сделала акцент на последнем слове. — Быть особенной сложнее, чем быть нормальной, зато намного приятнее.

— Я бы хотела быть особенной, но так, чтобы всем нравиться, а не наоборот...

В кабинет громко постучались один раз, затем еще два раза, но тише. Диана слегка вздрогнула и испуганно посмотрела на дверь.

Молчаливое ожидание снаружи свидетельствовало об осведомленности визитера о правиле: в этот кабинет никогда не приглашают откликом «войдите». Миссис Гарднер, исполняя обязанности хранительницы домашнего музея, предпочитала открывать дверь сама, как это делал бывший хозяин кабинета. Однако на этот раз она осталась в кресле, памятуя другое правило — правило фиолетового платка:

— Милая, открой дверь, это твой папа.

— Ты уверена, что не мама? — опасливо спросила Диана.

— Абсолютно. Иди собирайся, а ему скажи, чтобы зашел.

Внучка торопливо надела босоножки, тихонько приоткрыла дверь, что-то шепнула отцу и выскользнула в коридор. Альфред убедился, что с дочерью все в порядке, вошел в кабинет и опять взглянул на часы:

— Я за Дианой и только, но, если ты хочешь говорить... у меня есть минут пятнадцать.

[1] Мойры предсказали Зевсу, что Метида родит ему сына, который превзойдет его. Когда она забеременела, Зевс усыпил её ласковыми речами и проглотил, после чего из его головы родилась дочь Афина, соединившая в себе мудрость отца и матери. Рождения сына ему, таким образом, удалось избежать. Находясь с тех пор внутри Зевса, Метида — его советчица, она возвещает ему, «что зло и что благо» (Гесиод, Теогония 885–900).

[2] Евангелие от Матфея, 4 глава. 18 Проходя же близ моря Галилейского, Он увидел двух братьев: Симона, называемого Петром, и Андрея, брата его, закидывающих сети в море, ибо они были рыболовы, 19 и говорит им: идите за Мною, и Я сделаю вас ловцами человеков. 20 И они тотчас, оставив сети, последовали за Ним.

Глава 3. Божественная Жемчужина

Мариэн указала сыну на кожаный диван.

— Не подумай, что я собираюсь ошарашить тебя разгадками невообразимых тайн, но лучше бы ты присел. Помнишь, как восемнадцать лет назад мы говорили с твоим отцом об одной картине?

— О «Жемчужине» Врубеля, — догадался Альфред, — она странно сочеталась с моим сном. Я хотел рассказать о нем, но отец не пожелал меня слушать.

— Видимо, тогда у него были веские основания, о которых я не спрашивала оттого, что доверяла ему... — Мариэн помолчала, подравнивая закладки в книге. — Альфред, я чувствую, что время запретов на исходе. Скажи мне, что именно ты узнал из сна о твоей будущей дочери?

— Почему сейчас? — живо любопытствовал Альфред, располагаясь на диване и закидывая ногу на ногу.

— Думаю, Маргарет скоро появится.

Он заинтересованно наклонил голову:

— И ты полагаешь, что...

— Я полагаю, что тебе нужно ответить на мой вопрос, ведь я ответила на твой.

— Да, конечно, мама, — он снова взглянул на часы и в раздумье погладил сидящую бороду.

Альфред часто размышлял о деталях памятного сна восемнадцатилетней давности, поэтому хорошо помнил все его подробности. Он рассказал матери, как, блуждая во сне по темной чаще, вышел к каменному алтарю возле раскидистого дерева. Ветви его были серебряными, а плоды золотыми...

Лес вокруг поляны с деревом и алтарем сомкнулся в непреодолимые стены; по траве разлился тонкий слой молочного тумана. Минута полной и таинственной тишины.

Скрипнула дверь подземелья. По лестнице, скрытой меж корней дерева, как через потайной ход на сцену, вышла молодая женщина, окруженная говорливой свитой. Маленькие корявые существа втихомолку ссорились между собой за право услужить избранной, несли за ней полы белого церемониального одеяния, возбужденно шикали друг на друга и старались сохранить при этом почтительный вид. Другие из свиты, ростом выше, в плащах с капюшонами, чинно выступали рядом.

Безмолвная, она остановилась перед алтарем. Капюшоны встали в полукруг, вынули из-под балахонов кривые сучья, сложили на камне и подожгли. Шушукующая мелочь, как стая летучих мышей, облепила фигуру женщины, освободила ее от воздушных тканей и утащила их подальше от костра. Альфреду явилась черноволосая красавица, откровенно нагая и несравненная, как молодая богиня.

— Эрика! — воскликнул он, узнав жену, и не услышал своего голоса, зато услышал тишину.

Звуки будто провалились под землю. Благоговейное молчание свиты казалось торжественным. Постепенно стало слышно тихое потрескивание костра и даже то, как горит сам огонь. Нарастая, звуки жара сделались размеренными, ритмично закачались в воздухе и зазвучали музыкой огненной стихии.

Эрика дерзко одарила Альфреда обжигающим взглядом и задвигалась в танце то

грациозно, как хищная рысь, то порывисто, как природная стихия. Завершив танец, она обняла ладонями золотой плод, висящий над костром, и сорвала его под взрыв одобрительного визга свиты.

Оглушенный этими восторгами, Альфред не сразу заметил на руках Эрики ребенка, обернутого розовой лентой. Он вдруг рывком оказался рядом с супругой, обнял ее за плечи, но она отстранилась и бросила малышку в огонь.

Альфреда сковала невидимая сила, он мог только видеть и страдать, будто ему показывали отрывок из кинофильма, на события которого невозможно повлиять. Слезная пелена мешала разглядеть жену, стоящую у костра с опущенными руками. В одной из них осталась лента.

Свита приглушенно забубнила и разошлась, как толпа после средневековой казни на площади. Супруга дерзко тряхнула волосами и вновь подошла к Альфреду. Разделив надвое почерневшую ленту, Эрика одной половиной обвязала свою талию, а другой крепко перетянула ему мешок, где зарождается мужское семя. Пылая от вожделения, жена стала тереться о плоть мужа, змееподобно обвивая собою, отчего он испытал муки насильника, приговоренного к адовой казни через ласки гетеры. От невыносимого давления фонтана, запертого внутри естества, слезы Альфреда закипели и высохли, налипнув на щеках перечными зернами.

Тень, готовая забрать мужа в свою обитель, спустилась на черных крыльях, заглянула бездной в его угасающий взгляд и спросила вкрадчиво:

— Видел ли ты лес за черной стеной?

— Да, — отвечал он.

— Любишь ли ту, которую избрал?

— Да, — вновь отвечал он.

— Хочешь ли детей и будешь ли хорошим отцом?

— Да, — после некоторой паузы отвечал он.

— Трижды сказав «да», ты ни разу не солгал... Знай же, что слепых не судят, но со зрячего спросят сполна.

Взмахнув одним крылом, Тень сорвала черную ленту с талии Эрики и повязала округ ее груди. Альфред увидел, как из глаз супруги потекли ручейками серебряные слезы. Взмахнув другим крылом, Тень усмирила естество Альфреда и освободила его от ленты. Спрятав ее в складках своих одежд, она молвила:

— В одной дочери ты получишь двух — божественную жемчужину из воды и огня.

Послышался глухой рокот могучей стихии. От стен леса нахлынули морские воды и превратили поляну с деревом в малый остров, омываемый тихим прибоем. На фоне лесной чащи появился стройный силуэт девушки танцовщицы, выходящей из пенной волны. Двигаясь в балетных па, она коснулась золотого плода и превратила его в причудливую морскую раковину.

Тень властно взмахнула крылом на костер. Языки пламени вынесли из раскаленных углей огненный фантом девочки и, ласково облизав, вложили ее маленькое тельце в морскую диковину, которой касалась танцовщица. На груди малышки ярко полыхнуло медным свечением родимое пятнышко, а между створок раковины перед тем, как они захлопнулись, блеснула перламутром круглая драгоценность.

— Найди Божественную Жемчужину, принеси домой и помни: жизнь твоя, привязанная к небу черной лентой, висит над пропастью. Храня верность жене, сумеешь сохранить и

себя.

Сказав так, Тень ступила в тлеющий огонь и исчезла вместе с костром.

О зловещем напутствии тени Альфред умолчал. Закончив рассказ, он надеялся на откровенность матери, но она не торопилась открывать свои тайны. Он взглянул на часы, понял, что выдал свое нетерпение, и заговорил вновь:

— Возможно, в девяносто первом ваш с отцом разговор был оправдан, но ты сказала, что время запретов прошло. Может, сообщишь наконец, о чем молчала все эти годы?

Мариэн оперлась локтями на поверхность стола, закрыла глаза и помассировала пальцами веки.

— Я знала, что Эрика сделала аборт незадолго до вашей свадьбы, — наконец сообщила она с прохладцей. — В то утро я сомневалась, говорить ли тебе об этом, но запрет Винсента, хотя и был адресован тебе, убедил меня в необходимости молчания.

Альфред нахмурился:

— Моя жена поступила необдуманно, но сегодня это уже секрет Полишинеля.[1] Я жду от тебя большего, мама.

— Ты ведь уже догадался, почему Эрика так панически боится появления Маргарет?

Альфред пожал плечами:

— Она переживает за психическое здоровье Дианы. Это нормально для матери; окажись на ее месте любая другая...

— Подобные страхи лежат на дне души, Альфред. Они как затонувшие корабли в океане, — Мариэн печально посмотрела сына. — Нерожденные дети мстят матерям, и твоя супруга об этом знает, ведь для женщины «предчувствовать» и «знать» — это почти одно и то же.

— Я догадывался, что Маргарет — наша нерожденная дочь, — без удивления ответил Гарднер, — но она все-таки нашла способ появиться на свет и...

— Не она, Альфред, — перебивая, поправила Мариэн, — ей помогли.

— Кто помог?

— На этот вопрос у меня нет ответа, который бы тебя устроил.

— Что отцу было известно о моей... моих дочерях?

— Я уже сказала, что не спрашивала. Поверь, существуют тайны, которые могут разрушить самый прочный союз. Твой отец это хорошо понимал. Возможно, даже слишком хорошо, но Винсент был не из тех людей, которых смерть заставляет молчать.

Альфред вспомнил об утреннем звонке из банка, едва не воскликнул «Да!», но вовремя сдержался. Его мимолетное озарение сопровождала вспышка во взгляде, и мать уловила ее без особого труда, как мастер боевых искусств ловит стрелу, выпущенную из лука.

— Альфред, скорого появления Маргарет ожидаем не только мы, — Мариэн слегка наклонила голову. — Помнишь о ворах, которые забрались в наш дом и украли неизвестно что?

Гарднер хорошо помнил ночной переполох, случившийся почти год назад. Тогда всех спящих в доме ужасно напугал звук корабельной сирены. Сигнал бы настолько громким, что разбудил целый квартал. В полицию поступили звонки от соседей. Вскоре несколько машин с проблесковыми маячками подъехали к воротам поместья Гарднеров, а вой сирены все не утихал. Спустя еще десять минут устройство, воспроизводящее этот страшный звук, удалось найти и отключить, оно было спрятано в холле и сработало оттого, что какой-то злоумышленник вскрыл потайной сейф в стене за скульптурной композицией «Амур и

Психея». Дверца сейфа была открытой, сам сейф — пуст, но никто из проживающих в доме не подозревал о его существовании, поэтому не мог сказать, что именно было украдено. Лейтенант полиции, прибывший на место преступления, провел дознание, заподозрил, что похищенное каким-то образом компрометирует хозяев, но никаких признаний добиться не смог.

— Отец что-то спрятал в сейфе, но не успел нам об этом сказать... — Гарднер вдруг осекся, вспомнив о звонке из банка.

Мариэн вновь заметила проблески догадок на лице сына.

— Альфред, тебе лучше не скрывать от меня того, что уже произошло или произойдет в ближайшее время.

— Мне пока нечего тебе сказать, — Гарднер снова посмотрел на часы, думая, что раз мать не торопится открывать свои тайны, то и ему пока не стоит рассказывать ей про банковскую ячейку, арендованную отцом. — Нам с Дианой пора ехать к психотерапевту, — он встал с дивана и направился к двери.

— Альфред, подумай о небольшой поездке с Эрикой... куда-нибудь подальше от Лос-Анджелеса. Хотя бы на несколько дней. Это нужно для того, чтобы побереечь ее нервы.

Гарднер обернулся уже около двери и нехотя спросил:

— Думаешь, она не справится со своим страхом перед Маргарет?

— Не знаю, но с семейным апокалипсисом лучше повременить.

Гарднер вяло отмахнулся.

— Мама, перестань сгущать краски. Маргарет вовсе не демоница, и Эрика очень скоро это поймет.

— Вряд ли ее страхи уйдут быстро, а это чревато проблемами для Дианы.

Альфред вспомнил, как всего полчаса назад мать устроила погоню за дочерью из одних только подозрений о рецидиве ее психической болезни. Легкая улыбка исчезла с его губ, ему вдруг стало ясно, что Эрика после появления Маргарет, скорее всего, захочет упрятать Диану в психиатрическую клинику.

— Я подумаю, что можно сделать, — сухо пообещал он и вышел из кабинета.

Фильмы, в которых снимался легендарный голливудский киноактер Винсент Гарднер, не были технологичными ужасами, где жуть передается через мясные спецэффекты. Он был мастером жеста, пронзительного взгляда, мимической фигуры, многозначщей паузы и никогда, решительно никогда не играл самого себя даже мизинцем. Винсент читал музыку человеческих страстей с листа сценария, как ноты многоголосой партитуры. Войдя в роль кинозлодея, он играл на струнах зрительских эмоций столь виртуозно, что, будь они струнами скрипки, его мастерство оценил бы сам маэстро Паганини.

Талант старшего Гарднера завораживал и мужчин, и женщин. Поклонницы его обожали. Знал ли Винсент о тайнах, толкающих отчаянные женские души во власть демонических сил, сказать сложно, но доподлинно известен случай, когда одна дама после просмотра фильма с его участием сказала подруге: «Если такой злодей захочет меня... украсть, то пусть украдет!»

Достойный сын своего отца, Альфред получил в наследство от знаменитого родителя ум, статью, мужскую красоту и аристократичность. Имея в своем арсенале открытый энергичный взгляд, чувство юмора и набор галантных манер, молодой Альфред умел произвести на девушек благоприятное впечатление и уловить «зеленую волну» там, где

менее удачливые претенденты останавливались на красный сигнал светофора.

Окруженный ореолом славы отца, красавец Альфред Гарднер числился ценной добычей в списках охотниц за женихами. Многочисленные дамские ловушки, хитро замаскированные под неприступность и равнодушием, стали для него уроками по предмету «Женские уловки». Научившись распознавать тщеславие и меркантильность, Альфред обрел чутье зверя, на которого повсюду ставят капканы, но, легкомысленно щелкая перченые орешки, заработал славу неуловимого холостяка, искушенного в постельном флирте.

Растущий цинизм свободного электрона вызвал серьезное недовольство главы семейства Гарднеров, который хоть и играл соблазнитель и злодеев, но был безупречен на поприще семейном. Устав напоминать сыну о неминуемой расплате мужским здоровьем и червях раскаяния, ожидающих своего могильного часа, Винсент махнул рукой. Отношения отца с сыном стали натянутыми, и лишь после женитьбы Альфреда на Эрике Пауэрс начали теплеть.

Спустя час после разговора с матерью Альфред сидел в машине на парковке бизнес-центра в Вествуде на углу бульвара Сепульведа и Массачусетс Авеню. Он привез сюда Диану на плановый визит к психотерапевту и теперь ожидал ее возвращения. В надежде найти газету или журнал Гарднер открыл крышку бардачка, затем окинул взглядом салон, но не обнаружил ничего подходящего, кроме школьного рюкзака дочери на заднем сидении. Альфред дотянулся до ранца и положил его справа от себя.

— Милая, я не буду копаться в твоих вещах, — обратился он к рюкзаку, — мне нужно что-нибудь почитать, — с этими словами Альфред расстегнул молнию, достал первую попавшуюся книгу и удивленно воскликнул:

— Божественная комедия!

В памяти всплыли первые строки:

Земную жизнь пройдя до половины,

Я очутился в сумрачном лесу,

Утратив правый путь во тьме долины. [2]

Восемнадцать лет назад, как раз в день памятного сна, Альфреду исполнилось тридцать четыре — на год меньше, чем было Данте, когда тот на середине жизненного пути оказался в труднопроходимой чаще своих грехов и заблуждений.[3] Гарднер отвел взгляд от обложки и не заметил, как ветер воспоминаний унес его в прошлое.

Он рассказал матери лишь вторую половину своего сна; прежде чем оказаться около раскидистого дерева с чудесными плодами, Альфред побывал в шкуре слепого животного...

Молодой зверь мчался во влажном запахе дикой природы и вдруг наткнулся на темную преграду, преодолеть которую хотел, но не мог. Здесь произошла метаморфоза: животное встало на две ноги и превратилось в подобие человека, который еще не прозрел, но уже увидел. Стена исчезла, он различил деревья, за деревьями — мрачный лес, в лесу — тропу.

Дорога привела в некрополь и запетляла в подземных галереях ненужных побед, между склепов с останками бесславных поражений и могильников бездарно потраченного времени. Учуяв раскаяние ведомого, тропа перестала блуждать по мрачным катакомбам и вывела к живописному уголку некрополя — кладбищу цветочной пыльцы. Здесь, в тени каштановых деревьев, были похоронены девичьи эмоции, сгоревшие в крематории страсти; женская вера в мужское благородство, наложившая на себя руки; распятые надежды; любовь, погребенная заживо.

Альфред окинул взглядом ближайшие могилы. Вот тут, во влажной низине, покоится чахоточная мечта изнеженной лилии, а рядом, на пригорке, где больше не растет трава, разлита желчь самонадеянной орхидеи. У ручья около привидения розы, когда-то изъеденной жуками ревности, склонился призрак засохшего нарцисса.

Цветочное кладбище вдруг почувствовало присутствие Альфреда и взбунтовалось подземными толчками. На дне могил и черных омутов зашевелились усопшие мечты. Цветочные привидения жалобно застонали, зашипели проклятиями, забулькали ядовитым газом из болотных трясин.

Сверху, из кроны деревьев, налетел теплый ветер. Будто бессмертный дух, он пронесся между каменных надгробий, нашептывая о прозрачной глубине. Землетрясение прекратилось также быстро, как и началось; между массивными плитами, придавившими почву, пробились многочисленные зеленые ростки. Вырастая на глазах, они поползли вдоль каменных колонн, покрывая прошлое.

Тяжесть прежних ошибок легла на плечи Альфреда, он пал на колени, оперся руками о землю, но тропа потребовала встать на две ноги и позвала дальше к занавесу из белесой мглы, за которой скрывалось древо жизни...

Воспоминания пробудили червей раскаяния, о которых предупреждал старший Гарднер. Альфред тряхнул головой, чтобы разогнать клубки этих липких пиявок, сосущих из памяти все самое отвратительное и мерзкое, что он когда-либо совершил, и то, чему позволил свершиться. Он попытался исправлять прошлое, поступая в мыслях иначе, благороднее и честнее, но недостойных выходов и постыдного бездействия было слишком много. Тени обманутых девушек, страстно желавших заполучить его в качестве мужа, будто все разом проникли в салон джипа, напоминали, укоряли, бились крыльями о стекла и потолок, создавая кошмарный хаос.

Гарднер открыл дверь, вышел из машины и немного постоял рядом, оглядываясь по сторонам.

«Они тоже имели свой интерес и не были святыми мученицами, — подумал он, однако легче ему не стало. — Что ж, я был молод, но раскаялся, когда мне исполнилось тридцать четыре года. Я изменился, теперь я другой. Многие из ныне живущих не сделали и этого...»

Позвонила Диана.

Речь ее, в зависимости от нюансов настроения, напоминала то щебетание с переливными трелями, то звуки ксилофона, извлекаемые с виртуозной скоростью. На слух Альфреда эти особенности голоса дочери влияли как чудесная музыка, то бодрящая ритмом, то умиляющая красотой мелодии, но сейчас в ней звучали грустные и даже подавленные нотки:

— Пап, миссис Лаура хочет с тобой поговорить.

— Сейчас приду, — он посмотрел на часы: одиннадцать утра.

Гадая, зачем психотерапевт Дианы, вопреки обыкновению, настаивает на встрече, Альфред прошел через парадный вход бизнес-центра, напоминающего квадратный форт, миновал внутренний двор, опрятный и чистенький, и через пару минут добрался до холла офисного помещения.

Сеанс психоанализа уже закончился. Диана сидела на краешке кресла и сосредоточенно наблюдала за одинокой рыбкой в круглом аквариуме. При виде отца дочь поправила на плече пышную французскую косу и скрестила лодыжки, сменив таким образом «позу герцогини» на «кембриджский крест». Этим двум закрытым позам, предписанным по

этикету на официальных мероприятиях женщинам из британской королевской семьи, как, впрочем, и всем настоящим леди, научила Диану бабушка.

Альфред заметил, что под видом благовоспитанной и прилежной особы дочь пытается скрыть растерянность и волнение, поэтому, проходя мимо, подмигнул ей и одарил улыбкой из своего безотказного арсенала. Диана опустила голову, пряча робкую надежду на то, что все будет хорошо. Альфред открыл дверь с табличкой:

«Лаура Вайс. Психотерапевт».

[1] Полишинель (фр. polichinelle, от итал. Pulcinella — Пульчинелла) — персонаж французского народного театра: горбун, весёлый задира и балагур. Неисправимый болтун, он сообщал под видом секретов известные всем вещи; отсюда происходит выражение «секрет Полишинеля».

[2] «Божественная комедия» Данте Алигьери, перевод М. Лозинского.

[3] Середина человеческого бытия по Данте — возраст 35 лет.

Глава 4. Визит к психотерапевту

— Не хочу поднимать ложную тревогу, мистер Гарднер, но сегодня Диана выглядела напряженной. Возможно, она что-то скрывает, — умиротворенным тоном сообщила слегка полноватая и круглолицая Лаура Вайс. — Причины этого могут оказаться вполне безобидными. Подростки испытывают множество сильных, часто надуманных переживаний, но диагноз вашей дочери, я говорю о диссоциативном расстройстве идентичности, слишком серьезен...[1]

— Вы о раздвоении личности? — на всякий случай переспросил Альфред, интуитивно отказываясь воспринимать пугающую медицинскую терминологию.

— Это неточное название. Личностей, живущих в одном человеке, может быть больше двух. Например, в горничной Хуаните Максвелл уживались шесть, одна из которых совершила убийство, а у насильника Билли Миллигана психиатры выявили 24 субличности разного пола, возраста и национальности. Случай Дианы, конечно, не такой тяжелый, в противном случае я бы направила ее к другому специалисту. Но беспечность при таком диагнозе недопустима. Обострение расстройства может серьезно навредить вашей дочери, поэтому я рекомендую вам привезти ко мне Диану не через месяц, как обычно, а, скажем... через неделю, — Лаура взглянула на экран ноутбука, пощелкала мышкой и уточнила: — Как насчет 27 мая в 12 часов дня?

— Лучше в пятницу, 28-го числа, в удобное для вас время, — поправил Альфред. — В четверг у нас запланировано семейное мероприятие.

— Ах да! Как я могла упустить это из виду! — воскликнула Лаура. — Я ведь большая поклонница творчества вашего отца и знаю, что он родился именно 27 мая.

— В следующем году исполнится ровно сто лет со дня его рождения.

— Минуту, я отмечу вас в графике, — Лаура вновь закликала мышкой. — 28 мая в 12 часов дня, но если случится рецидив, то внеплановый сеанс будет категорически необходим. Возьмите рецепт. Пусть Диана принимает эти лекарства всю следующую неделю. Пока это только антидепрессанты.

Альфред машинально взял листок, рассеянно свернул его текстом наружу и поинтересовался:

— Что стало причиной ваших опасений? Скрытность Дианы?

Лаура Вайс оставила в покое компьютерную мышь и сложила руки на столе.

— Как вы, наверно, помните, диагноз Диане поставил признанный специалист по диссоциативным расстройствам, психиатр Джек Парсонс. При моем скромном участии. Это произошло... — Лаура заглянула в ноутбук, — в 1998 году, когда Диане было 5 лет. Тогда он и я руководствовались не только свидетельствами вашей жены, но и сами наблюдали появление вторичной личности, которая назвала себя Маргарет. Как у профессионалов, ни у доктора Парсонса, ни у меня не было никаких сомнений в ее существовании. Но она пропала так же внезапно, как и появилась. Тогда Диана сказала, будто Маргарет ушла в зеркало. С тех пор вот уже двенадцать лет с семью годичными перерывами Диана находится под моим наблюдением, и рецидивов расстройства не было.

Лаура выдержала короткую паузу, давая понять, что подошла к самому важному.

— Сегодня ваша дочь сообщила мне, что видела в зеркале не себя. Я задала дополнительные вопросы, но Диана замкнулась и отвечала односложно. Контраст между

обычным течением сеанса и сегодняшним был резким, поэтому я и позволила себе настаивать на сокращении периода между сеансами с месяца до недели.

— Ваши опасения вполне обоснованы, миссис Вайс, но прошу вас не говорить о них моей жене. Она склонна преувеличивать, и я боюсь, что это плохо повлияет на Диану.

Лаура покачала головой.

— Миссис Эрика звонит мне после каждого сеанса и требует подробностей. Она доверяет мне. Это доверие заработано годами. Неужели вы допускаете, что я смогу ей лгать?

— Конечно, нет! — поспешил заверить Альфред. — Скажите о напряжении Дианы, о ее желании что-то скрыть, но не говорите о зеркале. По крайней мере, пока.

На этот раз Лаура Вайс помедлила с ответом. Немного помолчав, она подумала о возможной сделке, подразумевающей ее молчание, и нашла, что не будет иметь от нее никакой выгоды, если не предложит свои условия. «Раз муж хочет скрыть кое-что от своей жены, то должен пойти на некоторые уступки», — с этой мыслью Лаура заговорила, начав издали:

— Ваша супруга очень красивая женщина. Диана невольно сравнивает себя с матерью и подсознательно винит ее в своем мнимом несовершенстве. С учетом сложностей этапа взросления, в котором находится ваша дочь, такое невыгодное сравнение дестабилизирует ее психику и может способствовать пробуждению субличности, — обдумывая следующий аргумент, Лаура переложила на столе какие-то бумаги. — Я сама хотела вам позвонить, но Диана меня опередила. Вероятно, она думала, что я позвоню миссис Эрике, и решила вызвать вас.

— Нет ничего удивительного в том, что моя дочь сделала по-своему, — Альфред начал смутно подозревать, что Лаура подводит его к какому-то выгодному для нее решению. — Диана уже не ребенок, это очевидно.

— А для меня очевидно, что она больше доверяет вам, чем матери.

— Не вижу в этом ничего плохого.

— Подобный контраст доверия обычно свидетельствует о вредной диспропорции в личностных отношениях, — продолжила развивать свою мысль Лаура. — Дети больше расположены к тому из родителей, которым легче манипулировать. Но иногда такой выбор имеет другую причину, более серьезную. Я имею в виду «комплекс Электры», женский вариант «Эдипова комплекса».

— Вы серьезно? — удивился Альфред. — Хотите сказать, что моя дочь испытывает ко мне влечение?

— *Неосознанное* влечение к родителю противоположного пола, — авторитетно поправила Лаура, сделав акцент на слове *неосознанное*. — Это нормальная стадия психоэмоционального развития, которая проявляется у девочек уже в раннем детстве. Обычно, взрослея, девушки-подростки сами справляются с проблемой такого рода, но если этого не происходит, то комплекс Электры сильно осложняет им жизнь. Чтобы норма не превратилась в проблему, родителям необходимо гармонизировать отношения и выработать общую линию поведения. Квалифицированная помощь психотерапевта бывает в таком случае очень полезна. Иными словами, мистер Гарднер, я предлагаю вам прийти ко мне на консультацию вместе с супругой.

— Я не против, но меня тревожит один вопрос.

— Кажется, я знаю какой, — догадалась Лаура.

— Могут ли я рассчитывать на ваше молчание о зеркале?

Лаура Вайс помедлила, явно давая понять, что делает одолжение.

— Можете, мистер Гарднер, — сказала она, — но если мои подозрения оправдаются, я буду просто обязана сообщить вашей супруге то, что ей знать необходимо.

— Тогда остается назначить время консультации и убедить Эрику прийти со мной к вам, — подытожил Альфред, полагая, что несколько дополнительных сеансов у Лауры — вполне приемлемая плата за ее молчание.

— Я поговорю с вашей женой, — заверила удовлетворенная миссис Вайс.

Желая отвлечь Диану от неприятных мыслей, Альфред завел ее в салат-бар рядом с бизнес-центром.

— Пап, мне нельзя... — нерешительно возразила она.

— Разве? — спросил он, разыгрывая удивление.

— Мама говорит, что если я буду перекусывать на ходу, то стану толстая, как Крисси Шульц.

— Ты толстая?! — он засмеялся. — Тогда я — Люк Скайуокер.

— Если мама узнает... — Диана многозначительно замолчала.

В глазах Альфреда засверкали веселые огоньки.

— А кто ей скажет?

Диана смущенно улыбнулась, опустила взгляд и после мимолетного раздумья заказала калифорнийский салат и капучино. Альфред расплатился и отдал дочери пакет с едой.

— Пап, надо ехать, экскурсия начнется в 12 часов дня, — напомнила Диана и с удовольствием отправила в рот кусочек авокадо с ростками брокколи и красной капустой.

— Тогда к машине, принцесса.

Диана устроилась на заднем сидении белого паркетного джипа. Альфред сел за руль, завел двигатель и помыслил вслух:

— По шоссе Сан-Диего ехать рискованно, можем попасть в пробку.

Свернув на бульвар Санта-Моника в сторону Беверли-Хиллз и миновав отрезок Кресент Драйв, Альфред выехал на бульвар Уилшир, соединяющий центр города с западным округом.

Диана уплела салат и остатки жареных семечек кунжута, вытерлась салфеткой и вставила соломинку в стакан с капучино.

— Я устала отвечать миссис Лауре на одни и те же вопросы. Она думает, я чокнутая и не помню, что, когда и как делала.

— Ты ведь знаешь, что в детстве нечто подобное с тобой происходило. Это продолжалось недолго, всего несколько месяцев... но сейчас же этого нет.

— Ничего такого за собой не припоминаю.

— Значит, и поводов для беспокойства нет.

— Как нет, если мама считает меня сумасшедшей! — звонко возразила она. — И ты тоже. Я ведь странная, да?

— Это не странность, а уникальность, — убежденно возразил Альфред.

Диана вдруг закатила глаза и заговорила монотонно, как будто в транс:

— Я есть все бывшее, и будущее, и сущее, и никто из смертных не приподнял покрывала моей тайны... — она перестала притворяться и с укором сказала: — Папа, какая уникальность? Я обычная!

— Плутовка. То ты странная, то ты обычная, — пожурил Альфред. — Что это было? Древняя мистика?

— Не помню, где-то прочитала... а что сказала миссис Лаура?

— Ничего особенного. Она поверила в твои фантазии о зеркале и увеличила частоту посещений. Следующий сеанс через неделю.

— Надо было молчать, — вздохнула Диана. — О чем я только думала! Теперь об этом узнает мама.

— Я попросил миссис Лауру не говорить, — успокоил Альфред, следя за дорогой.

— Серьезно?! — подпрыгнула Диана.

— Пусть это будет нашей маленькой тайной, — Альфред остановил автомобиль у светофора на пересечение бульвара Уилшир и Дансмьюир Авеню.

Диана наклонилась к уху отца и прошептала:

— Папочка, я тебя люблю.

— И я тебя, — он достал из кармана рецепт и показал дочери. — Знаешь, у психотерапевтов есть привычка: стоит пациенту загрустить, как они тут же выписывают ему антидепрессанты.

— Кажется, миссис Лаура что-то говорила про лекарства.

— Я этого не помню, — Альфред дважды разорвал рецепт и положил обратно в карман.

Диана спрятала улыбку за стаканом кофе и украдкой посмотрела на отца в зеркало заднего вида. Лицо Альфреда было бесстрастным. Она осторожно заметила:

— Если мама узнает, что мы ее обманываем...

— Оставь это мне.

— Обожаю, когда ты так говоришь.

— А что ты видела в зеркале?

— Как что? Мое отражение, — сообщила Диана и понизила голос. — Иногда мне кажется, будто оно хочет что-то сказать, но его не слышно.

— Ты с ним разговариваешь?

— Нет, конечно! — оскорбилась Диана. — Я не сумасшедшая.

— И давно это с тобой?

— Не со мной, а с зеркалом.

— Да, да, с ним. Как давно, отражение... хочет с тобой говорить?

— С начала мая, — Диана вновь погрузилась. — Я ненормальная, да?

— Милая, быть нормальной значит быть частью толпы и следовать за ней, даже если она идет по ложному пути. Все выдающиеся люди не были нормальными, поэтому они находили иной путь и вели толпу за собой или шли против нее в другую сторону. Мама хочет, чтобы ты была нормальной. Я думаю, что ты уникальная. Возможно, то и другое крайности, но между ними есть середина — истина. Найти ее можешь только ты сама.

— А почему ты думаешь, что я уникальная?

— С тобой и вокруг тебя происходит необычное... мой сон, твои видения в зеркале, странности твоего деда...

— Какой сон?

— Я сказал о сне? Не могу поверить, что проболтался, — Альфред с досады мотнул головой. — Так и быть, обещаю рассказать, только не сейчас, милая.

— Ладно, но я обязательно напомню, а что странного с дедушкой?

— Длинная история. Кстати, это он назвал тебя принцессой.

— Он сказал, и вы с бабушкой повторяете, — Диана картинно вздохнула и посмотрела в окно. — Все принцессы красивые, не такие, как я.

— Да, они не такие красивые, как ты, — Альфред улыбнулся тому, сколь ловко он увильнул от опасной темы.

— Папа, не трать силы на утешения! Я некрасивая, и меня это устраивает, — в голосе Дианы зазвучал звонкий тембр ксилофона. — Серенькой быть хорошо, так легче найти парня, который полюбит меня, а не мою внешность.

— Что есть красота и почему её обожествляют люди? Сосуд она, в котором пустота, или огонь, мерцающий в сосуде? Это стихи Николая Заболоцкого.

— Папа, не надо притворяться, будто тебя не интересует внешняя красота. Правду говорят твои глаза. Я вижу, как ты смотришь на маму и как смотришь на меня.

Гарднеру вспомнилась Лаура с ее версией о «комплексе Электры», названном так по имени дочери микенского царя Агамемнона; девушка ненавидела свою мать и отомстила ей за убийство отца. Альфред подумал, что, возможно, слишком легкомысленно отнесся к предостережению Лауры, и осторожно возразил:

— Нет ничего странного, что я смотрю на тебя иначе. Твоя мама взрослая женщина и моя жена, а ты моя дочь, моя юная принцесса. Я люблю ее и тебя, но по-разному.

— Любовь, как вино, бывает всевозможных марок и сортов?

Альфред промолчал, опасаясь вступать в чертоги, тонкие и чувствительные, где неосторожные слова и даже мысли, не произнесенные вслух, способны причинить боль. Дочь, понимая, что сама завела отца на территорию умолчания, не настаивала на ответе. Чуткая эмоциональная ткань, легкоранимая простым невниманием, но способная выдержать ураган любви, постепенно успокоилась и легла на цветочное поле романтических переживаний.

Диана подумала о Стиве Харви и тепле его руки, которое она почувствовала во время одной из первых репетиций школьного спектакля. Стив, как настоящий принц, смотрел на нее влюбленно, а после предложил выпить кофе и задавал много вопросов, искренне заинтересованных. Диана сначала ужасно смущалась, но он вел себя так естественно, был так предупредителен, что она как будто оттаяла и щебетала, щебетала... Стив внимательно слушал ее; на его губах блуждала улыбка, его слегка прищуренные карие глаза смотрели доброжелательно и мило. «Наверно, он тот, кто смог увидеть мою внутреннюю красоту — думала Диана. — Если он мой принц, то я согласна быть принцессой».

Альфред остановил джип на светофоре. Диана очнулась от своих грез и решила нарушить затянувшееся молчание:

— Мариэн мне говорила... — неуверенно начала она, — дедушка Винсент интересовался судьбой английской принцессы; он как будто был уверен, что однажды она посетит наш дом, и всерьез готовился к ее визиту. Это была экстравагантность кинозвезды или что-то другое?

— Разве бабушка тебе не говорила?

— Нет.

— Жаль, мне тоже, — Альфред лукаво улыбнулся. — Надеялся узнать от тебя что-нибудь новое. Мы приехали, — сказал он, припарковав джип недалеко от угла 5-й Западной и Флауэр стрит.

— Мне интересно, а ты не хочешь рассказывать, — обиделась Диана.

Альфред вынул ключ из замка зажигания и повернулся к дочери:

— После твоего появления отец... твой дед и думать забыл о Диане Уэльской. Он назвал тебя принцессой, когда увидел пятнышко на твоей груди, а спустя неделю вдруг

затеял в доме капитальный ремонт.

— Какое еще пятнышко? — насторожилась Диана. — Родимое?

— Да, небольшое, размером с пятицентовик, но оно пропало после того, как тебе исполнился год.

— А на лице? На моем лице было пятно?

— Ты о покраснении на левой стороне? Да, оно появлялось, но только когда ты плакала, а потом и вовсе исчезло. Почему ты спрашиваешь? Бабушка тебе рассказывала?

— Да, бабушка... — не раздумывая соврала Диана, — а что странного в ремонте?

— В том, что он не требовался. На него ушел почти месяц, а еще через неделю твой дед скончался. Больше я ничего не знаю. Твоя бабушка под разными предлогами отказывалась говорить на эту тему почти восемнадцать лет, а мой отец не оставил мне ни одной зацепки, — Альфред посмотрел на часы. — Впрочем, возможно, она скоро появится.

— Откуда? — заинтересованно чирикнула Диана.

— Боюсь, милая, у нас нет времени.

— Ну вот, ты уже хочешь от меня избавиться, — обидчиво заметила она.

— Напротив, я сожалею, что нам надо расстаться.

— А что, если я не пойду на экскурсию, и ты расскажешь мне все прямо сейчас?

Альфред улыбнулся и отрицательно покачал головой. Диана тут же придумала другое решение:

— Ладно, тогда просто опоздаю на пятнадцать минут и...

— Я буду ждать тебя через два часа в парке у бассейна с соколом, — настоял отец, стараясь быть не слишком категоричным. — Беги на экскурсию, а то и правда опоздаешь.

Диана неохотно сдалась, чмокнула отца в щеку и полюбопытствовала:

— А ты что будешь делать?

Альфред надел солнцезащитные очки и махнул в сторону самого высокого здания в Калифорнии — библиотечной башни U.S. Bank Tower:

— Просто перейду дорогу. Мне нужно зайти в банк.

[1] Диссоциативное расстройство идентичности, также известное под названиями «раздвоение личности» или «расстройство множественной личности», — редчайшее психическое расстройство, для которого характерно разделение одной личности на несколько разных, вследствие чего создается впечатление, будто внутри одного человека существует несколько других, имеющих разные возраст, пол, темперамент и мировоззрение.

Глава 5. Семейные тайны

Альфреду редко доводилось видеть супругу без минимального макияжа; о стараниях, которые она прилагала, чтобы выглядеть ухоженной и прелестной, он ничего не знал — Эрика никогда не навела красоту при муже. Редкое исключение из правила случилось наутро после памятного сна, в котором она предстала перед Альфредом в образе нагой колдуньи, отказавшейся от материнства.

В то утро, 1 мая 1992 года, а это был день рождения Альфреда, он проснулся и увидел, как Эрика подкрашивала ресницы, нагнувшись к трюмо под умопомрачительным углом. В зеркале были видны ее лицо и грудь, обнаженная ненамеренно; короткий атласный пеньюар натянулся вдоль спины и едва прикрывал интимные округлости. Альфред припомнил танец супруги из своего сна и почувствовал, как по телу разливается возбужденное томление.

Очарованный, будто Адонис, случайно заставший прекрасную богиню охоты во время купания, Альфред украдкой ласкал взглядом стройную фигуру супруги и дорисовывал в воображении формы, недостающие для полноты картины. Увлечшись, он даже затаил дыхание, отчего ему пришлось сделать порывистый вдох, который его выдал.

Эрика вздрогнула и резко обернулась, словно ее застали за чем-то непристойным. Она поспешно закрыла колпачком флакончик с тушью, спрятала его за спину и незаметно бросила в ящик трюмо.

— Я не ожидала, что ты проснешься так рано, дорогой.

— Хотел посмотреть, как ты прихорашиваешься.

— Это запрещено! — Эрика кокетливо стрельнула глазами. — Видеть можно только результат. Все остальное — секрет!

— Я хочу исследовать все твои секреты, и немедленно.

— Ты говоришь об этом? — Эрика зазывно приподняла край пеньюара к талии, демонстрируя обнаженное бедро и отсутствие нижнего белья. — Исследовать *эти* секреты я позволю тебе с удовольствием.

— Плутовка, — улыбнулся Альфред, наслаждаясь ее игривостью, — иди скорее ко мне.

— А как же поздравление?

— Начни сразу с подарка.

— Хорошо, я так и сделаю, — она с загадочной улыбкой потянула двумя пальчиками тонкий поясок пеньюара, — а поздравлениями займусь позже.

— Эрика, ты даже не представляешь, как я тебя хочу, — признался Альфред.

— Надеюсь, это не я тебя разбудила? — увильнула она от столь явной атаки, затягивая прелюдию.

— Ты мне приснилась.

— И что я делала в твоём сне? — живо любопытствовала она.

— Танцевала вокруг меня голая и чуть не заласкала насмерть.

— О, тебе снятся эротические сны! — Эрика подошла к мужу и оперлась коленом на край постели. — Я могу сделать их вещими... и способна на большее, если того пожелает мой пылкий исследователь тайн.

— Договорились, у меня в запасе много эротических фантазий, а это была самая безобидная из них.

— Ах ты, дерзкий распутник, — она выгнула спину и обольстительно нависла над

мужем.

— За такие слова плохую девчонку придется наказать, — взгляд его скользнул в сторону зеркала позади супруги.

Заметив это, Эрика изогнулась еще сильнее, отчего пеньюар обнажил фрагмент, недостающий в картине Альфреда.

— Меня бесполезно воспитывать, — возразила она. — Ай! Что вы делаете, мистер! — Эрика захихикала, пытаясь высвободиться, но Альфред уже перевернул ее на спину и накрыл собой.

— Попалась! Вредная девчонка.

— А может, я этого хотела...

Эрика встала с постели, накинула длинный голубой халат и подошла к зеркалу.

— Я, пожалуй, не пойду сегодня теннисный корт, — она оценила урон, нанесенный страстью ее красоте, нашла его незначительным, рассмотрела свой румянец и осталась довольна. — Сначала душ, потом бассейн. Ты со мной?

— С удовольствием, — согласился Альфред и спросил: — Ты раньше занималась балетом?

— Откуда тебе известно? — удивилась она.

— В твоей осанке чувствуется грация балерины.

— Да, я училась в школе классического танца, но недолго.

— И что помешало тебе стать звездой балета?

— Альфред, дорогой, ты видел ноги балерины?

— Ножки балерины? — лукаво переспросил он. — Еще бы!

— Так! Сегодня ночью кое-кто будет спать на полу, — пригрозила Эрика, делая вид, что рассердилась. — Я говорю не о ножках в чулках и колготках, а о ступнях.

— Они всегда закрыты пуантами.

— Вот и не пытайся их увидеть, иначе получишь психическую травму.

— А что с ними не так?

— Ты правда не знаешь? Ступни балерин страшнее, чем у женщин Рубенса.[1]

— В самом деле? — удивился Альфред. — Ах да, это адский труд; легкость в танце стоит огромных жертв; профессиональные болезни, растяжения, травмы...

— Однажды в раздевалке я увидела, как девочка из старшей группы снимала пуанты после занятий. Ее ступни были похожи на два мешка с кровавыми костями. В тот день я перестала ходить в эту изуверскую школу.

— Рад, что ты не стала звездой балета. Мать великой русской танцовщицы Галины Улановой заставила дочь поклясться, что у нее никогда не будет детей. «Материнство несовместимо с карьерой балерины», так она сказала, — Альфред многозначительно посмотрел на супругу.

Поняв, куда он клонит, Эрика поспешила перевести тему в другое, выгодное для нее русло:

— Разумеется, я только выиграла оттого, что не захотела стать балериной, и вот доказательство, — она с таинственным видом отвела полу халата, вынула ножку из туфельки и поставила на грудь мужа.

Альфред с удовольствием погладил ровные покрашенные пальчики. Рука его поползла вверх к гладкому колену, однако ножка быстро вернулась в туфельку.

— Пора вставать, дорогой, тебя ждут поздравления и подарки.

Во взгляде Альфреда появилась сентиментальность, он вдруг тихо сказал:

— У нас будет девочка.

— О нет, я не могу сейчас рожать. Я еще не окончила колледж.

— Все уже решено.

— Кем-то, может быть, и решено, но не мной! А значит, не решено ничего!

После бассейна и завтрака Альфред направился в кабинет отца, полагая, что рассказ о зловещем напутствии крылатой тени станет поводом для откровенного разговора, а тема возможного пополнения в семье будет для старика приятной. Винсент блистательно исполнял в фильмах роли пособников темных сил, но в жизни был человеком добрым, отзывчивым и чутким.

Подойдя к открытой двери кабинета, Альфред увидел идиллическую картинку: мать с отцом сидели на кожаном диване рядышком, касаясь друг друга головами, и рассматривали каталог «The State Tretyakov Gallery».[2]

Альфред остановился на пороге, дождался приглашения войти и непринужденно пошутил:

— Выглядите как дети. Взяли взрослую книжку и уединились, чтобы никто не мешал рассматривать картинки.

— Мы говорили об одном произведении живописи, — пояснила Мариэн. — О жемчужине.

— Это шутка? — невольно вырвалось у Альфреда.

Уловив непонимающие взгляды родителей, он пояснил:

— Жемчужина была в моем сне... сегодня.

Винсент Гарднер, будучи человеком с мистическим складом ума, позволил себе сделать философское замечание:

— Искусство и сны говорят образами — особым языком, на котором бесконечность общается с душами людей. В ее речах нет места для хитрости, лжи и суетных мелочей. Бездна всегда вещает о главном.

— Посмотри, — Мариэн развернула каталог и процитировала фразу из описания: — «... галактика, увлекающая взгляд по спирали вглубь, как в жерло колодца». Композиция завораживает, не правда ли?

— Полотно Михаила Врубеля, — сразу узнал Альфред, но посмотрел на знакомую картину по-новому, будто увидел в первый раз.

Внутри перламутровой раковины на фоне сложнейших переливов разных оттенков зеленого, голубого и розового цветов были вписаны две морские царевны.

— Неожиданные ассоциации? — спросил Винсент у сына.

— Мне была обещана жемчужина из воды и огня... дочь, — признался Альфред, все еще разглядывая иллюстрацию. — На этой картине, как в моем сне: самой жемчужины нет, зато есть две девушки.

Винсент и Мариэн многозначительно переглянулись.

— И когда нам ждать пополнение? — спросила Мариэн.

— На груди малышки я видел рисунок, похожий на число 69, — признался Альфред и предположил: — Думаю, это был знак зодиакального Рака.

— Эрика не выглядит как девушка, которая родит через два месяца, — Мариэн вдруг заметила, как муж достал платок и подошел к окну. — Винсент, с тобой все в порядке? — забеспокоилась она.

В молодости высокий и видный мужчина, отец Альфреда, к восьмидесяти сильно сдал, но держался стоически.

— Да, да, я... просто немного запершило в груди, — он кашлянул в платок и вытянул руку в сторону сына: — Не рассказывай.

— Почему? — удивился Альфред.

Винсент закашлялся сильнее, но, упрямо преодолевая приступ, повторил снова:

— Нельзя... рассказывать.

Гарднер вошел в холл Библиотечной башни за десять минут до назначенного времени и осмотрелся, не снимая темных очков. Обширное внутреннее пространство, ограниченное большими окнами, светлыми стенами и высоким потолком, отражалось в шлифованных плитах мраморного пола, из-за этого казалось огромным и внушало ощущения муравья, оказавшегося на полу ванной комнаты. Свет и воздух были единственным, чего здесь хватало в избытке, в остальном холл башни выглядел пустым. Линия турникетов, освещенная ярким солнцем, несколько посетителей на островках с прямоугольными креслами вокруг журнальных столиков и охранник за стойкой регистрации в центре зала — вот, пожалуй, и все, за что здесь мог зацепиться взгляд.

Альфред назвал охраннику свое имя, показал документ, получил одноразовый пропуск, взглянул на часы. Оставалось пять минут. Он неспеша направился к месту встречи и снял очки, чтобы лучше видеть — из полосы солнечного света коридор за турникетами казался темным.

Спустя четыре минуты из него раздались ритмичные звуки каблучков, ровные и уверенные, как такты метронома. Вслед за стуками показалась молодая женщина в приталенном двубортном платье, похожем на блейзер. Длина его была выверена идеально с точки зрения баланса между деловым стилем и желанием показать достоинства фигуры; черные чулки, облегающие стройные ноги, сочетались с темным цветом самого платья, отчего оно не казалось коротким; смелый V-образный вырез на груди уравнивали классические лацканы и длинные рукава. Эти детали Альфред разглядел, несмотря на полумрак отдаленной части коридора. В тот момент он еще не мог разглядеть лица женщины, но уже понял, что это именно она — обладательница чарующего голоса, скорее подходящего сирене, чем служащей банка.

Ванесса преодолела затемненный участок коридора, вышла на солнечный свет и остановилась около турникета ровно в 13 часов дня, как обещала. Прежде чем она заговорила, Альфред успел оценить роскошный темно-пепельный оттенок ее волос, уложенных в строгую прическу, и нежную белизну кожи, на фоне которой красиво очерченные губы женщины выглядели как розовое вино, пролитое на белоснежную скатерть. Вино это было дорогим, полусладким и тихим, но, несомненно, могло стать игристым и даже крепленным в обстоятельствах, располагающих к подобным метаморфозам. Гарднер уловил это с проворством знатока и невольно вспомнил женщин из фильмов о прекрасной эпохе, оберегавших себя от загара ажурными зонтиками, чтобы сохранить бледность и этим подчеркнуть женственную хрупкость и прозрачность. Ванесса, однако, не выглядела как слабое создание, нуждающееся в сильном мужском плече. Бледность ее была аристократичной, а сама она напомнила Альфреду белую бенгальскую тигрицу.

Немного позже, вспоминая о встрече с Ванессой, он решил, что это сравнение пришло ему на ум из-за крупных рубинов в ее серьгах и кулоне; именно эти камни, яркие, похожие

на капли крови, и внушили ему мысли о чем-то хищном.

Уточнив его имя, она представилась, предложила следовать за собой, изящно развернулась и пошла вперед, будто давая возможность рассмотреть ее сзади. Двадцатью годами ранее Гарднер принял бы это за женскую уловку, протрубил бы сигнал «метать гончих» и без стеснения воспользовался бы выгодами предоставленного обзора, но сейчас его внутренний охотник, ушедший на покой, только лениво приподнял бровь и продолжил дремать в кресле у семейного очага. Справившись с турникетом, Альфред ускорил шаг и поравнялся со служащей довольно быстро, в чем сразу себя укорил и подумал, что на походку Ванессы стоило полюбоваться хотя бы из эстетических соображений.

Миновав людную лифтовую площадку, она провела своего VIP-клиента по короткому лабиринту коридоров через двери, закрытые для остальных, и использовала карту, чтобы вызвать служебный лифт. Все движения и повороты этой молодой привлекательной женщины выглядели естественными и плавными, она вела себя непринужденно, будто они с Альфредом были давно знакомы. По виду ей можно было дать лет двадцать восемь или даже меньше.

Гарднер позволил себе внимательнее рассмотреть ее прическу, отметил про себя, что ни один волосок на темно-пепельной голове не отклоняется от безупречного порядка, и вынужденно заговорил, когда она вдруг резко повернулась к нему лицом и поймала его изучающий взгляд.

— Я обратил внимание на аккуратность вашей укладки, — без смущения пояснил он. — Она идеальна.

Это смахивало на комплимент, но Ванесса не пожелала на него реагировать.

— Вы очень похожи на своего отца, — сказала она, рассматривая его лицо с нескрываемым пристрастием, как драгоценность в витрине ювелирного магазина. — Я представляла вас другим, но вы превзошли мои ожидания.

Альфреду показалось, что взгляд ее стал сентиментальным в моменте встречи, о которой она мечтала всю жизнь, но верить в это ему не хотелось.

— Предвосхищать ожидания всегда приятно, — сдержанно ответил он и подумал, что ради приличия нужно отплатить лестным на лестное. — Вы справились с этой задачей в сто раз успешнее меня. Ваш приятный голос задал моим ожиданиям высокую планку, но вы легко ее преодолели.

— В этом нет ничего удивительного, — отвечала она, продолжая с интересом рассматривать черты его лица, но звук поданного лифта заставил ее отвлечься.

Просторная и светлая кабина открыла двери, приняла двух пассажиров и плавно отправилась в вертикальный рейс. Холодный шлейф духов Ванессы, который Гарднер почувствовал, когда догонял ее в коридоре, стал теплым от ее близости и дурманил, отчего внутренний охотник у очага заерзал в своем уютном кресле, приоткрыл один глаз и увидел дорогую ухоженную женщину, привыкшую к комплиментам, как тропические джунгли к муссонным ливням. Альфред вдруг ощутил притяжение планеты с неимоверно сильной гравитацией, способной затянуть на свою поверхность все, что появляется в зоне ее влияния.

— Вы не похожи на служащую банка.

— Приятно, что вы это заметили, — Ванесса подошла ближе и продолжила рассматривать его без всякого стеснения. — Мне хотелось помочь сыну того, кто оставил в моей жизни неизгладимый след. Я знала вашего отца и некоторые его секреты, — в ее взгляде вновь появилась поволока сентиментальности, на этот раз отчетливая и чувственная;

Ванесса смотрела на Альфреда почти влюбленно и не хотела этого скрывать.

Гарднер не знал, радоваться ли тому, что ее ностальгическое чувство к нему не относится, или расстраиваться по этому поводу, но уже начал ощущать внутри себя легкую вибрацию болида, отклоняющегося от своей первоначальной траектории.

— О каких секретах моего отца вы говорили? Вы были знакомы с ним?

— Мне было четырнадцать лет, когда ему вручили Оскара за лучшую роль в «Падении дома Ашеров», — с легкой грустью сказала Ванесса, игнорируя вопрос о секретах. — Тогда я и познакомилась с Винсентом. Это произошло до начала церемонии награждения, а несколькими днями позже мы вновь встретились на одном пышном приеме. Мне трудно найти слова, чтобы передать вам то ощущение мужского тепла, которое меня согревало, когда я находилась рядом с ним... Винсент разговаривал со мной, как со взрослой дамой, и мне это ужасно льстило, — Ванесса слегка улыбнулась, на миг опустила глаза и вновь посмотрела на Альфреда, в этот раз доверчиво, почти наивно, и сказала с легким придыханием: — Простите, я немного взволнована, но вы ведь можете это понять. Такие мужчины, как Винсент Гарднер, большая редкость. Рядом с ним я чувствовала себя маленькой королевой. Возможно, я хотела ощутить эту теплоту еще раз, но уже рядом с вами... и не обманулась. У вас такой же теплый взгляд, как у вашего отца. Мне думается, вы, как и он, знаете о моих тайнах.

Ванесса сделала полшага к Гарднеру, будто хотела положить руки ему на плечи или совершить что-нибудь более безрассудное, но в этот момент лифт замедлился и плавно завершил движение. Она по инерции коснулась плеча Альфреда, опустила глаза долу и развернулась лицом к открывающимся дверям.

В холле банковского офиса было уютнее, чем на нижнем этаже башни. Света здесь также было в избытке, но отделка стен и потолка не внушала кафельного холода. Кресла тут были большими и мягкими, журнальные столики круглыми, а участок мраморного пола, на котором они стояли, был покрыт дорогим ковром.

Ванесса подошла к центральной стойке, молча сотворила для миловидной секретарши жест, похожий на волшебный взмах, и взяла из ее рук поданный с готовностью черный клатч на золотой цепочке. Секретарша, ни о чем не спрашивая, набрала внутренний номер и вызвала сотрудника. Ванесса снова повернулась к Альфреду.

— Через минуту вам выдадут ключ по карточке State ID и проведут в сейфовую комнату. Я не хочу мешать вашему деликатному делу, поэтому вынуждена уйти, — она достала из клатча визитку и протянула Альфреду. — Нам непременно нужно увидеться снова, мистер Гарднер. Дело в том... Винсент поручил мне передать вам кое-что, но лишь после того, как вы получите ценности из банковской ячейки.

Слова эти были произнесены тоном, вполне соответствующим деловой обстановке, но пелена вечернего томления под луной во взгляде Ванессы и розовое вино ее губ, уже не тихое, а игристое, не оставили Гарднеру ни единого шанса усомниться в том, что она искренне желает увидеть его снова. Запретный плод был таинственен, умопомрачительно сладок и сам напрашивался на то, чтобы его вкусили без оглядки на последствия, но внутренний зверь Альфреда, на которого в молодости ставили капканы, забил тревогу, встал в боевую позу и зарычал.

— Я вам позвоню, — сухо пообещал Альфред и попрощался с Ванессой.

В ячейке Винсента Гарднера лежало письмо к сыну и скромная деревянная коробочка без замка с конвертом внутри. Надпись на нем гласила:

Вручить мисс Марии Улановой 27 мая 2010 года ровно в 09 часов утра.

Прочитав это имя, Альфред, хотя и находился в комнате один, невольно поднес руку ко лбу, чтобы скрыть внезапное чувство горечи. Отец указал девичью фамилию матери, ему было известно, что она получит письмо, уже будучи вдовой.[3] Хорошо зная лебединую историю родителей, Альфред растрогался и простоял над ящиком дольше, чем рассчитывал.

Вернувшись к джипу, он вскрыл первый конверт, адресованный лично ему. В письме содержалась следующая просьба:

Дорогой Альфред.

Недостаток времени вынуждает меня поступить образом, на первый взгляд непонятным, но иного выхода у меня нет. Прошу тебя передать шкатулку со вторым письмом той, кому оно адресовано, и точно в назначенное на конверте время. Я не смогу организовать вручение послания в подобающей случаю обстановке, поэтому возлагаю эту задачу на тебя.

Ниже приводились подробности задуманного отцом скромного шоу, в котором Альфреду отводилась роль режиссера. «Это работа для Эрики — подумал Гарднер, — но я не должен говорить ей о письме... Придется все сделать самому». Пробежав глазами краткие инструкции с именами, адресами и телефонами, он более внимательно прочитал последние абзацы:

Возможно, ты считаешь, что я унес в могилу кое-какие секреты. Отчасти это так, но, как видишь, я нашел способ дать тебе подсказку. В седьмой лунный день Звезда Утренняя и Вечерняя появится у границы между светом и тенью. Она в прошлом, будущем и сущем, и никто из смертных не сорвет покрыва с ее тайн.

Узнаешь ее по голосу, она — сирена, поющая сладкие призывы.

Узнаешь ее по цвету волос, она — темная сторона Луны.

Узнаешь ее по красоте, она — Пандора, созданная на погибель мужчин.

Узнаешь ее по имени, она — пепельный перламутр и ночной мотылек.

Узнаешь ее по камню, она — кровь, кипящая в огне.

Узнаешь ее по цветку, она — темная ночь души и чернильное сердце.

Узнав Звезду, храни молчание, пока она не скажет, что пришло время говорить.

P.S. Сохрани это письмо. Оно есть ключ к моим откровениям.

Альфред достал телефон и набрал номер матери:

— Мама, подскажи, когда будет седьмой лунный день? Месяца? Наверно, мая... хорошо... — Альфред с минуту молча ожидал, пока мать найдет календарь. — Да, слушаю. Сегодня? Что? Минуту закрою окно... да, говори. Растущая Луна в Деве? Это все? Спасибо».

Он еще раз внимательно перечитал письмо и задумался: — «Лунный день указывает на время; граница светотени — на место. Где это может быть? И кого он назвал сиреной, поющей сладкие призывы, и Пандорой, созданной на погибель мужчин? Неужели Ванессу? Нет, нет, этого не может быть! Она похожа на женщину-вамп. Отец не мог сделать мне такую подставу!»

Альфред взял в руки второй конверт, предназначенный для матери, и подумал, что она была права — время запретов закончилось, но вскрывать этот конверт, вопреки воле покойного родителя, Гарднер никогда бы не стал. Он посидел в раздумьях, вновь вспомнил о новой знакомой из банка и достал ее визитную карточку.

Прямоугольный кусочек плотной черной бумаги с латексным покрытием, так называемый touch cover, выглядел дорого, был шелковым на ощупь, но, кроме имени *Ванесса Терри*, набранного золотыми буквами, и символа, состоящего из треугольника с

иксообразным перекрестьем и буквой V, на карточке не было ничего.

«Ароматная тайна пожелала остаться неразгаданной — подумал Гарднер и вдруг хлопнул себя по лбу: — Ванесса Терри! Скандальная внучка Годвина Терри, состояние которого не берется подсчитать даже Форбс! Неужели это была сама Ванесса Терри? Не может быть! Стоп, стоп, она сказала: ей было четырнадцать, когда отец получил Оскара за роль в "Падении Дома Ашеро́в". Церемония проходила в Шрайн-Аудиториум, это было в 1989-ом... Ей тридцать пять? Ого! Она выглядит моложе лет на семь...»

Альфред пожалел, что не имеет привычки просматривать таблоиды, и постарался припомнить последние сплетни, которые докатились до него отдаленным эхом.

«Ванесса Терри недавно покрасила волосы в темно-пепельный цвет, за что ее прозвали «колючей розой из вороненной стали...» Черт! Это она! Темная сторона Луны! Пепельный перламутр и все остальное! Что еще я о ней знаю? С чего я взял, будто у нее скандальная репутация? Ах да, та старая история с фотографией в журнале "Los Devils Sun"; папарацци поймали Ванессу во время поцелуя со стриптизером. Это не самое страшное преступление для такой дамы, как она. Кажется, журнал перестал существовать уже через несколько месяцев, а его редактор плохо кончил. Это могло быть простым совпадением... — Альфред попробовал представить себе, что будет, если он поддастся обаянию бархата, ароматов, розовых губ... и ужаснулся. — Оказаться на месте стриптизера и попасть с Ванессой Терри на обложки желтой прессы?! Лучшего способа потерять семью не существует! Отец, что ты задумал?!»

[1] Питер Пауль Рубенс (1577–1640) — нидерландский (фламандский) живописец и рисовальщик, один из основоположников и главных представителей искусства барокко, дипломат, коллекционер.

[2] The State Tretyakov Gallery — Государственная Третьяковская Галерея.

[3] Женщины в разводе и вдовы называют после miss девичьи имя и фамилию.

Глава 6. Внучка Винсента Гарднера

— Слушай, — губастый Бад заговорщицки прихватил Кевина за рукав и зыркнул по сторонам, — один чувак хочет познакомиться с внучкой Винсента Гарднера и готов заплатить тому, кто ну... типа подведет к ней. Сечешь? Только деньги пополам.

— Бад, ты спятил? Я не сутенер.

— Ты чего? — возмутился Бад. — Он типа фанат, просто хочет познакомиться. Этот лох, ну... он типа воняет баксами, проси пару сотен.

— Не буду я ничего просить. Отвали, окей?

— Лады, я сам назову цену, — прилипчивый Бад потянул за рукав сильнее и понизил голос. — Сотня тебе, сотня мне. Идет? Мультишка ничего не узнает, а ты получишь бабки.

— Диана уже не моя девушка, — озлобленно возразил Кевин.

— Тогда в чем проблема? — Бад вытаращился в недоумении. — Просто заработай на ней! Сводишь ее в кафешку, и она типа опять твоя.

Кевин вырвал рукав из цепких пальцев Бада и покровительственно согласился:

— Показывай своего фаната.

Бад натянул на лицо ухмылку и двинулся сквозь стайку подростков, собравшихся на экскурсию. Пестрая группа школьников уже давно разбилась на парочки, тройки и квартеты по интересам и статусам, оживленно болтала, смеялась и шепталась, вращая головами в ожидании экскурсовода.

— Стив, а где вторая мультишка? — лениво поинтересовалась красивая Молли у своего нового парня, который занял место предыдущего благодаря превосходству в силе и уме.

Красавец Стив Харви перевел взгляд на златовласую блондинку с большими широко поставленными глазами и маленькими пухлыми губками; их приподнятые уголки и ямочки на щеках создавали иллюзию постоянной улыбки. Милое лицо девушки портила крупная темно-коричневая родинка на левой стороне остренького подбородка. Это была зеленоглазка Китти, которую прозвали мультишкой за ее кукольную внешность. Диана получила то же прозвище за дружбу с ней и свой высокий детский голосок.

Китти поправила на макушке бантик в тон волос, придающий ей вид шкодливой кошечки, посмотрела в сторону Пятой улицы и вдруг скрестила руки на груди в демонстративно выжидательной позе. Стив проследил направление ее взгляда, увидел Диану и зашел к Молли за спину.

— Смотри, вторая мультишка там, — подсказал он, мягко поворачивая топ-красавицу класса в нужную сторону.

— Ушла в себя и мечтает о голливудской славе, — язвительно заметила она и сосредоточилась, чтобы уловить секреты вкуса и стиля от внучки легендарного киноактера.

Диана Гарднер, одетая в лиловое платье и короткий жакет более светлого оттенка, была немного задумчива и приближалась легкой поступью ангела, плывущего над неровностями грешного мира. Женственная мягкость, растворенная в ее движениях, стеснялась сама себя, но не могла ни прятаться, ни молчать. Образ Дианы, как и одна из ее излюбленных причесок, французская коса, сплетался из незамысловатых частей, но в итоге являл собой результат благородный и сдержанный. До элегантной простоты, которая не зависит от обертки, а произрастает из образа мыслей Диане не доставало разве что спокойной уверенности.

— Она в образе, скоро генеральная репетиция, — знающим тоном ответил Стив, имея в виду постановку спектакля в школьной студии, где сам он играл роль удачливого любовника.

— Для чего внучке голливудской звезды заниматься театром? — риторически спросила Молли. — На ее месте я бы думала о том, как удержать парня. Теперь Кевин снова попытается счастья. Он безнадежный тюфяк, этот Кевин; роль растяпы в вашем спектакле ему идеально подходит, — Молли слегка подалась назад, опираясь спиной на Стива. — Диана знает, что ты больше не с ней?

— Я и не был с ней, — равнодушно отозвался Стив, — просто хотел, чтобы она вжилась в роль моей возлюбленной для спектакля.

— И не заметил, как она в тебя втюрилась.

— Так было задумано.

Мультишки обнялись.

— Становится жарко, — Диана сняла жакет с плеч.

— Ди, ты чуть не опоздала, экскурсия скоро начнется, — Китти мельком взглянула на губастого Бада, достала из красной сумки маленькую бутылочку с водой и протянула подруге.

— Это из-за пробки на шоссе Сан-Диего, — приврала Диана. — Спасибо, я не хочу пить. О, у тебя новая сумка. Миленькая.

— Сэм подарил.

— Твой брат заботливый.

Шалопай Бад не заметил настороженного взгляда Китти. Он уже познакомил Кевина с богатым коллекционером знаменитостей, получил свои деньги и теперь выбрал в жертвы двух сестричек, Хану и Тину, которым, судя по их унылым лицам, давно успел надоест.

Китти забрала свою бутылочку, взяла подругу за локоть и увела подальше от группы, явно намереваясь посеCRETничать. Глаза Дианы, чуть поменьше, чем у Китти, но более выразительные, доверчиво расширились в предвкушении новостей.

— Что я пропустила?

— Орангутан Джонни Джонс получил отставку, — сходу выложила Китти.

— У Молли новый парень? — оживилась Диана, — И кто он?

— Твой милый Стив, — с язвительным торжеством объявила Китти.

— Если это шутка, то очень злая, — Диана обиделась и поджала губки.

— Посмотри сама, они у лестницы, — Китти конспиративно качнула головой, скосила глаза в сторону красивой пары и презрительно фыркнула: — Пф-ф, Молли такая манерная, меня сейчас стошнит.

Диана осторожно посмотрела. Высокий осанистый Стив нашептывал Молли на ушко; она излучала ленивую пресыщенность его вниманием, слегка улыбаясь и позволяя рукам нового фаворита некоторые вольности.

— Мне больно на это смотреть, — Диана поникла, как увядающий цветок, плечи ее опустились, голова наклонилась к груди, глаза наполнились влагой. — Это начало инициации...

— Ди, не вздумай рыдать! — Китти заслонила собой подругу, схватила ее за плечи и сильно тряхнула. — Нельзя смешить их слезами!

— Да-да, нельзя, я знала, что так будет... — она достала платок из сумочки, украдкой промокнула уголки глаз и шмыгнула носом.

— Мы отомстим! — злорадно пообещала Китти. — Вырежем Стиву печень и скормим

ее собакам!

— Лучше вырезать сердце, — рассудительно возразила Диана. — Под печенью желчный пузырь, если его задеть, то можно отравить собак. Я люблю животных, — она покачнулася и схватила Китти руку.

— Ди, тебе плохо?!

— Да... нет, все хорошо, просто закружилась голова. Я сейчас что-то сказала?

Китти с укоризной покачала головой:

— У тебя талант, но лучше играй на сцене, если не хочешь меня напугать. Легкий обморок как раз подойдет для роли Агнесы.

— Да, вполне... — Диане захотелось ответить на комплимент подруги: — Ты хорошо играешь Жоржетту.

— Скучная роль, — Китти наморщила носик. — Жаль, что в «Школе невест» нет демоницы, я бы сыграла ее с удовольствием.

— Пьеса называется «Школа жен». Это же Мольер, Китти! Стыдно не знать. А мне нравится амплуа инженеру,[1] — и Диана с нарочитой наивностью прощепетала реплику из роли:

Однажды на балкон присела я с шитьем,
Как вдруг увидела под ближним деревцом
Красивый господин; он взор мой, видно, встретил
И сразу вежливым поклоном мне ответил,
А я, невежливой прослыть не захотев,
Ответила ему, почтительно присев.

Воображаемые зрители уже начали швырять на сцену букеты цветов, но тут к девушкам подошел Кевин в сопровождении самодовольного вихрастого мальчишки и встрял в беседу будущих актрис, без пяти минут голливудских звезд:

— Агнесса, Жоржетта, привет! Репетируете?

— Да, господин Ла Суш, — кротко ответила Диана, не успев выйти из образа инженеру.

Кевину понравилось ее смущение, и он продолжил репликой из своей роли в пьесе:

— Пришлось вам без меня немало поскучать?

— Скучать? Ну нет. Даю вам слово! — тотчас отозвалась Китти-Жоржетта, войдя в роль находчивой субретки, и театрально взмахнула рукой в сторону Агнесы: — Не раз казалось ей, что вы вернулись снова: пройдет ли мул, осел иль лошадь мимо нас, она была готова всех принять за вас.

Кевин почувствовал насмешку и заявил:

— Я отказался от роли олуха Ла Суша, у которого увели девушку. Теперь я вернулся и буду играть Ораса.

— Не льсти себе, эта роль для Стива, — насмешливо заметила субретка.

Кевин метнул на нее злобный взгляд, думая, как бы язвительнее ответить. Пауза затянулася. У Китти на языке завертелась шутка о скрипе ржавых мозгов. Вихрастый клиент незаметно толкнул Кевина, и тот наконец представил:

— Знакомьтесь, это Джастин Батс, он фанат ужастиков.

У мальчишки было достаточно времени, чтобы рассмотреть двух подруг, из которых он выбрал симпатичную кошечку с глазками, губками, ушками и забавными гримасками, поэтому обратился именно к ней:

— Ты внучка Винсента Гарднера?

Китти без слов указала пальчиком на подругу. Джастин оценивающе посмотрел на Диану и протянул ей дорогую ручку с блокнотом:

— Меняю паркер на автограф.

Диана изумленно взяла в руки письменные принадлежности. Китти мигом смекнула, что тут раздают подарки, и на всякий случай запустила рекламу:

— Я Китти Палмер, лучшая подруга внучки Винсента Гарднера. Продаю сплетни с знаменитостях и полезные советы.

— Не надо, — буркнул Джастин.

— Диана, не подписывай, — скомандовала Китти, — паркер так себе.

— Диана, не слушай ее, она тебя использует, — вмешался Кевин, уловив повод отомстить.

Китти презрительно сожгла его взглядом до серой кучки пепла. Джастин молча достал из школьного рюкзака второй паркер и показал ей:

— Меняю на твой номер телефона.

Златовласая куколка деловито забрала из рук подруги блокнот, у мальчишки — второй паркер, черкнула свое имя и телефонный номер. Джастин сразу набрал его. Китти показала входящий звонок на экране мобильного. Стороны остались довольны заключенной сделкой, и блокнот вновь вернулся к Диане.

— Теперь можно подписывать, Ди, — разрешила Китти.

Диана машинально подписалась. Джастин покровительственно констатировал, забирая у нее блокнот:

— Я знаю, что у тебя скоро день рождения. Если пригласишь меня на вечеринку, я принесу хороший подарок.

— Пусть позвонит мне через неделю, — шепнула Китти в ушко подруги, незаметно тыкая ее в бок.

— Позвони Китти... через неделю, — эхом повторила растерявшаяся Диана.

— И не забудь подарок для меня, — ввинтила Китти и, чтобы пресечь обсуждение своего требования, тут же спросила у мальчишки: — Джон Батс случайно не твой папа?

— Он мой дед, — Джастин улыбнулся брекетами и покинул площадку переговоров, довольный собой и результатами.

Китти дождалась, пока он удалится, затем вдруг резко повернулась к Кевину и спросила тоном прокурорши:

— Сколько он тебе заплатил?

— Нисколько, — хмуро ответил Кевин и отправился к Колоколу Свободы, где его уже ожидал младший Батс, чтобы расплатиться, как и было уговорено.

Китти проводила подсудимого презрительным взглядом и огласила приговор:

— Врет. И как только этому тупице пришло в голову заработать на тебе? — Китти повертела паркер. — Классные ручки, Ди. Продадим их Брауну? Он любит такие штуки.

— Откуда ты знаешь деда этого мальчика? — спросила Диана.

— Ди, в каком мире ты живешь? Джона Батса знают все, он нефтяной миллиардер, — Китти пригубила воды из своей бутылочки. — Как думаешь, что подарит мне младший Батс?

— Это будет изящный золотой браслетик, — отвлеченно сказала Диана.

Губастый Бад, отшитый сестричками и слоняющийся от скуки, неожиданно оказался за спиной Китти и громко съехидничал:

— Мультяшки, у вас глаза, как у лемуру лори, потому что вас нарисовал пьяный

художник! — Бад прыснул, хрюкнул на вдохе, подавил приступ смеха и брякнул, показывая пальцем на родинку Китти: — Пьяница, типа уронил кляксу на твою щеку.

Диана испуганно поджала губы. Китти с досады беззвучно выругалась и со злостью плеснула воду на ширинку джинсов Бада. Хана и Тина, глядя на этот мокрый акт возмездия, захихикали в ладошки.

К школьникам подошла экскурсовод — загорелая остроносая шатенка средних лет. Быстренько организовав внимание группы, она коротко представилась и произнесла поставленным голосом:

— Мы находимся у входа в Сады Магуайра — уютного парка, протянувшегося от Флауэр стрит к главному фасаду одного из самых почитаемых сооружений в деловом центре Лос-Анджелеса.

Бад вынужденно ретировался, прикрывая руками мокрое место. Мультишки мстительно наблюдали за его отступлением и невольно прижались плечами друг к другу, как нахохлившиеся синички.

Экскурсовод поставила ногу на первую из ступенек и продолжила:

— Сады Магуайра, это одновременно и парк, в котором можно отдохнуть от шума и суеты даунтауна, и арт-проект, включающий в себя объекты искусства и природные элементы. Центральная часть парка — Maguire Gardens' SPINE[2] состоит из секций металлизированных ступеней, расположенных между трех прямоугольных бассейнов со скульптурными композициями. Соединенные в одну линию, эти архитектурные элементы образуют подобие террасы, символизирующей каскад водопадов, — гид предложила следовать за собой, давая краткие пояснения:

— Выгравированные на ступенях надписи рассказывают об истории развития печатного слова, а собственно SPINE ведет нас к главному входу здания Центральной Библиотеки Лос-Анджелеса. Туда мы сейчас и отправимся.

— Скука смертная, — Китти разочарованно наморщила носик.

— Для профанов — да, но не для тех, кто посвящен, — отвлеченно сказала Диана.

— Ди, о чем ты?

— По пути к главному зданию мы поднимаемся...

— Ну да, тут же ступеньки.

— Их одиннадцать... если умножить на число бассейнов, получится тридцать три, как позвонков в человеческом позвоночнике. SPINE — хребет парка, лестница посвящения, ведущая к мозгу... к библиотеке. Это такой архитектурный замысел.

— Значит, мы сейчас где-то у копчика, — съязвила Китти.

— В обратном направлении библиотека — источник знаний, — упрямо продолжала Диана, игнорируя шутку, — от него берет начало нисходящий каскад водопадов.

Китти удивленно посмотрела на подругу.

— Откуда ты все это знаешь?

— Вспомнилось само собой, — с безразличием пояснила Диана. — Какие-то оккультные штуки.

На кукольном лице Китти появились признаки заинтересованности.

— Забыла тебе сказать, — она понизила голос до таинственного шепота. — Я видела Верховную жрицу церкви Сатаны! Вчера! Мы с Сэмом гуляли по филиалу музея Гетти на вилле в Малибу, я хотела посмотреть на Золотой венец Аннет... тот самый, помнишь? Им должны короновать мессию — Царицу Тьмы. Представляешь, она там была!

— Мессия?

— Нет, жрица! Она пожирала глазами этот несчастный венец!

— Жрица носит вуаль. Как ты ее узнала? — удивилась Диана.

— По вуали и узнала!

— А почему венец несчастный?

— Пф-ф!.. — Китти наморщила носик. — Реликвия так себе, ничего особенного, похожа на старую диадему; в ней даже драгоценных камней нет, только пустые дырки под них. Я тебе про жрицу говорю! У нее такой взгляд... Убей меня, если она не считает себя мессией и не хочет стать Царицей Тьмы!

— Тебе до этого есть дело?

— Да!.. То есть нет, конечно... неважно, забудь, — Китти смутилась, взяла Диану под локоть и прислушалась к экскурсоводу.

— ...сочетание архитектурных стилей древнего Египта и Средиземноморья эпохи Возрождения. Монументальное здание библиотеки, построенное с учетом сакральных пропорций и геометрии, похоже на зиккурат[3] и выглядит среди небоскребов по крайней мере необычно. Главной деталью этого ансамбля, воздвигнутого в 1926 году по проекту Бертрама Гудхью, является башня с пирамидой Солнца наверху. Вершину ее венчает золотая рука, держащая факел.

— Слышала? Зиккурат! — зловещим шепотом прокомментировала Китти. — Это древнее культовое сооружение. Культ! Алтари, кровавые жертвоприношения...

— Я поняла, ты дружишь со мной оттого, что мой дедушка играл злодеев.

— Вовсе нет! Я просто обожаю его роли. Скажи, а та красивая дама, с которой ты была на Голливудском бульваре, кто она?

— О, ты нас видела! А почему не подошла?

— Я сидела в машине, мы с Сэмом проехали мимо вас.

— Это была Мариэн Гарднер, — пояснила Диана.

— Жена Винсента Гарднера?

— Вдова, — поправила Диана. — Мы навещали звезды деда на Аллее Славы.

— Не ври, для твоей бабушки она слишком молодо выглядит.

— Мариэн на двадцать пять лет моложе деда, но да... она такая, — Диана улыбнулась. — Думаю, мама ей немного завидует.

— О, твоя мама в полном порядке.

— Ты ее видела? Когда ты успела?

— Ди, очнись! Твоя мама организовывала все школьные праздники, какие я помню. У нее это здорово получается.

Экскурсовод немного рассказала о зеленых насаждениях парка и повела группу к верхнему бассейну со скульптурой сокола. Здесь, напротив хищной птицы, взлетающей со скалы, торчал из бортика стилизованный футуристический фонтан в виде лысой головы, будто сотворенной из жидкого металла. Лицо ее, обращенное к небу, ярко блестело на солнце; вода выливалась из открытого рта небольшой струйкой и омывала саму голову, не позволяя ей высохнуть и стать матовой.

Китти произвела в уме подсчеты возрастов, но у нее что-то не сошлось.

— Винсенту Гарднеру было за восемьдесят, когда он умер...

— Восемьдесят два, — поправила Диана, — его не стало в девяносто третьем, через год после моего рождения. Бабушке тогда было пятьдесят семь.

Китти мгновенно скорректировала свои расчеты и удивленно воскликнула:

— Ей семьдесят четыре?! Она выглядит не старше сорока, тридцати лет как не бывало!

Может, мне померещилось из окна машины?

— Нет, все так и есть, — не без гордости подтвердила Диана, — моя бабушка необычная женщина. После смерти деда ей несколько раз предлагали снова выйти замуж, но она всем отказала. Люблю, когда она приглашает меня в его кабинет, у нее там музей памяти.

— Хотелось бы там побывать.

— Как-нибудь попробую это устроить, — пообещала Диана.

— Только не забудь.

— Ладно, — еще раз пообещала Диана и вдруг вспомнила: — В два часа дня мне надо быть тут, у бассейна с соколом. За мной придет папа.

— А за мной придет Сэм, — Китти покрутила телефоном, показывая, что ждет звонка. — Погуляем, а вечером пойдем на концерт Кеши.

— Тебе сильно повезло с братом.

— Иногда он в шутку зовет меня Лилит и подбивает перекрасить волосы в рыжий цвет, — Китти хихикнула.

Диане вдруг захотелось интриговать, она понизила голос и сообщила подруге по секрету:

— Бабушка говорит, что во мне живет проклятая демоница. Сегодня утром я даже видела ее в зеркале! У нее огромное волосатое пятно на щеке, вот тут, — Диана обвела пальчиком левую сторону своего лица, передернула плечами и огляделась. — Почему у меня такое ощущение, будто я на сцене?

— За демоницей приглядывает дьявол! — зловещим тоном пошутила Китти.

Диана увидела позади подруги стройного черноволосого мужчину лет тридцати с утонченными чертами лица. Взгляд его проник под одежду Китти, затем будто срезал лямки легкого платья Дианы и теперь исследовал ее саму от волос до пальцев ног. Она опустила глаза и спряталась за фигурой подруги.

Китти шустро обернулась, будто ее ущипнули за ягодицу, и тотчас заметила незнакомца.

— Только что увидела? Ди, ты как слепой котенок! Я заметила его у входа в парк еще до того, как ты пришла. Красавчик, не находишь?

— У него энергичный взгляд, такие мужчины любят красивых девушек...

— Сейчас проверим, — Китти обернулась и призывно помахала незнакомцу.

Диана в ужасе схватила ее за локоть:

— Кит, ты с ума сошла!

— Ди, разве тебе не хочется, чтобы он подошел и заговорил с нами?

— Вовсе нет!

— А вот и да! Тебе нужен нормальный парень, иначе останешься с тупицей Кевином! Он опять к тебе подкатывает!

— Пойдем отсюда, — Диана сделала шаг и потянула подругу за собой.

Китти не двинулась с места.

— Ди, чего ты боишься? Мы просто поболтаем.

— Он так смотрит, будто рвет на мне одежду взглядом.

— Это интригует, не так ли?

— Нет, я... — голос Дианы слегка дрогнул, взгляд ее предательски скользнул в сторону незнакомца и лишь подтвердил то, что она уже знала: мужчина следил за ней и читал ее, как книгу, но с конца, дерзко заглядывая на последние страницы. — Боже, он заметил, что я на него посмотрела! Идем скорей.

— Куда? Вся группа еще здесь, — громко прошептала Китти и в этот момент заметила, как незнакомец сделал движение с намерением преградить подругам путь. — А хотя, почему нет? Давай отойдем в сторону, и красавчику будет проще с нами познакомиться.

Диана развернулась, перестала тянуть Китти и замешкалась. Экскурсовод что-то говорила, школьники слушали, не обращая внимания на двух подруг и незнакомца. В парке было многолюдно, но посетители, которые еще пару минут назад стояли рядом, теперь отделились и разбрелись, будто массовка, освободившая сцену. Диана, как преследуемая соколом голубица, внезапно поняла, что свобода бескрайнего неба коварна и скрыться негде.

— С какой планеты вы прилетели? — мужской голос, прозвучавший у нее за спиной, был приятным, речь и дикция выразительны.

От неожиданности Диана вздрогнула и обернулась. Незнакомец стоял в паре метров, давая понять, что намерен соблюдать приличия. Вблизи взгляд его казался острым, но тон был мягким.

— Меня зовут Дионис. Сожалею, если напугал вас.

— Я... мы вовсе не испугались, — быстро ответила Диана, но по улыбке мужчины поняла, что он не поверил в ее смелость.

— Просто мы вас не знаем, — задорно вставила Китти.

Мужчина приветливо посмотрел на нее и сказал:

— Зато я знаю вас. Вы Европа, которую похитили с ее тайного согласия.

— Мне нравится это имя, — слегка флиртуя, согласилась Китти.

Дионис вежливо кивнул и перевел взгляд на Диану.

— А вы Кора, вашего согласия обычно не спрашивают. Очевидно, поэтому вы так напуганы, — он поднял руку и указал на скульптуру сокола. — Посмотрите на эту птицу.

Жест этот был скорым, но Китти успела заметить на левой руке незнакомца два темных пятнышка. Диана послушно повернула голову и не увидела, как Дионис подошел ближе.

— Вы приняли меня за хищника и почувствовали себя жертвой, — он коснулся ее руки чуть ниже локтя.

Диана невольно отстранилась, проследила за жестом Диониса и заметила черное кольцо на его правой руке. Китти, слегка замороженная плавными манерами мужчины, очнулась и поспешила на помощь:

— Вы пожирали нас взглядом, а потом хотели преградить нам путь, — в тоне ее прозвучало больше заинтересованности, чем упрека.

— Милая Европа сочла мою настойчивость за преследование.

— Это одно и то же, — бойко возразила Китти.

— Позвольте не согласиться, — мягко возразил Дионис. — Настойчивость вращается вокруг очарования загадки, стараясь преодолеть кокетливое «нет», и лишь после прямого недвусмысленного отказа превращается в преследование. Вы не прогоняете меня, значит, моя настойчивость вам нравится.

— Самую малость, — озорно улыбнулась Китти.

— Ах, что за прелесть эта Европа, — ласково глядя на нее, сказал Дионис, — как мило она умеет подать себя с приправой пряной и пикантной.

— Легкое кокетство украшает девушку, — смело заявила Китти, — поэтому скажу вам честно: да, я немного кокетничала. Совсем чуть-чуть.

— А я нет, — тихо сказала Диана.

— Вы говорите чистую правду, — моментально согласился Дионис, — кокетство, это удел тех, кто хочет понравиться, а вы обладаете даром располагать к себе с первого взгляда, — он вновь коснулся, на этот раз ее плеча и отвел руку, исполнив жест восхищения: — Ваша красота ангельская, но в городе падшего Ангела не видна.

Диана, не зная, как лучше реагировать на комплимент, промолчала и сделала вид, будто не почувствовала прикосновения Диониса. В разговор вновь вмешалась Китти:

— Почему вы спрашивали, откуда мы прилетели? Вы инопланетянин?

— Европа приняла меня за сумасшедшего, — Дионис покачал головой. — Быть заподозренным в умопомешательстве, это участь того, кто видит истину: женщины — существа неземные. Как еще объяснить то, что ваш способ думать и чувствовать совсем иной? Почему ваше тело отличается от моего? Откуда в вас эта плавная грация?

— Не знаю, — весело отмахнулась Китти, — это так естественно. Зачем об этом думать?

— Оставьте этот труд тем, кто вынужден карабкаться к истине, которую вы с рождения носите в себе, — Дионис вновь ласково тронул плечо Дианы. — Прошу меня извинить, я не сразу догадался, что вы принцесса. Свечение... видите ли, сейчас оно слабое, потому что рассеяно мощным оберегом. Вас выдала особая поступь.

Диана попыталась возразить, но тон мужчины казался искренним, поэтому перечить ему вовсе не хотелось. Вместо отпора в ее вопросе прозвучал робкий интерес:

— О чем вы говорите?

— Какой из нимф речных или лесных дриад, дана и сладость губ, и этот влажный взгляд, и золото волос, окутавшее плечи?[4]

Диана смутилась и увидела у своих ног двухцветную кошку; та села, лениво сощурилась и принялась облизывать свою лапу. Дионис, следуя за взглядом девушки, тоже посмотрел на кошку и брезгливо поморщился. Диана тихо пролепетала:

— Не надо обманывать, моя внешность самая обычная.

— Вы не только прелестны как ангел, но и ангельски скромны. Смотрите, там, где вы ступаете, распускаются цветы.

Между плитами, рядом с босоножкой Дианы пробивался к солнцу маленький зеленый росток. Не в силах строить версии, была ли эта травинка здесь ранее или Дионис прав, и она вышла из-под земли только что, Диана смутилась еще больше. Неискушенная в женском умении принимать комплименты как должное и вообще непривычная к мужскому вниманию, она не нашлась, что ответить. Дионис приблизился к ней и понизил голос до таинственного:

— Внутренняя сила, блуждающая по темным закоулкам вашей души в поисках выхода, однажды начинает разрушать изнутри. Нужно указать ей правильный путь, — он опять покосился на кошку, медленно взял руку Дианы и, убедившись, что сопротивления нет, приложил ее ладонь к своей.

Дневной свет внезапно погас и сменился полумраком; звуки стихли; люди замерли, словно манекены; Китти застыла с кокетливой улыбкой на лице; вода, текущая из фонтана, разделилась на крупные капли, повисшие в воздухе. Диана ощутила рукой что-то прохладное и одновременно обжигающее, как вкус ментоловой конфеты. Небольшой твердый предмет

завибрировал и выпустил в ее ладонь энергетическую волну, которая перетекла от руки к плечу, пронеслась по всему телу и всколыхнула сознание.

— Ой, что это?! — Диана одернула руку и увидела на ладони Диониса красную отполированную каплю со звездой внутри.

Самоцвет переливался гранатовым с оттенками алого и розового.

— Мое кольцо было повернуто камнем внутрь, — пояснил Дионис. — Это рубин-кабошон[5] с эффектом шестилучевого астеризма.[6] Вы коснулись камня, и он начал пульсировать.

— Я тоже почувствовала, — Диана испуганно огляделась. — Почему все вокруг застыли?

— Хотите увидеть свою красоту?

— Что есть красота и почему её обожествляют люди? — робко спросила Диана. — Сосуд она, в котором пустота, или огонь, мерцающий в сосуде?

Дионис подвел ее к краю бассейна и предложил:

— Посмотрите на свое отражение.

Вода была темно-синего цвета. Диане стало жутковато, показалось, что перед ней омут и дна в нем нет. От бассейна потянуло запахами водорослей и медуз, как на побережье после шторма.

— Я ничего не вижу, — тихо сказала Диана.

— Ваша ангельская красота льется через край и смывает копоть с душ; эту красоту увидят, лишь когда вы состаритесь, но есть и другая, которую видят все. Некто считает, будто эта красота не приносит женщинам счастья; якобы она скорее приторный яд, чем животворное чудо, но разве не красота есть закон совершенства? И что это за блажь хранить отменное вино в невзрачном сосуде? Я вам скажу. Кое-кому выгодно, чтобы все полагали, будто содержание важнее формы; без нее это содержание аморфно, текуче, разливается в лужу, растворяется в грязной воде или, хуже того, принимает уродливые очертания по указке тех, кто умеет манипулировать душами людей. Хотите наполнить форму, которая идеальна, но пуста без вас?

— Да, — ответила Диана, продолжая смотреть в мутную воду, — я этого хочу.

— Тогда отправляйтесь в ночь и верните красоту, которую у вас отняли, как шипастую розу у ребенка! Разорвите петлю, в которой все и всегда заканчивается одним и тем же! Пусть небо и земля поменяются местами!

Вода в бассейне вдруг стала зеркальной гладью. Диана увидела в отражении черное пятно на своем лице, вскрикнула, пошатнулась и порывисто схватила Диониса за руку. Вторая волна от рубина, в этот раз тягучая и томная, обняла мысли, как небо океан. Откуда-то сверху снизошел внутренний созерцательный покой — легкая пушинка, способная уравновесить многотонную глыбу, висящую над обрывом.

— Кажется, я умираю... — прошептала Диана.

[1] Инженю — наивная, добродетельная и красивая девушка. Она совершенно лишена жизненного опыта и не умеет приспособливаться к обстоятельствам; часто — религиозная девственница. Инженю обычно сопровождает субретка — находчивая и остроумная служанка.

[2] Spine (англ.) — позвоночник, спинной хребет.

[3] Зиккурат — (от вавилонского слова *sigguratu* — «вершина», в том числе «вершина горы») — культовое сооружение в Древней Месопотамии и Эламе, имеющее вид

многоступенчатой пирамиды. Типично для шумерской, ассирийской, вавилонской и эламской архитектуры.

[4] Здесь и далее стихи французского поэта Пьера де Ронсара (1524–1585).

[5] Кабошон (от фр. *caboché* — голова) — способ обработки драгоценного или полудрагоценного камня, при котором он приобретает гладкую выпуклую отполированную поверхность без граней; также кабошоном называют обработанный таким образом камень.

[6] Астеризм или «звёздчатость» — красивый декоративный эффект на полированных поверхностях некоторых минералов, представляющий собой особый блеск по определенным направлениям в виде лучей, которые перемещаются по камню при его движении. У разных кристаллов можно наблюдать трех-, четырех-, шести-, или же двенадцати-лучевую звезду.

Глава 7. Пробуждение

Мягкий звук, похожий на ритмичный шелест, настойчиво выталкивал Диану из сна в объятия волшебной полудремы. Теплая волна, отходящая обратно в море, пенилась и шипела, будто шептала обещания вернуться. Девушка приоткрыла глаза. По телу ластилось сползающее на пол одеяло. Воздух в комнате, пронизанный лучистым сиянием, плавно колыхался разводами цветочных запахов и деликатно извлекал сознание из глубин небытия.

— Как жаль будить божественную деву, прекрасную в гармонии покоя, — грустно произнес голос сверху. Послышался тихий вздох. — Придется... я создан, чтобы красоту тревожить и поднимать со дна глубоких вод загадки чувственности к волнам и течениям.

Девушка приоткрыла веки и увидела над собой порхающего на крылышках малыша с хитроватыми глазками и золотым луком в пухлой ручке.

— Вообще-то я уже проснулась...

Мальчик смущенно хихикнул и залился румянцем, будто его застали во время подглядывания за спящей нимфой.

— Я здесь, чтобы разбудить юную Диану.

Обращаясь к ней по имени, он стал почтительным и даже попытался сделать церемонный поклон, но чуть не потерял равновесие и смешно перекувырнулся в воздухе. Все его движения были по-детски умилительны, отчего она сонно улыбнулась:

— Какой забавный. Ты мне снишься?

— Юная принцесса уже не спит, но еще и не проснулась.

Диана попыталась приподняться, но случайно нащупала рукой открытую книгу, взяла ее и прочла верхнюю строчку:

Некоторые считают, что Бог покровительствует великим и незаурядным умам; с помощью добрых гениев он предупреждает обо всем хорошем или плохом, что им уготовано...

Она взглянула на обложку.

— Мемуары Маргариты де Валуа? Это не моя книга, — Диана осмотрелась вокруг: — Что это за улыбающаяся рожица на стене? Откуда взялась полупрозрачная голубая завеса? Это не моя постель... и не моя комната!

Мальш обвел своей пухлой ручкой окружающее пространство.

— Это декорации к пьесе, в которой принцесса играет главную роль.

— А ты, наверное, суфлер? — доверчиво предположила она. — И о чем эта пьеса?

— Я мастер ювелир, а все сюжеты мира о том, как трудно из сырых алмазов гранить бесценные бриллианты. Художники, поэты, музыканты, писатели, актеры... их таланты — моих трудов плоды и головная боль. Любой из них провалит свою роль, когда в пути не встретит музу. Нет творчества без пылкого союза, и эта непосильная обуза лежит на мне, — мальш снова вздохнул, на этот раз картинно, с видом божества, уставшего делать добро.

— Ах, ах, тебя пожалеть? — шутливо посочувствовала Диана.

— Я бы не отказался, — глазки малыша стали кроткими, как у овечки. — Хочешь быть моей музой?

— Не знаю, а что нужно делать?

— Для начала проснуться.

— Ты меня совсем запутал. Я сплю или нет? Где я? Кажется, недавно я была совсем в

другом месте.

— Принцесса ищет себя там, где ее уже нет. Мы за кулисами между двумя сценами. На первой юная принцесса спит в башне. Вокруг влажная ночь, — он махнул ладошкой на занавешенное окно, — идет дождь, а утром будет свежо и солнечно.

— А что происходит на второй сцене?

— Там закончилась финальная сцена первого Акта, — малыш прищелкнул языком и перешел на театральный пафос: — Принцесса мирно дремала в лодке без паруса и весел; мудрое подводное течение заботливо несло ее по волнам, огибая опасные рифы и скалы. Наконец лодку прибило к берегу. Принцесса очутилась в саду возле зловещего храма, но тут ее похитили, заточили в башню и... — малыш торжественно махнул руками сверху вниз, — тут опустился занавес! Антракт. Музыканты покинули оркестровую яму, а зрители, сонные от скучного и бесцельного плутания юной девы по бескрайнему океану, встали с кресел и поплелись в буфет.

— Меня похитили?! — испугалась Диана. — Я в башне?!

— Все принцессы попадают в башни, — вяло отмахнулся малыш. — На всякий случай, чтобы не влюбиться в чудовище.

— Какое еще чудовище?

— Ну... — мальчик поднял глаза к потолку, — если его можно приручить, это еще полбеда, но есть такие, с которыми не справится ни одна красавица.

— В сказках чудовища превращаются в принцев, — возразила Диана, — это магия красоты и любви.

— Я так и знал, — малыш с размаху прилепил ладошку на свой круглый лоб, — юная принцесса думает, что влюбилась, но еще не знает в кого.

— Но я...

— Нет! — Мальчик торопливо выставил вперед обе ладошки: — Не говори ничего! — он приложил пальчик к губам: — Начинается интермедия второго Акта.[1]

Часть круглой комнаты превратилась в стену мрачной пещеры, освещенной факелами. Из-под высокого свода спустились на крыльях два ангела, черный и белый. Их разговор, сначала неторопливый, постепенно превратился в горячий спор.

— Не понимаю, что они говорят, — тихонько пожаловалась Диана.

Малыш подлетел ближе, плюхнулся на подушку и зашептал:

— Это братья-близнецы, они спорят об их значении в жизни людей. Гипнос, ангел Сна, доказывает, что он полезен, приносит расслабление и отдых, а Танатос, ангел Смерти, утверждает, будто он важнее, потому что смерть избавляет от иллюзий земной жизни.[2]

— Я умерла?! — испуганно спросила Диана.

— О, нет! Главные героини не умирают в начале второго акта!

В углах пещеры, погруженной в лиловато-красную мглу, зашевелились тени. Братья замолчали. Слева на свет факелов вышла женщина, окутанная черным покрывалом. Справа по земляному полу начал стелиться угольный дым; медленно поднявшись, он приобрел очертания коренастой фигуры и превратился в мужчину.

— Наверно, братья разбудили соседей по пещере, — опасливо предположила Диана.

— Это родители близнецов, — зашептал малыш. — Мать, ночная темнота Нюкта, говорит, что им нечего делить, ведь Сон и Смерть сыновья одной природы. Но их отец, вечный мрак Эреб, уверен: спор для братьев лучше дружбы, ибо вместе они насылают на людей бессознательный сон наяву, подобный прижизненной смерти. Для примера Эреб

упоминает Сизифа, проклятого богами.[3]

— Все это страшно интересно. Я люблю мифологию, но мне сейчас лень об этом думать.

— Мифы — это таблетки для ума, полезные или вредные, над ними не думают, их просто глотают, — сообщил малыш и искренне посочувствовал: — Просыпаться ранним весенним утром так тяжело. Юной Диане надо полежать и понежиться.

Он взлетел и активно замахал крылышками, создавая легкий пульсирующий ветерок. Декорации и актеры, участвовавшие в интермедии, медленно растворились в воздухе. Малыш вздохнул и грустно сказал:

— Юность тот возраст, когда пробуждение по собственной воле почти невозможно. Цветок распускается только после того, как росток пробьется из почвы к солнцу и узнает о своем предназначении.

— Ах, эти сложности. Предназначение! Почему я должна делать что-то неизвестно для кого и зачем? — возмутилась Диана. — Разве нельзя жить просто ради удовольствия?

— Можно, — согласился малыш, — но тогда не получится проснуться.

— Раз так, то лучше я буду спать.

— Ну, если тебе так хочется...

Малыш опустил пониже, простер ладошки над головой Дианы и патетично произнес:

— Кто ищет рая на Земле, тот попадет совсем в другое место! Сознание, погружая в темноту, услышит дева жаркие призывы, зовущие соблазнами на дно, и там проспит весну и лето. Очнувшись, осень поздняя узрит седую зиму, где от бессонницы и угрызений скорбных ломает руки согбенная старость, и горько пожалеет о годах, легко растраченных на мишуру и сладость.

— Какая еще старость? Мы так не договаривались! Мне всего семнадцать, ладно, почти восемнадцать лет, и я слышать не хочу ни про какую зиму! Не желаю стареть! Я хочу быть всегда молодой, как Мариэн.

— Мари удивительная женщина, — восхищенно сказал мальчик, — она отмечена печатью Гептады.

— Что еще за печать? — оживилась девушка.

— Ну-у, — глазки малыша плутовато сощурились, — если ты решила спать дальше, то незачем и рассказывать об этом.

— Не вредничай, вообще-то я уже передумала и хочу проснуться, — прощепетала Диана.

— У-у-у, между желанием и действием помещаются целые миры сомнений и праздности.

— А почему я должна соглашаться, не зная, во что это выльется?

— Не должна, — примирительно согласился малыш, — но за пробуждением последует чудесная награда.

— Как узнать, что она не снится? — недоверчиво спросила она. — Ущипнуть себя?

— Понять, что уже не спишь, можно только одним способом.

— Каким же?

— Проснуться.

— Очень смешно!

— Потому что до смешного просто! — вдруг воскликнул малыш. — Сон наяву или бессознательная жизнь узнаваемы в повторении одних и тех же действий, не приводящих к

развитию. Шок от осознания прошлого бездумья и есть пробуждение! Если бы боги дозволили Сизифу пробудить разум, он бы залез на гору и подтянул к себе камень, а после ужаснулся бы тому, как глупо тратил силы прежде.

— Знаю — отталкивать то, что давит, бесконечно тяжело, — беспечно сообщила Диана, — лучше притягивать то, что возвышает.

— Да, да, надо только занять вершину своего сознания, — воодушевленно подхватил малыш, — но для этого нужно проснуться!

— Хватит, я уже поняла. Ты говорил о какой-то там награде.

— Юная принцесса увидит свою неземную красоту! — торжественно объявил малыш.

— Ты неисправимый сказочник, — Диана раскинула руки и посмотрела в потолок. — Знаешь, а мне с тобой хорошо и уютно в этом странном сне. Мягкий свет, тепло, эти чудесные запахи... Я сплю и не сплю одновременно.

— Все богини так спят. Свободно, сладко, без одежд, доверившись объятиям Морфея. Их руки полусогнуты, лежат над головой; волнистых прядей россыпь на подушках... — глазки малыша заблестели. — Богини во сне так безмятежны, и покрывало вовсе им не нужно.

— Значит, это ты стащил с меня одеяло? — нахмурилась Диана.

— Я?! — испуганно спросил малыш.

— И подглядывал за мной, пока я спала?

— Я подглядывал?! — он округлил глазки, краснея щечками.

— Ах, ах, конечно, ты! Кто же еще? — она зевнула, лениво перевернулась набок, сладко потягиваясь, затем расслабила тело от приятного напряжения, легла обратно на спину и украдкой посмотрела на сконфуженного мальчика: — Ладно, я пошутила и вовсе не дуюсь. Ты мне нравишься. Такой пухленький и говоришь загадками.

Не пропуская ни одного движения девы, карапуз так увлекся созерцанием ее грации, что крылышки его дрогнули и замерли. Потеряв воздушную опору, он вдруг шлепнулся прямо на Диану и распластал ручки на ее груди.

— Ай! — только и успела воскликнуть она.

— Ой, ой! — смущенно запричитал шалун. — Крылья перестали меня слушаться!

— Оказывается, ты легкий, как плюшевый мишка.

— Я не плюшевый, я же ангел, — он принялся нагло устраиваться на месте «посадки».

Диане захотелось потрогать копошащегося малыша, она погладила его по розовому плечу:

— Какой ты нежненький и теплый.

— Согревать богинь — моё любимое занятие.

— Никакая я не богиня. И хватит возиться, ты меня уже всю истоптал, — капризно заметила она, скрывая удовольствие. Чувствовать и трогать гладкое тельце малыша было приятно. Диана провела рукой по изгибу детской спинки. — Мальчик с крылышками, луком и стрелами, я догадываюсь, кто ты.

— Осторожнее, не уколись, — он улегся на животе, подперев руками голову в кудряшках, и зачарованно прошептал, рассматривая лицо Дианы: — Вблизи ты еще прекраснее.

— Хватит льстить! Мне кажется, такое «неожиданное падение» тебя вполне устраивает. Не подстроил ли ты его сам?

— Я?! — малыш притих, будто камбала на дне, тихонько засопел и потрогал пальчиком

ее губы. — Во всем виновата твоя красота. Мои крылья... они как будто окаменели.

— Я уже где-то слышала о моей мнимой красоте, — Диана задумалась на миг и сразу вспомнила: — Дионис!.. Это из-за него я оказалась в башне?

— Похититель душ! — малыш испуганно замер. — О, как он льстив, красив, самолюбив!

— Ты его знаешь?! — подскочила Диана.

— Купаться в мутном водопаде страсти, в экстазе очарованных любовниц и подавлять их волю жезлом, плющом обвитым, с гроздью винограда — услада ненасытного безумца.

— Кто он такой?

— Он леопард коварный, вечно опьянен и одержим всепоглощающим азартом; его прикосновение к девичьей душе подобно действию сладчайшего из ядов!

— Что за ужасы? Он лгал, когда говорил о моей красоте?

— Нет, он говорил чистую правду, но твоя ангельская красота пугает его, потому что ему неподвластна, — малыш посмотрел на изящный комод у окна. — Какая чудесная птичка.

— Где? Я не вижу.

— Да вот же, в цветочном горшке, — он показал пальчиком на ярко-оранжевый цветок, похожий на голову венценосного журавля.

— А-а, это символ Лос-Анджелеса — королевская стрелиция. Ее и правда называют цветком райской птицы. Ой, он стал прозрачным!

— Потому что цветок не здесь, а в твоей комнате, — пояснил малыш и махнул ладонью куда-то вдаль. — Там, в городе ангелов.

Диана погрустнела:

— Вокруг одни иллюзии, меня обманывают все, даже мое отражение, — Диана вдруг с ужасом посмотрела на малыша и прикрыла губы ладонью. — Это пятно! Оно было на моем лице! Я опять видела проклятую!

— Та девушка в зеркале... она другая, — туманно сообщил малыш.

Диана вдруг защebetала:

— Я знаю, ее зовут Маргарет! Она становилась мной, строила всякие козни, а потом пропадала. Я тогда была совсем ребенком. Почему я это помню?

— Потому что не забывала, — малыш небрежно махнул рукой. — Принцесса хотела нравиться маме, старалась быть послушной девочкой, а если была не согласна, то молчала. Но иногда Маргарет говорила вместо нее.

— Это странно.

— Думая одно, принцесса говорит другое и делает третье, а еще может передумать, сказать «нет», подразумевая «да», и поступить не так, как хотела.

— Почему так происходит?

— В этом одна из чудесных тайн Девы.

— Ты надо мной смеешься, лицемер.

— Вовсе нет, — серьезно ответил мальчик. — Называть женщину загадкой и даже не пытаться ее разгадывать — вот верх лицемерия! Да что там говорить о мужчинах. В вашем мире Дева стала загадкой даже для самой себя, ведь тайное женское знание почти утрачено.

— И что во мне такого тайного, чего я сама не знаю? — вяло поинтересовалась Диана.

— Например, Гептада — Великий Совет семи богинь, которые живут в каждой девочке с рождения, но просыпаются в разное время.

— Вот как? Совет богинь отметил бабушку печатью? — оживленно спросила Диана. — Интересно, но непонятно.

— Ее внутренние богини живут в гармоничном союзе, а это большая редкость.

— Разве они могут ссориться?

— У-у-у... — тревожно протянул малыш, сложив губы трубочкой. — Что может быть опаснее, чем семь прекрасных женщин, собравшихся в одном месте?! Когда некоторые богини получают преимущество, а остальные ущемлены, то поднимается невообразимый гвалт! Они спорят, перебивают друг друга; каждая доказывает, что она важнее, и тогда внутри Девы порождается Хаос!

— Могу себе представить, — хихикнула Диана, — а в моей Гептаде богини тоже ссорятся?

— В твоей сонное царство. Пять из них еще не пробудились. Юной принцессе предстоит узнать об этих богинях и принять их как части себя. Тогда Дева поймет, что она чудесное и сложное творение, в котором все подчинено естественной логике женского начала.

— Парни говорят, что в женской логике нет логики.

— Они вторят самодовольным отцам, а те считают, будто мишень обязана думать также, как стрела. Бедные дети обмануты родителями, — посетовал малыш, покачивая головой в кудряшках. — Логика — мужской метод познания, а женщина — сам объект познания, клубок из тайн, спрятанных под густой вуалью. Мужчины не знают, что именно на этот клубок намотана путеводная нить Ариадны, которая выведет их из опасного лабиринта. Это ужасно, но они до сих пор не уразумели, что женские тайны, свитые в пеструю нить, постигаются не умом, а сердцем!

— Любовью, — догадалась Диана.

— Да, — мальчик осторожно отвел прядь волос с ее щеки. — Когда возникает любовь, мужской вектор соединяется с женским движением по кругу. Так формируется спираль — логика Развития, вытекающая из слияния двух начал. Все, что мешает равенству этих двух начал или сеет между ними раздор — служит хаосу.

— Кому нужны неравенство и вражда? — удивилась Диана.

— Узнать об этом, разоблачить ложь и выполнить предназначение тебе поможет та, другая девушка.

— Но она часто вредила мне!

— Да-а, Маргарет своевольная, — опасливо проговорил малыш, — но такой и должна быть Хозяйка.

— А я тогда кто?

— Ты Любовница.

— Почему все хотят мной командовать? — грустно спросила Диана. — Мама следит за каждым моим шагом. Зачем еще и Хозяйка?

— Она всегда стремится занять вершину, строит там неприступную цитадель и ревниво охраняет ее от проходимцев. Без Хозяйки Любовница будет жить на равнине и станет доступной первому встречному. Ты ведь не хочешь стать жемчужиной в раковине с одной створкой и выглядеть как десерт, поданный на тарелке?

— Так это Маргарет посадила меня в башню?! И что теперь? Я должна сидеть в темнице под семью замками?!

— Доверие Хозяйки нужно заслужить. Когда Любовница докажет, что способна отличать правильных чудовищ от неправильных, то сможет открыть ворота крепости и сдать на милость осаждающего.

— Я не предательница! — обиженно воскликнула Диана.

— О, конечно, нет! Во время осады сильная Хозяйка настаивает на выгодных условиях мира, поэтому, сдавшись, Любовница всегда побеждает.

— А если мне не понравится тот, с кем договорится Маргарет?

— К осаде Хозяйка допускает только тех, кого избрала Любовница.

— Ладно, — Диана поджала губы, немного подумала и спросила: — А Маргарет, кто она вообще такая?

— Она... играет другие роли, — неопределенно пояснил малыш и сказал, махнув рукой: — Маргарет осталась там, где принцесса была совсем недавно...

Диана не дослушала и перебила:

— Вот и пусть остается *там*! Не хочу, чтобы эта хозяйка возвращалась. Из-за нее постоянно возникали проблемы, она уводила меня из дома, делала наперекор, портила вещи. Когда Маргарет ушла в зеркало, мама перестала ругать меня за проступки, которых я сама никогда бы не совершила.

— Трон Хозяйки не может пустовать, иначе его займет кто-то другой и будет распоряжаться Любовницей по-своему, — наставительно сказал малыш. — К счастью, Маргарет уже вернулась.

— Я не хочу, чтобы меня опять стало две!

— Столкнувшись с мужским огнем, девичья река всегда раздваивается, — невозмутимо возразил малыш. — С этого момента в ее жизни начинают происходить коллизии. Чтобы оставаться полноводной, ей нужно правильно распределить потоки. Если река предпочтет своевольные течения Хозяйки, то иссохнет, не добравшись до Океана Гармонии; а если выберет равнинное русло зависимых ролей, то выйдет из берегов, затопит плодородные почвы, осядет и станет болотом, где живет усталая от гнета рабыня.

Чтобы сохранить себя, река вынуждена течь в разные стороны, но в одном направлении — в место, где огненная мужская стихия обуздана мощью водопадов; туда, где влажные и плодородные земли согреты солнцем. Там она сможет породить новую жизнь, питать, заботиться о росте, оставаясь при этом хозяйкой, но не рабыней; любовницей, но не наложницей; королевой, а не служанкой.

— Как все сложно, — Диана вздохнула и надула губки, — хозяйка, любовница, два русла одной реки и семь советчиц с разными мнениями. Это же кошмар!

— Женщиной вообще быть не просто, — сочувственно согласился малыш.

Диана издала тихий стон и закрыла лицо руками.

— О боже, что со мной будет?

Амур обнял ладошками пальцы Дианы, мягко отвел ее руки в стороны и интригующе предложил:

— Хочешь услышать Маргарет?

— Ну, не знаю... было бы интересно.

Малыш начал водить рукой в воздухе, глядя в круглое настенное зеркало, которое вдруг стало розоветь и насыщаться оттенками красного.

— Пока тут только Пьер.

— А кто он? — Диана перехватила взгляд малыша и посмотрела в ту же сторону.

— Пьер де Ронсар, придворный поэт французских королей и кумир Маргарет.[4]

— Он здесь? Я никого не вижу.

— Вдохновенный гений блуждает между мирами; он везде и нигде, но его можно

услышать. Сейчас он увлечен сонетом, — мальш поднял пальчик вверх.

Диана замерла, напрягая слух. В комнате зазвучал негромкий голос поэта, декламирующего стихи в такт неторопливым шагам по безлюдному коридору Лувра:

Когда ты, встав от сна богиней благосклонной,[5]

Одета лишь волос туникой золотой,

То пышно их завьешь, то, взбив шиньон густой,

Распустишь до колен волною нестесненной,

О, как подобна ты другой, пенорождённой.[6]

— Я его понимаю! — прошептала Диана. — Я знаю французский язык?

— Знала, а теперь вспомнила, — вскользь пояснил мальш, будто говорил о забытой безделушке. — О, а вот и Марго.

— Королева Марго?![7] — удивилась Диана.

Мальш приложил палец к губам и заговорил шепотом:

— Королева Маргарет. Французские принцессы — ее любимые роли.

Вновь послышался голос поэта:

— Что привело сюда прекрасную Венеру, озарившую скучный полумрак моего одиночества?

— Виной тому произведение, в котором вы вознесли меня столь высоко, что в этой похвале многие увидели желание угодить моему честолюбию и подумали, что, подобно Фемистоклу, я считаю необходимым говорить приятные вещи лишь тому, кто больше всех меня хвалит. Находить удовольствие в лести — общий порок женщин, а я не хочу уподобляться многим и более ценю свою уникальность, чем восхищение льстецов.

Вместе с тем мне приятно, что такой порядочный человек, как вы, захотел нарисовать мой портрет этими яркими красками, и не виню вас. Однако копия слишком превосходит оригинал, поэтому, не узнав своего отражения в тех качествах, которыми вы меня наделили, я охотно поступила бы как старая мадам Рандан. После смерти мужа она не смотрелась в свое зеркало, а когда случайно увидела себя в чужом, удивленно спросила: «Кто это?»[8]

Амур перестал водить рукой и отвел взгляд от зеркала.

— Ее речь льется, как искристое вино в бокал: струится, наполняя содержанием, и принимает изящную форму хрустального сосуда.

— Почему зеркало светится, как кровавая заря? — боязливо прошептала Диана.

— Маргарет обожает рубины, она ими просто одержима.

— «Королева может хотеть и делать все, что вздумается», так она мне говорила, — припомнила Диана. — Я ей верила.

— Она была еще слишком маленькой. Чтобы стать королевой, нужно найти собственную ось вращения. Умение управлять орбитами, приближать полезное и отдалять вредное приходит с пониманием себя как части окружающего мира. Влиять и одновременно избегать дурного влияния — два таланта, выделяющие королеву из толпы.

— А почему она живет в зеркале?

— Маргарет живет в другом времени и пространстве, но благодаря зеркалу она рядом с тобой.

— Она живет в прошлом? — предположила Диана.

— В будущем.

Диана задумалась.

— Мне нравится этот сон. Сделай так, чтобы я помнила его, когда проснусь, ты ведь

божество сновидений. В мифах сказано, что Морфей умеет принимать любую форму и являться во сне, но почему ты предпочел образ Амура?[9]

— Я не форма! Я бог любви, — мальчик поднялся и гордо выставил босую ножку.

— Как ты тут оказался, маленький бог?

— Я? — мальчик развернулся и пошел по ноге Дианы, удерживая равновесие с помощью крыльев.

— Ты переспрашиваешь, чтобы выгадать время и придумать ложь?

— Нет, нет! Я просто боюсь сказать лишнее.

— Интересно. И что ты от меня скрываешь? — Диана приподнялась на локтях, чтобы лучше видеть маленького эквилибриста.

— Совсем чуть-чуть, — Амур плюхнулся на свою пятую точку и начал по-детски играть, хватая маленькими ручонками пальцы ее ног. — Мне можно говорить о том, как ты прекрасна.

— Какая грубая лесть.

— Юная принцесса не понимает, как восхитительна ее красота!

— Ах, ах, голова кружится от комплиментов, — съязвила Диана.

— Я говорю только о том, что вижу и слышу. Твой голосок — музыка.

— Из-за него меня называют мультяшкой.

— Ах, твой голосок! — восторженно сказал Амур. — В нем благозвучный трепет с придыханием, он льется, как нектар очарования, в нем дрожь застенчивых вибраций и переливы интонаций, то вкрадчиво манерных, непокорных, то обаятельно смешливых и задорных...

— Напрасно ломаешь поэтические стрелы, — упрямо насупилась она. — Мой голос обычный, а внешность невыразительная.

Карапуз комично нахмурился и шлепнул Диану по коленке:

— Глупышка! Твоя красота спрятана! Упс... — Амур испуганно закрыл свои пухлые губы маленькой ладошкой.

— Спрятана?! — встрепенулась девушка. — Значит, Дионис не врал мне? Он сказал, что мою красоту отняли, как шипастую розу у ребенка!

Плутоватые глаза-бусины малыша суетливо забежали и остановились на цветочном горшке.

— Смотри, твоя птичка улетела.

[1]Интермедия — (от лат. *intermedius* — находящийся посередине) — небольшая пьеса или сцена, комического или нравоучительного характера, разыгрываемая между действиями основной пьесы (драмы или оперы); то же, что и интерлюдия («междудействие»).

[2] Гипнос и Танатос — братья-близнецы, сыновья ночной темноты Нюкты, и вечного мрака Эреба. Гипнос (от др. — греч. «сон») — в древнегреческой мифологии божество сна. Танатос — Танат, Фанат (от др. — греч. «смерть») — в греческой мифологии олицетворение смерти.

[3] Сизиф — строитель и царь Коринфа, после смерти приговоренный богами вкатывать на гору тяжелый камень, который достигнув вершины, раз за разом скатывался вниз. Выражение «сизифов труд», означает тяжелую, бесконечную и безрезультатную работу и муки.

[4] Пьер де Ронсар (1524–1585), французский поэт XVI века. С 1554 придворный поэт Генриха II. После кончины Карла IX (1574) впал в немилость и окончательно отошел от

двора.

[5] «Любовные стихи к Кассандре», Пьер де Ронсар. Перевод В. Левика.

[6] Пеннорожденная — одно из имен Афродиты, древнегреческой богини любви (у римлян — Венера). Согласно мифу, Афродита была рождена из морской пены.

[7] Маргарет де Валуа (14 мая 1553 — 27 марта 1615, Париж, Франция), благодаря А. Дюма, известна также как «Королева Марго» — французская принцесса, дочь короля Генриха II и Екатерины Медичи. В 1572–1599 годах была супругой Генриха де Бурбона, короля Наваррского, который под именем Генриха IV занял французский престол.

[8] Вольное цитирование текста из Мемуаров Маргарет де Валуа (1553–1615), младшей дочери королевы Екатерины Медичи.

[9] Эрос (др. — греч. Эрот), Амур (лат. Amor), Купидон (лат. Cupido) — божество любви в древнегреческой мифологии, безотлучный спутник и помощник Афродиты, олицетворение любовного влечения, обеспечивающего продолжение жизни на Земле.

Глава 8. Ангажемент

В саду Магуайра перед фасадом главного здания Публичной Библиотеки Лос-Анджелеса царила сумрачная тишина. Все здесь застыло, едва Диана коснулась рубина, и теперь покорно ожидало разрешения возобновиться с того самого момента, на котором остановилось. Все, кроме фигур Диониса и Дианы.

Рука ее по-прежнему лежала в его ладони, но теперь словно была дана для поцелуя; неуверенность и смятение исчезли, линии спины, шеи и положение головы соединились в величавую осанку. Девушка осмотрелась в окружающем полумраке, слегка вскинула брови и остановила взгляд на мужчине, стоящем перед ней. Тот посмотрел на обездвиженную кошку и представился:

— Мое имя Дионис Парва, рад вашему появлению, Маргарет. Найти вас было чрезвычайно сложно.

— Я ни от кого не пряталась, — она высокомерно взглянула на Диониса из-под ресниц, — беседовала со знакомым поэтом и странным образом очутилась тут. Что это за фокусы? Отвечайте, я хочу знать!

— Сожалею, что отвлек королеву от важных дел. Мне пришлось призвать вас...

— Как джина из бутылки? — она нахмурилась. — Думаете, я стану исполнять ваши желания?

— О нет, все как раз наоборот! — поспешно возразил Дионис. — Желания ваши, а заботы по их исполнению мои.

— Кто вы? — настороженно поинтересовалась она.

— Тот, кто хотел, чтоб миг ночной не уходил, и свет дневной небесную не золотил границу, — продекламировал Парва.[1]

— Будь эти стихи вашими, а не Пьера де Ронсара, я бы подумала, что вы поэт, которому нужна муза.

— Терзания любви мне чужды, но я ваш искренний поклонник.

— И полагаете, что это дает вам право рассуждать в моем присутствии о любви?

— Разве на это нужно просить позволения?

— Если вы удостоены чести говорить с королевой, то, несомненно, это так, — назидательно заметила она. — Или вы не верите тому, что сказали сами?

— Вовсе нет, я...

— Значит, вы назвали меня королевой из желания польстить?

— Помилуйте, разве...

— К сожалению, ощущать себя королевой и быть ею это не одно и то же, — заметила она с оттенком горечи, едва уловимой, как аромат выветрившихся духов.

— Мне жаль, что...

— Оставьте ваши жалкие попытки оправдаться, я на вас не сержусь. Почти. Или, скорее, не буду сердиться, если потрудитесь объяснить: что тут происходит?

— Вы коснулись рубина, Маргарет. Точнее, сначала не вы...

— Рубина?! — она отняла руку, но, увидев роскошные переливы, коснулась самоцвета снова и замороженно прошептала: — Ах, какой чудесный камень!

— Не более чудесный, чем вы сами. Минуту назад передо мной стояла скромница, но вы совершенно другая и...

— Застенчивость — это вуаль страха, у меня его нет, — отвлеченно сказала она, не сводя глаз с самоцвета, — и вы правы, я другая. Всегда буду другая, с кем бы вам ни вздумалось меня сравнивать. Но с чего вы взяли, что я нескромная?

— Скромность королеве не к лицу.

— Вы начинаете мне нравиться, — она неохотно отняла свою руку от кольца, приложила ее ко лбу и прикрыла глаза. — У меня слегка закружилась голова. Не подумайте, что от вас, это от рубина. Я обожаю эти камни, — она разомкнула веки и посмотрела на сумеречные очертания окружающих небоскребов. — Знакомые силуэты. Что это за город?

— Мы около Публичной Библиотеки Лос-Анджелеса. Принцесса находилась тут на экскурсии, коснулась рубина и в некотором роде... остановила течение времени. Уверю вас, это ненадолго.

Взор Маргарет вновь притянулся к рубину.

— Где вы взяли этот шикарный камень? Расскажите скорее, мне не терпится узнать.

— Принцесса отдала его мне. Наивная дурочка была влюблена и так безрассудна...

— Вот как? — сказала Маргарет, томно поглаживая рубин взглядом. — Напомните, когда это было?

— Сто лет назад, в Лондоне, на площади Пикадилли, у статуи Антэроса. Глупышка доверила мне камень, за который вы, не раздумывая, отдали бы свою жизнь. Дичайшая насмешка, не правда ли? Фокус в том, что на Пикадилли-сёркус ирония прямо-таки фонтанирует. В сороковых, во время второй войны, рядом с Антэросом, олицетворяющим, как полагал сам автор, зрелую и обдуманную любовь в противоположность Эросу — легкомысленному и ветреному тирану, стали собираться проститутки, — Дионис рассмеялся. — Сэр Гилберт, мм... скульптор, трижды перевернулся в фамильном склепе, когда узнал, что ступеньки около его творения облюбовали прелестные «коммандос с Пикадилли» — так солдаты прозвали жриц любви...

— Довольно ностальгии, я хочу получить камень обратно.

— Сожалею, но этикет не позволяет... — Дионис помедлил и заговорил особенно вежливо, как ловкий царедворец, которому предстоит рассказать высокопоставленной особе о неприятных подробностях: — Видите ли, сей камень — королевская реликвия, но официально вы еще не королева, есть некие досадные формальности... — он сделал небрежный жест. — Ритуал посвящения, церемония коронации, придворные дамы и все такое прочее, после чего я буду рад вернуть королеве эту каплю ее величия.

— Очаровательно, а кто эта зеленоглазая с ужасной родинкой на подбородке? — Маргарет потрогала плечо неподвижной улыбающейся Китти и прикрыла пальчиком изъясн. — Она мила, приятная улыбка...

— Это подруга принцессы Европа. Как фрейлина она, пожалуй, пригодится, когда характером придется вам по нраву. Соврет, коль надо, и предаст кого угодно. Располагайте ею, если захотите, но... есть кое-кто, и он задумал, «быком огромным млея, красавицу коварно умыкнуть, когда ее на пышный луг свернуть уговорят фиалки и лилеи».

Дионис почтительно замолчал, ожидая возражений и пожеланий. Маргарет, не без удовольствия играя предложенную ей роль королевы, подвела итог:

— Вам удалось завладеть нашим вниманием, нам было приятно слышать стихи Пьера де Ронсара. Очень мило, — она тронула рукой застывшую каплю из фонтана.

Вода оказалась вязкой, как прозрачный пластилин. Маргарет удивилась, но не настолько, чтобы отвлечься от того, что намеревалась сказать; глаза ее вдруг сверкнули

злобным блеском.

— Скажите, что вам нужно, или катитесь со своей Европой в ад!

Дионис вздрогнул, вмиг напустил на себя благодушный вид и посмотрел на серое небо.

— Ад вокруг нас, душа моя королева. Здесь всем дано по думам и деяниям; швыряет то в одну немыслимую крайность, то в другую, но неизменно то движение по кругу, что образует бесконечные витки. По ним восходят души темные в чертоги невозврата, а светлые стремятся вниз, чтобы достигнуть дна, и нет конца падению в бездну. Где высь, где пропасть — выберите сами, но знайте, что в раю от изобилия и безделья дохнут даже крысы, — Дионис слегка поморщился и вдруг воодушевленно сказал: — Здешний мир темный, Маргарет, но это мир новых возможностей! Я подскажу вам, как сюда вернуться, невзирая на запрет и...

— Прекратите плести кружева, славный Мефистофель. Если нуждаетесь в моей помощи — так и скажите, но знайте: вам придется очень постараться, чтобы меня заинтересовать. Надеюсь, это понятно?

— Разумеется, — бесстрастно ответил Дионис.

— Вижу, что нет. Вы так уверены в моем возвращении, что даже не спросили, хочу ли я этого.

Дионис заговорил с воодушевлением:

— Принцесса живет во дворце, а королева ютится в башне. Это неправильно и несправедливо! Я был уверен, что вам захочется исправить такое нелепое положение вещей. Говоря о вашем возвращении, я руководствовался самыми благими намерениями!

— Самое время вымостить ими дорогу и отправиться по ней... Кстати, я до сих пор не знаю, кто вы и откуда. Обитаете ли вы там, — Маргарет подняла левую руку и направила пальчик в небо, — или там, — она опустила правую руку, ткнула пальцем вниз и перешла на злобное шипение: — Мне плевать! Я не нуждаюсь в богах и дьяволах, указующих перстами!

— О, вы ко мне несправедливы! — воскликнул Парва, чувствуя, как рубин нагрелся и больно обжег кожу.

Дионис поспешно сунул руку в карман брюк, тайком избавился от раскаленного кольца и стал возбужденно оправдываться:

— Указывать перстами вам?! Такая дерзость могла прийти лишь в голову злодея, который создал этот бранный мир и в нем решил повелевать единовластно. Тиран! Сатрап! Кровавый деспот! Жесток и притворяется, что любит, ввергая человечество то в войны, то в болезни, то взбеленится так, что пару городов сожжет или потоп всемирный насылет. А избранный народ? А казни египтян? Ведь то нацизм и геноцид, не меньше! А помните, душа моя, как он вам вслед кричал: «Вернись!» и гневно пальцем тыкал в небо? И что? Не смог вернуть! Нет власти у него над вами! А помните мальчишку-ябеду, которому сказали вы, что равная ему? Он с жалобами к папке тотчас побежал, — Дионис сделал плаксивое лицо и передразнил писклявым голосом: — «Хочу покорную жену и сверху быть над ней желаю». Тьфу! Да мне об этом вспомнить тошно! Я вам, чудесное творенье, совсем иное предлагаю. Быть королевой в этом темном мире, а не служанкой, как другая.

Маргарет благосклонно выслушала эту драматическую тираду и спросила:

— Почему вы сняли кольцо? Я хочу видеть этот камень, он мне жутко нравится.

— Ваш гнев меня расстроил, — Дионис заложил руки за спину и украдкой помассировал обожженный палец. — Упреки ваши мне обидны. Вы здесь благодаря моим стараниям, сделать это было архисложно и...

— Чего вы ждете от меня? — вновь бесцеремонно перебила Маргарет.

— Согласия принять на голову венец Царицы Ночи, — Дионис развел руки и приподнял плечи, будто говорил об очевидности, которую даже странно упоминать. — Золотой венец Аннет! Последние три месяца этот древний артефакт демонстрировался в европейских музеях и буквально вчера вернулся на виллу Гетти в Малибу вместе с остальными предметами выездной экспозиции.

— Я что-то читала об этом... Вы говорите о диадеме, из-за которой расцвели драконьи кактусы?

— Всего один цветок.

— Селеницереус, кажется...

— Да-да, чудеснейший цветок, сорвать который невозможно, расцвел в день вашего рождения. Он распускается лишь ночью, при луне, коснуться лепестков нельзя — осыплются мгновенно, и... если кто-то дерзновенный... — Дионис замолчал на высокой интонации, замер на секунду и небрежно добавил: — Неважно, это все потом, когда вернетесь.

— Я вспомнила, это кадупул или «Царица Ночи»! Пышный цветок с игольчатыми лепестками, по виду похож на венец!

— Да-да, чудеснейший цветок... — повторил Дионис тоном собеседника, который желает уйти от надоевшей темы. — Раз речь зашла об удивительных цветках, давайте говорить о вас. Вам надобно вернуться в истинном обличье, в лучах кровавого рубина, так сказать...

— Допустим, я согласна. Что дальше?

— Тут есть одна заминка... — Дионис снова заговорил с паузами, подстилая шелковую учтивость: — Принцесса скоро возвратится, и... получается, вы как бы не в себе... а я повторно вызвать вас, простите, не смогу. Рубин ослаблен и должен зарядиться, восстановиться, так сказать. Вам надобно подумать, как сюда вернуться... самой, без помощи рубина. Зачем, вы спросите... Извольте, я скажу: мм-м... Представьте на секунду, что королева не хозяйка положения; она то здесь, то нет, и контролировать сие не в состоянии. А вдруг корона и рубин окажутся не в вашей власти? Такой нелепейший конфуз мы с вами допустить не можем. Нельзя, чтоб королева исчезала, иначе ее трон займет другая. Вы спросите, как этим управлять? Отвечу прямо и без кружев: вам нужно заключить принцессу в башню.

— Кто она такая, эта ваша принцесса?

— Кроткое создание, не способное предьявить миру ни воли, ни интеллекта, — с пренебрежением сказал Дионис. — Вечная жертва любви и семейного быта, работает душой до нервных срывов, истощения, истерик... Продолжать или вам уже не интересно?

— Если она так беспомощна, ради чего заключать ее в башню?

— Башни созданы для принцесс! Им там самое место! — пафосно заговорил Дионис. — Ведь это они влюбляются в чудовищ, которых не способны приручить надолго! Именно от принцесс исходит все то зло, которое обрекает женщину на чувственные муки. Нежные опаловые души склонны очаровываться и растворяться в предмете своей любви. Они готовы стать могилой, чтобы исправить горбатого! Но королева не такая. Королева рождена, чтобы владеть и править! Ее место во дворце, в водовороте интриг и приключений!

— Мне нравится ваша пылкая горячность, — величаво похвалила Маргарет. — Допустим, я согласна заключить принцессу в башню. Пока не знаю, как, но что дальше? Вы полагаете, будто, вернувшись сюда и став королевой, я начну играть по вашим правилам?

— О, правила весьма просты, вам нужно быть собой, и только. Я говорю о вашей внутренней свободе, о дерзком нраве и уме, неистовой энергии бунтарки, презрении к укладу патриархов. Все это есть у вас, но нету одного — той красоты, что ослепляет. И тут я мог бы вам помочь...

— Но есть условие, не так ли? — иронично предположила Маргарет.

— Скорее предложение лестное для вас. Сыграйте роль Пандоры, и вы получите ее божественную красоту.

— Каким образом вы намереваетесь сделать из меня красавицу? С помощью инъекций и имплантов?

— Что, простите? — в недоумении спросил Дионис и даже остановил дыхание, чтобы не пропустить ни одного слова.

— Хотите сделать из меня пошлую суккубу[2] с губами и сиськами? — гневно возмутилась Маргарет. — Как чиновник содержанку?!

— О нет, душа моя королева! — облегченно выдохнул Дионис. — Сто раз нет! Тысячу раз нет! Я обещал вам божественную красоту Пандоры, а вовсе не телеса демоницы похоти и разврата. Из вас суккуба? О, нет! Такого чудовищного неуважения к вам я никогда бы себе не позволил. Клянусь, поверьте! — Дионис лилейно заулыбался и напомнил: — Так как насчет ангажемента?

— Шьете белыми нитками, мой адский друг. Engagement — французское слово, оно означает *обязательство*. Я не стану заключать с вами никаких контрактов.

— Их и не нужно! — с апломбом воскликнул Дионис. — Никаких договоров, подписанных кровью, уверяю вас!

— Только не говорите, что надо продать душу, это скучно.

— О, нет вам достаточно любить только себя.

— Нахожу это условие слишком простым, — усомнилась Маргарет. — Но что все-таки вы имели в виду, когда говорили о красоте Пандоры?

— Позвольте напомнить словами Гесиода?[3] — учтиво осведомился Дионис и, не встретив возражений, принялся театрально декламировать:

Диву бессмертные боги далися и смертные люди,

Как увидали приманку искусную, гибель для смертных.

Женщин губительный род от нее на земле происходит.

Нам на великое горе, они меж мужчин обитают...

В бедности горькой не спутницы, — спутницы только в богатстве

Маргарет заметила, не скрывая насмешки:

— Прекрасный материал для лекции на тему «Дискредитация женского начала в эпоху становления патриархата». Гесиод был землепашцем, мужланом от сохи. Будь его воля, он, наверно, впряг бы женщину в плуг вместо быка. Впрочем, исказить порядок вещей по личной прихоти вполне в духе Гесиода. Вы ведь помните следующие строки, где он самым наиглупейшим образом сравнил мужчин с пчелами, а женщин с трутнями? — Она прочитала на память:

Так же в ульях хлопотливые пчелы

Трутней усердно питают, хоть пользы от них и не видят;

Пчелы с утра и до ночи, покуда не скроется солнце,

Изо дня в день суетятся и белые соты выводят;

Трутни все время внутри остаются под крышею улья

И пожинаяют чужие труды в ненасытный желудок.

Так и высокогремящим Кронидом, на горе мужчинам,

Посланы женщины в мир, причастницы дел нехороших.[4]

— Гесиод не знал, что трутни, это самцы пчел, — заметил Дионис.

— И попал впросак. Пчелиный рой матриархален до последней капли меда. Но к чему все это? Вы сулите красоту Пандоры за согласие исполнить ее роль. Это извращенный кастинг?

— Выпустить в мир возможностей саму себя — «приманку искусную, гибель для смертных», — вкрадчиво произнес Дионис. — Внушать восхищение и зависть одним своим появлением; блистать и повелевать. Разве эти привилегии не стоят того, чтобы исполнить маленькую роль?

— Не страшно выпускать джина из бутылки? — с блеском во взгляде спросила Маргарет.

— Страх мне неведом, королева.

— Неведение губительно, мой скользкий друг. Вздумаете обмануть — пожалеете, что со мной связались, — она слегка нахмурилась, тут же вскинула брови и улыбнулась пришедшей в голову идее. — Докажите, что умеете изменять внешность — уберите эту нелепую родинку с лица Европы.

— Нелепость жуткая, вы правы, но...

— Ага, есть «но», значит, все не так просто! — торжествуя воскликнула Маргарет.

— Воистину непросто. В родинке ее... как вам сказать... кармический налог. Вы просите подделать приговор, стереть печать суда. А я ведь говорил, что мы в аду. Здесь души отбывают наказание за провинность... — Дионис помедлил, раздумывая, и наконец сказал: — Допустим, сделать это можно. Но что взамен?

— Ничего, — холодно сказала Маргарет. — Если не хотите исправлять изъян, то оставьте вашу фрейлину себе. Я ее у вас не просила.

— Позвольте, но дареному коню...

— Еще как смотрят, если он данайцами поставлен к стенам Трои, — заявила Маргарет и кивнула на Европу: — Отчего она здесь? Что ей ставят в вину?

— Ах, это скверная история, — расстроено покачал головой Дионис, — бедняжка сбросилась с моста, но все устроила, как будто бы ее столкнули, да так хитро обставила улики, что в ее смерти уличили неповинного мужчину. Хотя он участь эту заслужил, однако суицид... тут, знаете ли, покушение на власть того, кто сам казнить и миловать желает. Самоубийство есть фактический побег — отказ играть по правилам Его... увы, я, разумеется, о Боге. Да, самодур, но что ж поделать?! — Дионис заговорщицки посмотрел по сторонам и прошептал: — Я вам скажу, но только по секрету: она болезненная, склонна к суициду, про то и метка на лице. Да-да, поверьте, я-то знаю!

— А преданной она умеет быть?

— Как вам сказать... милашка меркантильна. Не от испорченности вовсе — от нужды. Отца не знала, мать не видела. Сиротка. Ей оттого и добродетели чужды, что некому их было преподавать. Оно и к лучшему. Да, надобно вам знать — она мечтает о карьере демоницы. Девушки нынче любят бриться в местах вы знаете каких, а ей нет дела до других и эпиляций дорогих. Такое вот расхожее понятие о зверином и, с позволения сказать, натурализм. Довольно милovidный. Мм, что еще... Умеет погрустить, повеселиться, как все красотки, любит оголиться, особенно в зловещем антураже. Романтика ей голову кружит, но

девственность как Цербер сторожит. Росы чистойшей капля в шоколаде! Развращена немного и бесстыдна, однако вкус и чувство стиля безупречны. Приврать умеет, это правда, но тут вы сами постарайтесь, чтоб она с вами лгать не смела...

— Довольно грязных сплетен, Мефистофель. Сотрите родинку, я так хочу.

Дионис пожал плечами.

— Извольте, раз вы столь категоричны... Я вам милашку, пожалуй, подарю, а родинка... убрать совсем ее нельзя, но спрятать можно. Европы милое лицо еще милее станет, вы не против?

— Подарков я не возвращаю, Мефистофель... Парва... или кто вы там? Это ясно?

— Как ночь в полнолуние, — кивнул Дионис. — Европа к вам привязанная станет, как нить к игле, как хвост кометы. Уйдете вы — уйдет она за вами; вернетесь — возвратится и она.

Дионис наклонился к лицу Европы, смачно поцеловал ее в полуоткрытые улыбающиеся губы, а затем влажно лизнул от подбородка по щеке всем языком, будто она была сливочным мороженым.

— Сладка чертовка, — он причмокнул, ткнул пальцем в родинку и аккуратно передвинул ее по щеке за ухо.

Маргарет посмотрела на Европу. Та по-прежнему кокетливо улыбалась, но родинка исчезла с ее лица.

— Желание королевы исполнено. Позвольте вернуться к прежней теме? Осмелюсь напомнить: мы говорили об ангажементе на роль Пандоры.

— Я вас слушаю, — благосклонно разрешила Маргарет.

— Если вы согласны... найдите то, что спрятано отцом, — таинственно изрек Дионис.

— Ящик Пандоры? — усмехнулась Маргарет. — Как предсказуемо.

— Не могу сказать, ящик ли это или что-либо другое, но вижу *валун над входом в пещеру. Искать нужно как вверху, так и внизу*. К сожалению, числа неразборчивы, за ними *костры и пляски ночных теней*. Да, еще одно. *Заключить принцессу в башню вам поможет круглое зеркало*. По крайней мере, в начале, — он взглянул на меланхоличное животное, сидящее у ног девушки: — И не доверяйте кошкам, их глаза и уши повсюду.

— Когда и каким образом я получу награду?

— После вашего возвращения, однако обладать красотой Пандоры временно, пока вы здесь, можете уже сейчас.

— Что-то вроде ограниченной демоверсии? — насмешливо съязвила Маргарет.

— Красота, это ссуда, — вкрадчиво пояснил Дионис. — Потратить ли ее на развлечения или вложить в успешное дело, вы решите позже, а пока предлагаю разыграть всех, кому посчастливится вас увидеть. Не удивляйтесь, если те, кто знал принцессу до вашего появления, не заметят разницы. Люди, знаете ли, привыкают ко всему, даже к уродству и красоте. И не пытайтесь увидеть в зеркале, смотрите в воду, — он сделал учтивый жест, приглашая Маргарет подойти к бассейну.

Она с любопытством заглянула в зеркальную гладь воды и увидела ослепительную диву, излучающую дерзкое очарование независимой богини, один взгляд которой, как утверждают древние легенды, мог лишить жизни простых смертных. От совершенства Пандоры веяло хладом; это была математически идеальная красота, выраженная в безупречной правильности линий, гармонии форм, пропорций и абсолютной симметрии. Дыхание Маргарет стало прерывистым от восторга, она издала тихий стон, будто испытала оргазм.

Дионис патетично произнес:

— Красота Пандоры потрясает! Она недоступна и оттого мучительно сладостна, притягивает и влюбляет, лишает разума и воли! Нет смертной, что затмить тебя могла осанкой, поступью, и красотой чела, и черным блеском глаз, и даром умной речи... и дерзость губ, и этот властный взгляд, и чернь волос, окутавшая плечи... [5]

— Ах, какая невозможная, дикая красота... — жарко прошептала Маргарет. — Да, я именно такая! Я всегда это знала!

Дионис вынул из кармана остывшее кольцо и надел его на палец.

— Покидаю вас с надеждой на скорую встречу, Маргарет. Спешу во тьму, как только свет блеснет. Возвращайтесь в город павшего Ангела, когда откроете ящик. И помните: проявляться из темноты нужно постепенно, чтобы не напугать саму себя.

Он зашагал прочь, поднял кулак на уровне плеча и резко распрямил все пять пальцев. Окружающий мир ожил, взорвался светом, солнечным теплом, запахами, звуками, ошеломил и ослепил Маргарет. Она поднесла руку ко лбу, прикрывая глаза, и тихо прошептала:

— Я в Лос-Анджелесе? Поверить не могу...

[1] Здесь и дальше цитаты из стихотворений Пьера де Ронсара.

[2] Суккуб, суккубус (от лат. *succuba* — «любовница, наложница», от *subcub(āre)* — «лежать под» от *sub-* под, ниже + *cubāre* — лежать, покоиться) — в средневековых легендах — демоница похоти и разврата, которая посещает ночью молодых мужчин и вызывает у них сладострастные сны; персонаж низшей мифологии народов Европы. Инкубы — то же, но мужского пола, посещают спящих женщин.

[3] Гесиод (VIII–VII века до н. э.) — первый исторически достоверный древнегреческий поэт, рапсод, представитель направления дидактического и генеалогического эпоса. Рапсоды — профессиональные исполнители эпических, главным образом гомеровских поэм в классической Греции; странствующие певцы, декламировавшие поэмы с жезлом в руке (жезл — символ права выступать на собрании).

[4] Гесиод, Теогония. О происхождении богов. Перевод В. В. Вересаева. Строки 585–601.

[5] Из сборника «Любовные стихи к Кассандре», Пьер де Ронсар. Перевод В. Левика.

Глава 9. Зловещий храм

Китти оглянулась и не нашла Диониса.

— Куда он делся?

— Отправился в адское пекло, — новоявленная Диана открыла сумочку, не нашла там нужной вещи и спросила: — У тебя есть зеркальце?

— Нет.

— А темные очки?

— Есть, но они тебе не подойдут.

— Солнышко, я не спрашивала твоего мнения. Просто дай мне очки.

— Солнышко? — Китти растерянно улыбнулась. — А что, мне нравится.

Защитив глаза темными стеклами, Диана промурлыкала:

— Очаровательно, так лучше, — и осмотрела себя. — Я в платье?! У меня розовые ногти? Розовые часики? Кошмар. Приснится же такое... — Диана огляделась, затем коснулась плеча Китти. — Ты живая...

— Тебя это удивляет?

— Немного. Раньше ты прикидывалась восковой фигурой из музея мадам Тюссо.

— Бла-бла-бла, — передразнила Китти.

Диана задрала голову и еще раз посмотрела на небоскребы, столпившиеся вокруг архитектурного комплекса библиотеки.

— Я в настоящем Лос-Анджелесе. Круто! Аж визжать хочется.

— А раньше не хотелось? — рассеянно спросила Китти, с интересом разглядывая подругу. — Ди, когда ты успела подкрасить губы? Шикарная подводка, прямо не губы, а лепестки.

— У меня была уйма времени, пока ты строила свои зеленые глазки дьяволу.

— Дионис дьявол?! Ди-и, ты ревнуешь! — Китти захихикала, касаясь губ пальчиками в черном маникюре.

— Что у тебя с ногтями, солнышко? — нехотя спросила Диана, подходя к бассейну.

— А что с ними не так? — Китти с серьезным видом осмотрела свои пальчики.

— Такого цвета ногти бывают у перегнивших трупов. Может, я ошиблась, и ты все-таки мертвая?

— Пф-ф! Совсем не смешно.

— Мне тоже, — Диана таинственно улыбнулась, любуясь своим отражением. — Как я выгляжу?

— Ослепительно, — Китти шутливо прикрыла глаза рукой, будто загораживаясь от яркого света.

— Ты просто льстивая лиса.

— Не пытайся скрывать, что влюбилась в Диониса. Это бесполезно.

— Скорей полевка влюбится в сову, чем я — в мужчину.

— Лгунья. Так сияешь, что даже Молли тебе завидует.

— В самом деле? Я хочу ее видеть. Где она?

— Там же, где Стив, — Китти кивнула в сторону парочки.

— Она красивая, — заметила Диана, разглядывая топ-девушку класса, — и, похоже, боится отпустить от себя этого парня. Кого она опасается?

— Ди, очнись уже! Стив жалеет, что бросил тебя, когда его поманила Молли.

— Бросил? Меня?! Ему что, жить надоело?

Оценивающие взгляды соперниц пересеклись фатально, как две шпаги неисправимых дуэлянтов. Диана слегка приподняла подбородок и салютовала едва различимой улыбкой. Молли уколола пренебрежением и высокомерно отвела взгляд, давая понять, что она вне конкуренции. Обеим стало ясно, кто проиграл, сделав недостойный выпад раньше приветствия. Настроение у Молли испортилось. Диана улыбнулась заметнее.

Китти не увидела этой мимолетной стычки, потому что отвлеклась на черную кошку.

— Ой, киска! Кто ты, кошечка или котик? Хочешь кусочек сэндвича?

— Не хочет, — уверенно сказала Диана.

— Ди, откуда тебе знать? — Китти открыла ланчбокс в сумке, отломала кусок котлеты и бросила кошке. — Вот, держи.

Кошка есть не стала.

— Наверно, сытая, — Китти забыла про кошку и вздохнула. — Жаль, что красавчик Дионис ушел. Он, конечно, немного старомоден, но это даже приятно. Мало кто умеет говорить такие комплименты.

К мультяшкам приблизился Кевин Смит и сообщил с самодовольной улыбкой:

— Диана, я тут провернул одно дельце с Бадом. Тот малолетка, Джастин, заплатил мне, чтобы я вас познакомил, — он небрежно вынул из кармана сто долларов и протянул даме своего сердца. — Возьми, купи себе что-нибудь.

— Что я говорила! — победоносно воскликнула Китти, ловко выхватывая сотню из его руки. — Не думай, что откупился от своей совести!

— Дай сюда, — спокойно потребовала Диана, подставляя ладошку.

Китти неохотно рассталась с купюрой и проводила ее цепким взглядом. Диана медленно убрала деньги в сумочку, сделала небрежный жест в сторону Кевина и равнодушно спросила у подруги:

— Кто это?

Лицо Кевина посерело. Китти отвлеклась от сотни баксов, радостно хихикнула и подыграла, наморщив лобик:

— Ой, не помню точно, кажется, его зовут Кевин Смит.

— А этот, как там его... Бад. Он тоже заработал на мне? — продолжила свое дознание Диана.

— Да, столько же, — Кевин выразил оптимизм: — Ты согласна снова быть моей девушкой?

— Какая неслыханная дерзость! — надменно изумилась Диана, — Солнышко, ты слышала? Он решил купить меня за сотню.

Продолжая играть роль королевы, она заглянула в глаза Кевина, не увидела в них ожидаемого восхищения, но, подобно тому, как хищник чует страх жертвы, ощутила мальчишескую робость перед девичьей красотой. Этот страх подсказал новоявленной Диане идею.

— Чтобы заслужить мое прощение, нужно нечто больше признания в обмане и портрета Бенджамина Франклина. Накажи Бада раньше, чем это сделаю я.

— Как наказать? — не понял Кевин.

— Почему он еще здесь? — спросила Диана у окружающих небоскребов, медленно отвернулась и вмиг забыла о существовании незнакомого ей парня.

Китти сжала кулачок прямо перед носом отверженного, оттопырила большой палец и ткнула им вниз. По правилам гладиаторских боев, уже мало кому известным, этот жест повелевал оставить побежденного в живых и унести его с арены, но Китти этого не знала. По ее мнению, она поступила в лучших традициях кровавых зрелищ, поэтому осталась очень довольна.

Кевин неуклюже ретировался; он будто растворился в воздухе оттого, что его перестали замечать.

Между тем Диана присмотрелась к людям и ощутила себя эпицентром взрыва. Внимание окружающих накатывало на нее волнами с разных сторон, пенилось, щекотало самолюбие, вливалось в сознание и ошеломляло чувства. Женщины смотрели тактично, с интересом, иногда со скрытой завистью; мужские взгляды, будто змеи ползучие, скользили проворно и украдкой, опасаясь быть пойманными на стройных ногах и под юбкой. Стив смотрел откровенно, желая обратить на себя внимание; Молли — исподтишка, с ядовитым прищуром. Китти, как некогда придворные рядом с королем-солнце, не без удовольствия блистала в лучах подруги, ведь часть внимания, обращенного на Диану, доставалась и зеленоглазой кошечке с ушками.[1]

Смотреть на эту замечательную пару было в самом деле интересно: строгая, недоступная красота королевы и легкомысленная прелесть ее фрейлины не только контрастировали, но и выгодно подчеркивали друг друга.

Диана с удивлением ощутила, как ее тело, восхитительно плавное, несомненно знакомое с физическими упражнениями, вдруг начало сопротивляться чрезмерному вниманию. Это смахивало на стеснительность и не понравилось новой хозяйке положения. Она повернулась к бассейну и тут вдруг заметила фонтан в виде ртутной головы, торчащей из внешней стенки бассейна.

— О, голова терминатора! — воскликнула Диана.

— Хлебни водички, типа, из ее рта, — ляпнул губастый Бад.

— За своим фонтаном следи, дурачок, — зло съязвила Китти, — только не пей из него.

В группе послышались смешки. Бад натянуто улыбнулся и поправил полы куртки, прикрывающие мокрое место. Гид с интересом посмотрела на Диану, удивляясь, почему раньше не заметила ее дерзкой красоты.

— Какая дичайшая несуразность! — продолжала Диана, не обращая внимания на Бада и веселье школьников. — Голова робота Т-1000 в средиземноморском саду. Это похлеще стеклянного новодела во дворе Лувра!

Китти наклонилась к уху подруги и нашептала, презрительно поглядывая на губастого шалопаю:

— Этот Бад просто тупой скунс, терпеть его не могу.

— А-а, тот самый Бад... он мне тоже не нравится, — тихо ответила она и посмотрела на бейдж гида, чтобы прочесть имя:

«Джулия Сандерс, экскурсовод LAPL».

Гид нехотя отвела взгляд от Дианы, попросила тишины и взмахнула рукой в сторону скульптуры сокола, взлетающего с каменной глыбы в бассейне:

— Это сокол сапсан, самое быстрое существо в мире. В пикирующем полете он способен развить скорость до 322-х километров в час. С 1993 года сапсан находится под угрозой исчезновения, поэтому здесь, в скульптурном ансамбле, этот хищник символизирует бдительное внимание властей к сохранности библиотечной системы. Что касается фонтана,

стилизованного под голову робота, — Джулия перевела взгляд на Диану, — это своеобразный реверанс скульптора в сторону фильма Терминатор-2, премьеры которого состоялась приблизительно в то же время, когда был завершен проект Maguire Gardens' SPINE.

Диана спокойно возразила:

— Если это реверанс, то в сторону дьяволического древа. Ему и посвящен архитектурный символизм библиотечного комплекса.

— Почему вы так решили? — поинтересовалась Джулия.

— Терминатором в астрономии называют линию светораздела — границу между освещенной и неосвещенной сторонами небесного тела. Планеты, например. Терминатор в оккультизме — граница между явным и тайным. Здесь это ключ к символизму библиотеки, всегда двусмысленному, имеющему второе дно.

— И что тут дьявольского, на ваш взгляд? — спросила экскурсовод.

— Сокол — аллегория Всевидящего Ока, а оккультный терминатор, это еще и зона моральных сумерек, в которой происходит грехопадение. Кто взирает из тьмы и соблазняет в сумеречной тени?

— Санта Клаус, — ввинтил Бад.

Экскурсовод проигнорировала его реплику и обратилась к Диане.

— Интересная версия.

— От искры интереса да возгорится пламя знания, — нехотя парировала Диана; в ее безразличном тоне слышалось нежелание повторяться или что-то доказывать.

Гид не ответила. Китти ткнула подругу в бок и тихо спросила:

— Опять вспомнилось само собой?

— Просто читаю знаки. В оккультном символизме всегда много скрытых посланий, — отвлеченно пояснила Диана, ускорила шаг и пристроилась за Бадом; выгадав удобный момент, она незаметно сделала ему подножку и толкнула в спину.

Нападение было неожиданным и произошло, когда Бад поднимался по лестнице. Ударившись коленом о ребро верхней ступени, он проехался челюстью и носом по каменной поверхности.

Никто, кроме Китти и Дианы, не успел понять, как это случилось. Сразу после коварной выходки она схватила подругу за локоть, потихоньку переместилась с ней поближе к экскурсоводу и уже оттуда равнодушно взирала на окровавленное лицо Бада, гримасу боли, недоумение и суету.

На крики прибежала женщина из персонала и вызвала скорую; среди посетителей нашелся доктор, взявшийся оказать пострадавшему первую помощь. Китти, наблюдая с расстояния за всей этой суматохой, испуганно прошептала:

— Диана Гарднер, ты жжешь!

— Всего лишь искрю, — тихо отозвалась Диана. — Когда я жгу, вокруг все горит.

— Ты его покалечила! — сдавленно прошептала Китти. — Это из-за того, что он назвал нас лемурами лори?

— Seriously? Он так нас назвал? — искренне удивилась Диана. — Теперь понимаю, почему мне хотелось его убить.

— Мне кажется, Дионис разбудил в тебе демоницу, — Китти одобрительно посмотрела на подругу и заговорщицки прошептала: — В следующий раз предупреди, сбросим Бада со скалы или толкнем под грузовик.

Стараниями персонала инцидент с падением на лестнице был исчерпан довольно скоро; пострадавшего унесли во внутреннее помещение. Никто не злорадствовал по поводу несчастья, произошедшего с Бадом, но никто и не расстроился из-за него. Экскурсия продолжилась. Джулия Сандерс привлекла внимание группы к гигантскому барельефу на фасаде библиотеки.

— Две огромные античные фигуры называются Фосфор и Геспер — это имена планеты Венера; в античной древности ее утренний и вечерний восходы принимали за сияние двух разных звезд.[2] На фрагменте под Фосфором и Геспером изображены два всадника — один из них передает другому факел. Это архитектурная аллегория о знаниях.

— Тут тоже двойное дно? — шепотом спросила у подруги Китти.

— Само собой, солнышко, — тихо ответила Диана, — это о сакральных знаниях, которые передают в тайных обществах от поколения к поколению.

Школьники вошли в библиотеку через парадный вход, миновали главный вестибюль и оказались в огромной зале среди величественного простора оконных арок.

— Мы находимся в центре исторического здания библиотеки — ротонде, названной по имени филантропа Лодврика Кука. Ее высота составляет 64 фута. Посмотрите наверх, — Джулия сделала приглашающий жест, не утруждая себя поднятием головы, и сообщила: — Бронзовая люстра ротонды прикреплена точно под вершиной Пирамиды Солнца, весит одну тонну и представляет собой глобус, окруженный планетами и кольцом из знаков зодиака. Люстра состоит из 48-ми светильников — по числу объединенных штатов на момент открытия библиотеки.

— Ого, вот это канделябр, — прошептала Китти, оглядывая конструкцию под куполом двадцатиметровой ротонды.

Джулия Сандерс методично продолжала:

— Фрески на стенах, написанные журнальным иллюстратором Дином Корнуэллом, изображают четыре значимых периода в истории Калифорнии.

— Архитектор сравнил их с четырьмя стихиями, — вставила Диана. — Воздух — открытие; миссионерство — вода; американизация — огонь, основание Лос-Анджелеса — земля.

— Тут вы совершенно правы, — мимоходом согласилась экскурсовод. — Обратите внимание на внутреннюю потолочную мозаику ротонды. Она состоит из солнечных лучей, исходящих из точки крепления люстры к потолку. В мозаике их ровно семьдесят два, по количеству филиалов в библиотечной системе города.

— Похоже на громоздкий математический ребус, — прошептала Китти на ухо подруги. — Четыре стихии, двенадцать знаков зодиака, сорок восемь светильников, семьдесят два луча...

— Лучи, это древний символ божественности, — тихо отозвалась Диана. — Мозаика составлена по образцу каббалистической гравюры с именами бога — это семьдесят две комбинации букв иврита, изменяющие реальность.

— Имена бога? Ты сказала, что тут все про дьявола.

— Ну... это такая призма-обманка, — продолжила Диана. — Посмотришь со светлой стороны и увидишь четверку — символ порядка и организованности, помноженную на двенадцать знаков зодиака, охватывающих мироздание. Получается сорок восемь — начальное число империи, которой покровительствует сам Бог. А если смотреть с темной стороны призмы, то лучи — это семьдесят два демона, описанные в Гоэтии. Четыре из них

главные, это Белет, Гаап, Столос и Белиал. Вместе с Люцифером они составляют пятерку правителей, которые делят 360 градусов зодиакального круга на пять секций по 72 градуса каждая. Лучи, пять частей в круге... ничего не напоминает?

— Вау!.. это похоже на пентаграмму! А Гоэтия это книга?

— Первая часть древнего гримуара «Малый ключ Соломона».[3] Понимаешь теперь, где мы стоим?

— Ого! В магическом круге? — Китти задумалась, разглядывая потолок, закатила глаза и тихо проговорила хрипловатым голосом: — *Бог и Дьявол — лица двуликого. Старое смотрит в прошлое, молодое смотрит в будущее...* — она испуганно взглянула на подругу и прикрыла губы ладошкой.

— Кто твои друзья, солнышко? — мрачно спросила Диана. — Я начинаю думать, что ты связалась с богоборцами.

— Не выдумывай, это был розыгрыш, я просто...

— Под куполами такое случается, — перебила Диана. — В храмах, посвященных богу, люди воспринимают только божественные откровения, а здесь... ты настроилась на местную волну, и дьявол заговорил твоими устами.

— Извини, забыла сказать, что я демоница, — сердито съязвила Китти.

— Не удивлюсь, если тебя используют втемную. Может, Дионис нашел меня через тебя?

— Ерунда!

— Помнишь, как он тебя поцеловал? — невозмутимо напирала Диана.

— Ди, ты совсем спятила!

— Он сказал, что тебя похитили, — продолжила она, не обращая внимания на возражения Китти, и ласково потрепала ее на ушко. — А ну-ка, признавайся, во что ты вляпалась, моя милашка?

— Пф-ф, отстань! Никуда я не вляпалась. Меня никто не похищал, и я вовсе не твоя.

— Вообще-то Дионис подарил мне тебя в качестве фрейлины.

— Как подарил?

— Без упаковки и ленточных бантов.

— Ди, я тебе не Молли! Понятно? Я не собираюсь быть призом, подарком или чьей-то рабыней.

— Вот и прелестно, — одобрительно сказала Диана и серьезно посмотрела на подругу, — я не выношу рабства и рабских душ. Зато ценю преданность. И раз ты теперь моя, придется тебя спасти.

— Хватит, это не смешно! Лучше расскажи что-нибудь еще про этот канделябр.

— Это может показаться сложным, солнышко.

— А ты объясни просто, — сердито прошипела Китти.

Диана подняла голову и немного помолчала, разглядывая мозаику.

— Цель без действия также бесполезна, как бесцельное действие. Каббала учит правильно формировать намерение, прежде чем прилагать усилия, — она посмотрела на Китти и указала пальчиком на люстру. — Это декларация о намерении преодолеть любые трудности и уподобиться Богу; проще говоря, стать богом на Земле. Власть, подобная божественной, всегда была главной ценностью оккультных элит.

— Вообще-то для дьявольского храма тут слишком светло.

— Так и должно быть. Самого молодого из темной троицы зовут Люцифер, в переводе с

латыни его имя означает *светоносный*. Он сын Сатаны и внук Дьявола. Помнишь надписи на стенках бассейнов?

— Только одну, которая под головой терминатора, там написано заглавными буквами — «CLEAR» («ясный», прим. авт.). А, вспомнила еще: у первого бассейна было «BRIGHT» («яркий», прим. авт.).

— Под фонтаном среднего — «LUCID» («светлый», прим. авт.), это отсылка к имени LUCIFER. Все еще сомневаешься, что библиотека — это храм темной троицы?

— Ну, не знаю... мне больше нравятся мрачные замки и темные ритуалы.

— Так вот чем заманили мою Европу! — в тоне Дианы сквозила откровенная ирония. — Это были не фиалки и лилеи, а такки и черные мальвы!

— Какие еще такки?

— Цветки дьявола.

— Да ну тебя! — обиделась Китти.

Джулия закончила говорить о ротонде Лодврика Кука и пригласила группу в смежный коридор. Школьники проследовали в узкое помещение, в конце которого возвышалась скульптура руки размером в два человеческих роста. Мисс Сандерс, не желая заходить в тесный закуток, осталась у входа и дала краткое пояснение:

— Это оригинальная терракотовая скульптура Золотой Руки, ее переместили сюда для лучшей сохранности. На крыше главного здания установлена точная копия.

— Мисс Джулия, а чья это рука? — не удержалась Китти.

Молли, пользуясь отсутствием Бада, иронично предположила:

— Может, терминатора, который замурован в бортике бассейна?

Подростки захихикали. Диана сдвинула очки к кончику носа и улыбнулась Стиву. Тот расплылся и даже успел подмигнуть, но бдительная Молли отреагировала мгновенно — вынула из волос массивную заколку, уронила ее и сильно ткнула Стива в бок. Он нагнулся и поднял.

Мисс Сандерс призвала детей к порядку и ответила:

— Мотив обретения божественного пламени можно найти в легенде о Прометее. Он, как известно из древнегреческого мифа, украл огонь у богов и передал его людям, за что был жестоко наказан.

Китти, довольная ответом экскурсовода, с торжеством взглянула на подругу:

— Ди, ты слышала? Этот храм посвящен Прометею, и дьявол тут ни при чем!

— Рука с факелом, это оккультный символ возвышения человека через познание, ее часто называют «Рукой Люцифера», — спокойно пояснила Диана. — На самом деле это рука Дьявола-отца.

— По-твоему, мисс Джулия врет?

— Просто не договаривает. Мы ведь не на тематической экскурсии по таинствам оккультного символизма, а на ознакомительной. Главная позолоченная статуя Прометея находится в самой середине Рокфеллеровского центра в Нью-Йорке. Для профанов Прометей — мифический герой, а для посвященных — Дьявол-ключник, открывающий доступ к тайным знаниям. На следующей оккультной ступени часть посвященных обращаются к его сыну — Сатане, он дает силу для достижения вершин богатства и власти. Так что будь поосторожнее со своими желаниями, солнышко. Особенно под куполом этой ротонды.

— Пф-ф, я просто хочу быть богатой, этого хотят все.

— Насчет всех не уверена, а твое желание может исполниться.

— Хорошо бы, — вяло поддакнула Китти.

Экскурсовод Джулия пригласила группу вернуться в зал ротонды и повела в отдел детской литературы. Маргарет, проходя мимо стеклянных перегородок и витрин, взглянула на себя и вдруг остановилась, да так неожиданно, что Китти натолкнулась на нее сзади.

— Ди, я чуть не упала из-за тебя!

Диана, будто не замечая, что подруга чуть не сбила ее с ног, приблизилась к витрине и вглядывалась, пытаясь рассмотреть свое лицо с разных ракурсов, но результат не менялся: дерзкая дива исчезла, в стекле отражалась ее обычная, ничем не примечательная внешность. Потрясенная обманом, она угрожающе нахмурила брови и развернулась к подруге:

— Смотри, куда идешь!

В конце коридора послышался голос гида: «В этой секции хранится двести пятьдесят тысяч книг, есть компьютерный центр и зал для кукольных шоу». Джулия вновь повела группу обратно к ротонде и пригласила проследовать в подростковую секцию. Девушки молча присоединились к остальным.

— Ди, ты сегодня какая-то непредсказуемая. Всегда была тихоней и вдруг такое вытворяешь...

— Стой! Как я выгляжу? Также, как у бассейна с соколом? Хватит на меня тарашиться! Говори! Быстро!

— Ди, ты точно спятила...

— Ответь на вопрос! — прошипела сквозь зубы Диана. — Я изменилась?

— Да, изменилась! Устраивает? Хватит меня разыгрывать! Что за дурацкие шутки?

— Демоверсия закончилась? — тихо спросила Диана у своего отражения и вновь посмотрела на Стива.

Он, казалось, только и ждал этого — уловил ее взгляд и плотоядно подмигнул. У Дианы не осталось никаких сомнений в существовании и силе красоты Пандоры; к тому же Молли решила, что соперница предприняла новую атаку, исказилась лицом от ревности и развернула Стива к себе.

Покинув подростковый отдел, экскурсионная группа оказалась на площадке у лестницы, ведущей на первый этаж. Здесь мисс Джулия задержалась, чтобы сказать несколько слов:

— Перед вами три скульптуры работы Ли Оскара Лори. В нише над лестничным проемом установлена статуя Цивилизации, выполненная в образе женской фигуры с книгой в правой руке и посохом в левой. Ее охраняют сфинксы из черного бельгийского мрамора. Каждый из этих двух зооморфных существ несет книгу с цитатой, одна из которых повторяет надпись под изображением Исиды из Саиса: *«Я есть все бывшее, и будущее, и сущее, и никто из смертных не приподнял покрыва моей тайны»*.

Диана, глядя на книгу в лапах черного сфинкса, тихо проговорила:

— Красота, это иллюзия... покров! — она припомнила слова Диониса: *«...не пытайтесь увидеть в зеркале, смотрите в воду»*.

Китти, все еще обиженная на подругу, закатила глаза, скрестила руки и обратилась к экскурсоводу:

— Мисс Джулия, что означают эти слова про покров?

— Исида была богиней древнего Египта и матерью фараонов, — пояснила гид. — Одно из значений ее имени — Истина, которую статус богини возвышает до уровня божественной истины, тайны бытия.

[1] Людовик XIV де Бурбон (1638–1715), также известный как «король-солнце».

[2] Эосфор (у римлян Фосфор) и Геспер (Веспер) — в греческой мифологии прозвища планеты Венеры. Символически Эосфор обозначал собой Восток, Геспер — Запад.

[3] Гримуар или гримория (фр. grimoire, от фр. grammaire) — книга, учебник магии, обычно с инструкциями по созданию магических предметов, таких как талисманы и амулеты, чтению магических заклинаний, наведению чар, проведению гаданий, вызову сверхъестественных существ (ангелов, духов, божеств и демонов), и пр.

Глава 10. Альфа-самка

Ознакомительная экскурсия, рассчитанная на один час, завершилась. Мисс Сандерс вывела группу обратно в сады Магуайра и попрощалась, пожелав хорошего дня, при этом не упустила из виду заинтересовавшую ее девушку; подойдя к ней, Джулия приветливо улыбнулась.

— Ваши замечания показались мне занимательными, но я не хотела обсуждать их в группе. Что вы думаете о статуе Цивилизации и черных сфинксах?

— Книга в руке статуи символизирует знание, посох — мудрость и власть. Сфинксы традиционно защищают тайны, в данном случае оккультные тайны власти, но к чему этот импровизированный экзамен?

— Я с удовольствием отвечу на ваш вопрос, — пообещала Джулия, — но не могли бы вы сначала ответить на мой? Еще один.

Диана пожала плечами:

— Спрашивайте.

— Как увязаны с вашей версией две цитаты в лапах сфинксов?

— В первой говорится о непостижимости истины для профанов: «Никто из смертных не приподнял покрывала моей тайны». Это запрет опускать сверхзнание в толпу. Во второй книге приведена цитата из морали Плутарха «Исида и Осирис»: «Поэтому устремленность к истине, особенно касающейся богов, есть тяга к божественному». Это стрелка, указывающая путь к власти через познание оккультных наук, но только для посвященных. Для них статуя Цивилизации символизирует не сумму всех знаний, накопленных в библиотеке, а особое, тайное знание. В этих двух цитатах зашифрован и поставлен у всех на виду древний принцип жреческой власти — познавай, удерживая других в невежестве. Еще проще — возвышайся унижая. В этом суть мужской власти: церковной, светской, корпоративной, семейной, какой угодно.

— Вам нравится вникать в темные секреты, — неодобрительно констатировала Джулия. — Зачем? Если вас услышат, то в лучшем случае назовут это конспирологией, а в худшем... вам должно быть известно, что мужской мир опасен, особенно для юной девушки.

[1]

Диана нахмурилась и мрачно произнесла:

— Не мужской мир опасен для меня, а я опасна для мужского мира.

Джулия ответила не сразу; она была поражена и, несмотря на профессиональную привычку сдерживать свои эмоции, не могла скрыть удивления.

— Как вас зовут? — с искренним интересом и вежливой улыбкой спросила она.

— Диана Гарднер.

На лице мисс Сандерс появилась эмоция, какая обычно сопровождает внезапное понимание очевидного; Джулия перестала улыбаться и осторожно спросила:

— Простите, а Мариэн Гарднер случайно не ваша родственница?

— Вы обещали сказать, зачем устроили мне проверку.

— Я хотела предложить вам участие в программе обучения для талантливых девушек, — тон Джулии стал заметно мягче и уважительнее. — Для этого требуется согласие родителей, но если вы внучка Мариэн Гарднер... Я хорошо знаю вашу бабушку и позволю ей сама. Пожалуйста, возьмите мою визитку и передайте Мариэн мои самые искренние пожелания.

Пока Диана разговаривала с библиотечным гидом, Китти украдкой наблюдала за ними. Ей очень хотелось узнать, о чем они говорят, и не только это. В течении целого экскурсионного часа она пыталась понять причину перемен в характере Дианы и теперь, находясь вне эпицентра загадки, испытывала зуд неудовлетворенного любопытства. За какие-то десять минут бедняжка Китти успела заскучать, пожалеть о размолвке с подругой и подумывала, как бы им помириться. Вспомнив, что у Дианы с отцом назначена встреча, Китти направилась к бассейну с соколом и с удивлением обнаружила там черную кошку, будто сидящую здесь на посту. Вскоре Диана медленно прошла мимо, о чем-то размышляя. Китти окликнула:

— Ди, ты куда? Забыла, что папа будет ждать тебя тут, у сокола?

Диана остановилась и приветливо отозвалась, будто они и не ссорились вовсе:

— Милашка Европа! А я почти огорчилась, думала, ты ушла.

— О чем вы шептались с гидом? — с деланным безразличием спросила Китти, тайком радуясь примирению.

— Джулия предложила мне работать в секретном отделе библиотеки. Там спрятаны древние манускрипты, артефакты, магические штуки и все такое... — она сделала небрежный жест: — я стану избранным Библиотекарем.

— Опять разыгрываешь? — насупилась Китти.

— На этот раз да, — с сожалением ответила Диана и посмотрела на безоблачное небо. — Джулия предложила мне обучение по специальной программе, но... если честно, я не готова похоронить себя в библиотеке. В детстве я мечтала участвовать в археологической экспедиции на край света, найти что-нибудь особенное и ужасно таинственное, спрятанное за семью печатями в глубокой пещере, — она иронично улыбнулась: — например, инопланетную базу, древнюю машину времени или хотя бы портал в параллельный мир.

— Ты сегодня странная, совсем на себя не похожа. Ты как будто не Диана.

— Я действительно не Диана, меня зовут Маргарет.

— А может, Лилит? — насмешливо предположила Китти. — Похоже, Мариэн Гарднер была права — в тебе живет демоница.

Маргарет серьезно посмотрела на подругу.

— Она в самом деле так говорила?

— Ди, ты притворяешься или у тебя провалы в памяти?

— Меня зовут Маргарет! — вдруг резко отрезала она, снимая темные очки и заталкивая их в ладошку ошеломленной Китти. — Забери! И никогда не заставляй меня повторять дважды, это бесит!

Сзади к девушкам неожиданно подошел Стив.

— Так понравилась эта голова, что не можете от нее отойти? — весело спросил он, кивая на никелированный фонтан.

Маргарет неприветливо смерила его фигуру и ничего не ответила. Китти солидарно промолчала. Стив ожидал морозного приема, но все же слегка ступешался.

— Диана, ты интересно рассказывала... не знал, что терминатор — это граница между светом и тенью. Я бы с удовольствием еще тебя послушал где-нибудь в кафе, если ты не против. Что будешь делать сегодня вечером?

— Вернусь сюда и отвинчу эту голову. Поможешь? — серьезно спросила Маргарет, хмуро глядя на Стива.

Он смущенно потрогал свой нос, не понимая, шутит она или нет. Китти конспиративно

прошептала в ухо подруги:

— Он опять к тебе подкатывает.

— А где Молли? — спросила Маргарет.

— Ждет меня на скамейке. Там... — он махнул рукой в глубину парка. — Если согласишься составить мне компанию, скажу ей, чтобы ехала домой.

— Пойдем и скажем ей об этом вместе.

— Нет, я сам, а ты пока подожди здесь.

— Если хочешь идти один, то можешь не возвращаться.

Стив нехотя согласился. Китти поджала губки и пошла за ними, воображая, насколько жестокой и кровавой будет стычка между соперницами из-за парня. Черная кошка поднялась и потрусилась за девушками.

Молли сидела на скамейке в тенистом уголке, водила пальчиком по экрану телефона и выглядела среди пышной зелени парка как задумчивая нимфа, увлеченная волшебным подарком фавна. Безмятежность ее, однако, была отравлена тревогой за прочность пьедестала, на котором она возвышалась. Ласковый и послушный Стив неожиданно стал скользким и изворотливым, его внимание вдруг пришлось требовать и даже выпрашивать. Для Молли это было непривычно и унижительно. Заметив Стива в сопровождении двух подруг, она ощутила скверную внутреннюю вибрацию, какую, вероятно, чувствуют животные перед наступлением природного катаклизма.

— Молли, поезжай домой, — непринужденно сказал Стив, — я останусь с Дианой, она обещала рассказать мне про другие фонтаны парка.

— Я тебе ничего не обещала, — холодно заметила Маргарет, медленно подходя к Молли и внимательно наблюдая за ее реакцией.

— Диана, ты согласилась пойти со мной в кафе, — возразил Стив.

— Вовсе нет, я привела бычка в стойло. Ты мне не нужен.

— Собака на сене! — крикнула Молли.

Маргарет нависла над ней, как выступающая скала в парке Йосемити, и тихо прошипела в лицо, указывая на Стива.

— Отомсти ему! Докажи, что ты не корова! Или жуй свое вонючее сено и не вякай!

Никто, кроме Молли, не расслышал этих слов. Стив, глядя на все это и полагая, что драки не случится, предпочел не вмешиваться в женскую ссору. Китти приоткрыла свой маленький ротик, вытянулась, замерла и стала похожа на суриката, настороженного и готового вступить в бой, если потребуется. Черная кошка сидела немного поодаль; глаза ее были закрыты, а уши напряжены.

Гнев Маргарет, помноженный на ее агрессивную красоту, показались Молли демоническими, она повела себя как загипнотизированная жертва — не сделала попытки выйти из унижительной позиции в партере, смотрела на опасную соперницу снизу вверх и напряженно молчала. Маргарет, вполне удовлетворенная результатом, отступила и направилась обратно к бассейну с соколом. Взглянув на Китти, она окликнула ее на ходу:

— Солнышко, захлопнись и иди за мной.

Эта демонстрация силы значительно повысила королеву в глазах фрейлины. Отбить парня у Молли и сразу выкинуть его, как пустой стаканчик из-под кофе! По мнению Китти, это был настоящий подвиг.

— Что ты ей сказала? — спрашивала она, подстраиваясь под шаги Маргарет.

— Пригласила в мою свиту.

— Зачем тебе эта манерная пустышка?

— У королевы должны быть придворные дамы.

— Пф-ф! Мне они не нужны.

Перспектива делить Маргарет с кем-то еще, тем более с презренной воображалой, не обрадовала Китти. Она оглянулась в сторону разбитой пары. Стив тянул руки к Молли в позе футбольного вратаря; она выглядела неумолимой, как строгий арбитр, только что показавший игроку красную карточку.

— Милые бранятся, — Китти с презрением отвернулась, взяла Маргарет под руку и приластилась, поглаживая ее по плечу. — Ты мой кумир.

Китти была восхищена подругой и заинтригована переменами в ней. Манера новой Дианы изъясняться вздорными загадками и выкидывать немыслимые фортели, ее властолюбие и жестокость шокировали, но вместе с тем пробуждали интерес и уважение к непроницаемой завесе, которую невозможно сорвать. Если слова «женщина» и «тайна» — это синонимы, то бывают ли тайны, равнодушные к другим тайнам? Скорее нет, чем да. Однако для тайны важнее не разгадать другую тайну, а узнать, как самой остаться неразгаданной. Маргарет не выглядела скрытной, не уходила от вопросов, но, отвечая непонятно, лишь добавляла новые загадки в головку Китти.

— Если ты Маргарет, то где была раньше?

— В перевернутом мире будущего. Там ходят вверх ногами, спят днем и едят ночью. Представь себе, что Диана — день, а я — ночь.

— Я поняла, у тебя раздвоение личности! — вдруг догадалась Китти, и все наконец-то встало для нее на свои места.

— Мне плевать, как это называется, — холодно ответила Маргарет:

— И правильно! Такой ты мне нравишься больше, — Китти вновь заметила черную кошку. — Смотри, она так и ходит за мной. Наверно, хочет есть, но котлета ей не понравилась. Извини, киска, у меня нет ничего другого.

— Она не хочет есть. И та, двухцветная, тоже не хотела.

— Они охраняют голову терминатора, — пошутила Китти.

— Они охраняют меня.

— Правда?

— Да. Неважно. Скажи, что ты знаешь о Мариэн Гарднер?

Китти дала справку с готовностью вездесущей поисковой системы:

— Она твоя бабушка и вдова знаменитого Винсента Гарднера.

— Я внучка голливудской звезды?! Ты серьезно? Вот это удача!

— Еще какая! Тебе многие завидуют, даже я.

Телефон заиграл мелодию «Vlah-Vlah-Vlah» из альбома певицы Ke\$ha.[2] Звонил Сэм Китти слегка повернулась, искоса посмотрела на Маргарет, опустила взгляд и сказала, что уже идет.

— Это мой брат, — сказала Китти, стараясь быть непринужденной.

Маргарет заметила эту нарочитую раскованность подруги и вскинула брови:

— Брат? Не он ли хотел мою Европу коварно умыкнуть?

— Меня никто не умыкал, мне пора, — с наигранной усталостью сообщила Китти, намереваясь улизнуть, но Маргарет схватила ее за руку.

— Твой брат богоборец?

— Если и так, что в этом плохого?! — заносчиво спросила Китти. — Церковь Сатаны

разрешена у нас, как любая другая! Каждый может верить в кого угодно!

— Правильно, — согласилась Маргарет, — можно следовать божественным заповедям ради чистоты души и спокойствия совести. Это надежно, но довольно скучно и не приносит прибыли. Совсем другое вера в дьявола — особая вера с прагматичной целью. Чтобы играть в эту игру, нужно обладать оккультными знаниями. Сомневаюсь, что они у тебя есть.

— Ди... Маргарет, я и сама до жути люблю всякие мрачные штуки, но ты совсем на этом повернулась! Или просто издеваешься надо мной!

Маргарет отпустила руку Китти, равнодушно пожала плечами и сказала с располагающей простотой:

— Когда Дионис предложил тебя в качестве подарка, я велела ему убрать твою родинку. Можешь убедиться, теперь ее нет. Посмотри в воду.

Над милым кукольным лицом повисла злобная тучка.

— У меня есть зеркальце, — сердито сказала Китти, запуская руку в сумочку.

— Солнышко, ты подлая лгунья.

— Это личная вещь, поэтому я не дала ее тебе, — большие зеленые глаза заглянули в зеркальце и стали еще больше. — Поверить не могу, неужели такое возможно?

Родинки не было. Китти изумленно выпячивала щеку языком, гладила кожу пальчиком и так увлеклась, что не могла остановиться. Маргарет надоело на это смотреть, она серьезно сказала:

— Не трогай, а то опять появится.

— Правда? — Китти испуганно отдернула руку, но по улыбке подруги поняла, что та ее разыгрывает. — Ах ты, вредина! Я уже целый час хожу без родинки! Почему ты не сказала раньше?

— Не знаю, просто забыла.

— Значит, Дионис... сам дьявол? — на Китти вдруг сошло озарение: — Мариэн Гарднер была права! Ты демоница!

— Это вряд ли. В ротонде дьявол вещал твоим голосом.

— Да... жуть какая, — поежилась Китти.

— Ты ведь этого хотела.

— Стать демоницей? Ну да... только хотеть интересно, а быть страшновато.

— Какая же ты бестолочь, солнышко. Сама не знаешь, чего хочешь.

— Знаю! И даже больше, чем ты думаешь, просто это все слегка неожиданно. Мне надо привыкнуть, — она снова заглянула в зеркальце, чтобы убедиться в отсутствии обмана. — А как он это сделал?

— Просто поцеловал.

— В родинку?

— И в родинку тоже.

— А куда еще? Только честно!

— В губы.

— Я поцелованная дьяволом!

— Теперь ты согласна быть моей фрейлиной?

— Извини, я не виновата, что дьявол поцеловал меня, а не тебя.

— И что это, по-твоему, означает?

— Наверно, у меня особое предназначение, — неуверенно сказала Китти.

— Какое?

— Жаль тебя огорчать, Марго, но королева не ты, а я, — сообщила Китти извиняющимся тоном. — Ну, или избранная, так правильнее. Не обижайся, не я это придумала.

— А кто?

Золотоволосая куколка картинно вздохнула и сложила губки, с трудом сдерживая восторг.

— Ты демоница и подруга дьявола, поэтому я могу тебе доверять, — начала она с воодушевлением, выдающим ее страстное желание разболтать тайну: — Моя бабушка была любовницей основателя церкви Сатаны. Моя мама — его внебрачная дочь.

— Сатаны или основателя церкви?

— Основателя, конечно! — серьезно пояснила Китти, не поняв иронии. — Оскара Леви! Я его внучка. Правда внебрачная. После смерти мамы я нашла в бумагах письмо. Ей от бабушки. Там написано про избранную и еще про знак на теле, он называется Дипло-Астери, — она замолчала, но вид у нее был такой, будто ей хочется прыгать на батуте и визжать, размахивая руками.

— И где сейчас это письмо? — поинтересовалась Маргарет.

— У Сэма, он пытается найти в тексте скрытые шифры.

Следующие комментарии подруги, понятные и не очень, помогли Маргарет составить некое представление об огне, окутанном большим облаком дыма. Выяснилось, что знак на теле Китти еще не найден; где он должен появиться — неизвестно; что такое Дипло-Астери — непонятно, и что всеми этими архисложными проблемами занимается Сэм — эксперт по символам, специалист по всевозможным ритуалам и знаток древних тату. Таковым было мнение о нем его сестры.

— Я хочу прочитать это письмо.

— Знаешь, Марго, я не против, но Сэм может возразить. Если ты его не переубедишь, — в сумочке Китти опять зазвонил телефон; она приняла вызов и стала оправдываться заискивающим голоском: — Извини, я... иду, иду, просто тут моя подруга... Диана Гарднер... — Китти запнулась, выслушивая брата, — да... не знаю... ладно, спрошу, — она посмотрела на Маргарет: — Сэм хочет познакомиться с внучкой Винсента Гарднера.

Маргарет слегка кивнула.

— Мы сейчас придем, — Китти выключила телефон.

— Похоже, ты боишься своего брата, солнышко.

— Пф-ф! Я просто не хочу его злить. Сэм дает мне деньги, дарит подарки... Он припарковался где-то около Калифорнийского клуба. Давай пройдем вон там, в сторону Шестой улицы.

Девушки обогнули фасад главного здания, миновали парк и вышли в уличный тупик через боковые металлические ворота, которые, по счастью, были приоткрыты.

— Угадай, какого цвета тачка Сэма, — кокетливо заинтриговала Китти и повертела красной сумочкой. — Ой! Смотри! Кошка опять бежит за нами...

— Она бежит за мной.

[1] Конспирология — теория заговора могущественных групп, действующих злонамеренно; вера в то, что тайная, влиятельная организация несёт ответственность за необъяснимое событие. Термин имеет отрицательную коннотацию, подразумевая, что теория заговора основана на предрассудках или слабых доказательствах.

[2] «Blah-Blah-Blah» — песня (# 7) из дебютного студийного альбома «Animal» (с англ.

— «Животное») американской певицы Кеши Роуз Себер (стилизованно Ke\$ha). Альбом вышел в феврале 2010 года.

Глава 11. Похищение Европы

Около красной мазды слонялся худощавый брюнет лет двадцати пяти, весь в черном, слегка сутулый, с длинными прямыми волосами, затянутыми в хвост резинкой. Нижняя часть его лица, ничем не примечательная, придавала значимости темным глазам, которые он постоянно прищуривал, будто скрывая их природный магнетизм. Кулон белого металла на массивной цепи — козлиная голова в круге — был единственным светлым пятном во всем его одеянии.

Издали заметив девушек и узнав в одной из них Китти, он сунул руки в карманы брюк, оперся задом на капот своей машины и скрестил худые ноги. Подбородок его приподнимался по мере возрастания похотливого интереса к девушке в лиловом платье, а веки, соответственно, опускались. На тонких губах залоснилось предвкушение гурмана, которому преподнесли изысканное блюдо, где пять видов икры, морские ушки с плавниками акулы, женьшенем и черт его знает с чем еще.

Китти начала знакомить уже на ходу, шагов за пять до красной мазды — вытянула руку и громко представила:

— Знакомься, это мой брат Сэм!

Подруги подошли ближе. Черная кошка села поодаль. Маргарет приняла вид скучающей посетительницы художественной выставки, где претензионные современные инсталляции сначала вызывают интерес, а после все что угодно — от удивления до безразличного неприятия.

Брюнет перестал щуриться, нахально заглянул в глаза красавицы, дабы ошеломить ее своим мистическим магнетизмом, но, что называется, не вытягивал образ, и для Маргарет это было также очевидно, как то, что снег в холодильнике вовсе не означает наступления зимы. Справедливости ради нужно сказать, что брюнет все же обладал замечательным достоинством — низким голосом, приятным для женского слуха.

— Кэт, я вижу, ты не одна.

— Твой брат невероятно наблюдательный, — нехотя съязвила Маргарет, разглядывая парня, — но не замечает, что его липкий взгляд меня пачкает.

Первая ее проверочная петарда будто бы не сработала — Сэм ничем не выказал своего замешательства и уподобился молчаливой гипсовой статуе, но магнетизма в его взгляде поубавилось. Маргарет поняла, что противник вынужден обороняться. Китти посмотрела на брата исподлобья снизу вверх, тайком ущипнула подругу и представила:

— Это Диана Гарднер, мы учимся вместе и...

— Вместе можем пообедать в «Провиденс», — подхватил Сэм, глядя на красивую внучку знаменитого актера и полагая, что она вполне имеет право на определенную долю дерзости, — это ресторан в Голливуде на Мелроуз авеню. Кэт будет рада, я тоже.

Китти молча опустила взгляд. Маргарет посмотрела на нее и бросила вторую петарду.

— Будет она рада или нет, об этом нужно спросить у нее.

— Пусть так, — согласился Сэм, отыгрывая гипсовую статую с говорящими губами. — Ты ведь не против, Кэт?

— Нет, но за Дианой скоро приедет папа.

Маргарет взглянула на розовые наручные часики:

— Через тридцать минут. Надеюсь, за это время твой наблюдательный брат успеет

заметить отсутствие родинки.

Китти вертляво подставила взгляду Сэма свою чистую щечку:

— Что скажешь?

— Ты была у косметолога?

— Нет, я...

— Да, была, — перебила Маргарет, — его зовут Дионис Парва.

Гипсовая статуя пошевелилась.

— Что за... он не косметолог.

— Вижу, это имя тебе известно, — с удовлетворением заметила Маргарет.

— Оно известно немногим, — надменно заявил Сэм и ухмыльнулся, меряя ее фигуру взглядом. — Что у тебя общего с ним?

— Ничего. Он напросился в знакомые, показывал фокусы, интриговал и наговорил кучу любезностей. Ах да, еще подарил мне твою сестру и сказал, что кое-кто хочет ее похитить. Вот я и думаю, не ты ли этот *кое-то*.

Статуя занервничала, вынула руки из карманов и развела их в стороны.

— Зачем мне похищать свою сестру?

Забавные ушки в волосах Китти насторожились. Маргарет продолжала теснить противника:

— Вы не похожи и, вероятно, между вами нет родства, но ты можешь легко доказать обратное. Покажи мне два документа с одинаковой фамилией. Водительские права или карточки. Как насчет того, чтобы сделать это прямо сейчас?

— О, у нас тут полицейское расследование! — Сэм презрительно хмыкнул и скрестил руки на груди. — Обожаю детективы. Минутку, сделаю звук погромче.

— Полагаю, доказательств того, что вы брат и сестра, не существует...

— Кто ты такая, чтобы лезть ко мне с глупыми расспросами и требовать доказательств каких-то гребаных теорий? Я тебя вообще не знаю!

— Солнышко, он всегда так истерит, если его прижимают в угол? — с наигранным недоумением спросила у подруги Маргарет и посмотрела на Сэма: — Расслабься, мышонок. Лизни пробку от бутылки скотча, позвони мамочке или лучше сразу Дионису Парве. Скажи ему, что Кэт — это твоя добыча! Скажи, чтобы он убрал от нее свои грязные лапы! И не смел дарить ее мне! Мышонок, ты чего притих? А-а, понимаю. До тебя дошло, что ты по глупости пытался своровать добычу у сильного мира сего! Стало как-то боязно, захотелось спрятаться в норку. Да, мышонок?

Сэм оперся руками на капот и злобно процедил:

— Что все это значит? Ты должна объясниться.

— Всякого, говорящего «ты должен», считай врагом своим. Книга Сатаны, глава первая, стих пятый.

— О, так ты наша сестра, — Сэм прищурился. — Могла бы догадаться, что Кэт моя ученица. Я ее наставник.

— Уже нет, — высокомерно заявила Маргарет, с удовольствием входя в любимый образ, — она моя фрейлина, поэтому любое другое наставничество недопустимо.

— Фрейлина? — Сэм фальшиво засмеялся. — А ты, стало быть, королева?

— Смех над серьезным, это признак глупости, братец. Сатана сказал: «Глупого отведи к краю пропасти и столкни без жалости, ибо глупость заразна».

Сэм откинулся назад и опять скрестил руки на груди:

— Если ты королева, докажи это.

— Не обязана. Зато могу быть великодушной или злопамятной. Помни об этом, когда со мной говоришь, — Маргарет слегка прищурилась, выжидая, пока Сэм, по виду не слишком смелый, начнет проникаться сомнениями и задавать вопросы.

Долго ждать не пришлось.

— Как давно ты знаешь Парву? — спросил он.

— Около двух часов. За это время он успел подарить мне Китти в качестве фрейлины, убрать по моему требованию родинку с ее лица и заручиться моим согласием принять на голову венец Царицы Тьмы. Разумеется, с кое-какими условиями, которые я не собираюсь с тобой обсуждать.

— Как выглядит Парва?

— Похож на стареющего Мефистофеля — острое морщинистое лицо, усы от Сальвадора Дали, эспаньолка...

— Допустим, но я все равно тебе не верю.

— Это ничего не меняет, — равнодушно ответила Маргарет.

— Есть другие сведения об избранной.

— Сведения действительно есть, но ты неправильно их истолковал. Ты задумал взять под контроль будущую королеву и просчитался. Да, мышонок, она избранная, но не королева, а фрейлина. Ты можешь зачитать до дыр ее письмо, но так ничего и не понять, потому что оно написано для меня.

— Кэт, какого черта ты разболтала о письме?

— Ты не понимаешь! Она демоница и подруга дьявола...

— Солнышко, я непременно куплю садовый секатор и отрежу тебе язык.

— Вы обе свихнулись! — процедил Сэм.

Маргарет окончательно вжилась в роль, импровизировала на ходу и, что называется, вошла в раж; соединив кончики пальцев рук в домик, она опустила эту острую фигуру клином вниз и спросила с апломбом обвинителя, выступающего перед присяжными:

— Какое из двух преступлений более тяжкое? Попытка заполучить власть над фрейлиной королевы или над ней самой? — тут она выдержала риторскую паузу и продолжила: — Ответ очевиден, однако в нашей власти решать по своему усмотрению. Да, обвиняемого в любом случае ждет приговор, но он может облегчить свою участь, если добровольно отдаст письмо. Мы должны ознакомиться с содержанием этого документа во благо истины и предпримем все необходимое для того, чтобы недоразумение было исправлено как можно скорее.

— Отдай ей письмо, Сэм, — попросила Китти, — она много знает, она...

— Заткнись и сядь в машину! — рявкнул на нее Сэм. — Мы уезжаем.

Маргарет вдруг сменила мантию обвинителя на микрофон комментатора телевизионного шоу:

— Мышонок решил спастись бегством! Он хочет забрать с собой похищенное! Как тут не вспомнить жадную обезьянку, которая не может вынуть кулачок из тыквы-ловушки! Как же поступит наша фрейлина? Уедет с похитителем? Знает ли она, что королевы не прощают предательства? Об этом мы узнаем после рекламы.

— Кэт, ты со мной или с ней? — грозно прорычал Сэм.

Китти, обожженная двумя огнями и придавленная двумя скалами, растерянно смотрела то на Сэма, то на Маргарет. Он надавил сильнее:

— Кэт, ты пожалеешь, если не поедешь!

Маргарет захлопала в ладоши.

— Мышонок отважился на шантаж! Что он задумал? А вдруг у него есть компрометирующее видео с обнаженной! Неужели он задумал слить это на сайт школы? Какое коварство! Какое напряженное шоу! Какой драматичный момент!

В златовласой головке Китти что-то щелкнуло, внутренняя революция свершилась; некоторые бастионы пали, другие сами распахнули ворота и перешли на сторону победителя. Фрейлина сделала шаг к королеве.

— Он подмешал мне что-то в вино, и я уснула у него дома, — она вдруг сорвалась на Сэма: — Что ты делал со мной, пока я спала?! Снимал меня голую на телефон?

— Не слушай эту аферистку!

— Заткнитесь оба! — вмешалась Маргарет, медленно подходя к Сэму. — Дай мне свой телефон.

— Зачем?

— Я так хочу. Тебе этого мало?

— Что будешь делать, если не дам?

Маргарет слегка пожала плечами и пообещала:

— Возьму сама.

С этими словами она протянула правую руку к его плечу. Сэм схватил ее левой и оказался в положении нападающего, который удерживает девушку за запястье. Маргарет стремительно провела прием самообороны, но выбрала не тот способ, что позволяет просто освободиться от захвата, а другой, чреватый для агрессора переломом, — она прижала его кисть, чтобы та не соскользнула, и резко надавила локтем на предплечье. Сэм беспомощно согнулся пополам с вывернутой рукой и процедил, корчась от боли:

— Сумасшедшая! Я тебя засужу!

— Солнышко, забери у него телефон.

— Кэт, не вздумай! Пожалеешь!

Китти шустро ощупала карманы Сэма, вынула гаджет, отошла и спряталась за спину подруги.

— Тут нужен пароль, — сказала Китти.

— Я его не помню, — прокряхтел Сэм.

Маргарет молча ударила ладонью по выпрямленному локтевому суставу против сгиба. Сэм вскрикнул и упал под бампер своей машины.

— Ты сломала ему руку? — воскликнула Китти.

— Просто сделала больно, чтобы не дурил. Скажи пароль.

— Ты гребаный коп? Какого черта? Ты же школьница! — завыл Сэм.

— Сломать руку по-настоящему?

— Двадцать два семьдесят... Что ты хочешь найти?

— Пароль правильный, — сказала Китти.

— Чудесно, солнышко, ищи видео со своей красотой, а мы с мышонком поговорим о политике, — она отпустила руку Сэма и помогла ему подняться.

Фрейлина, не отрываясь от телефона, передвинулась на шаг вместе с королевой, чтобы оставаться у неё за спиной. Сэм снова оперся задом на капот, помассировал левую руку, медленно согнул и разогнул. Черная кошка подошла к девушкам, села у их ног и меланхолично прищурила глаза.

Чутье интриганки подсказало Маргарет идею о превращении побитого врага в союзника — идею далеко не новую, а скорее классическую, ибо нечто похожее давным-давно проделал с бедолагой галантерейщиком герцог де Ришелье. Следуя его методе, она задумала уменьшить и без того маленького мышонка до размеров заклепки в корпусе гигантского механизма и для этого взялась вкратце обрисовать ситуацию на поле сражения света и тьмы, разумеется, со свойственным королеве стратегическим видением, ораторским талантом и (не станем этого скрывать) злопамятством и безмерным нахальством:

— Тысячелетняя борьба между богом и дьяволом в самом разгаре, — вдохновенно заговорила она, втайне презирая обоих за стремление к неограниченному превосходству, и вдруг выкрикнула прямо в лицо Сэма: — Это война за паству!

Ушки в каштановых волосах Китти напряглись до предела. Маргарет заговорила спокойно, постепенно повышая интонацию:

— Христианские сектанты не смогли объединить мир и сами раскололись на множество церквей и течений; они разрозненны, дискредитируют сами себя, поэтому слабеют и сдают свои неприступные догматы один за другим. Они уйдут, как уходят все пораженцы и неудачники! Церковь Сатаны, напротив, обретает силу и доверие паствы, — Маргарет фамильярно ткнула Сэма пальцем в грудь. — Знаешь ли ты, сколько усилий было потрачено Советом девяти, чтобы отбиться от ложных обвинений протестантских консерваторов в адрес нашей церкви? Может, сделать для тебя ликбез о «сатанинской панике» восьмидесятых?

Сэм хмуро промолчал, начиная ощущать сопричастность с великим и уменьшаться соответственно. Маргарет продолжала:

— И вот теперь, когда церковь Сатаны наконец-то отмылась от грязных инсинуаций, обрела силу, положение и влияние; теперь, когда на Землю послана мессия, подобная Арадии из «Евангелия от ведьм», теперь начнется полномасштабная война с ложью проповедников духовности. Каждый брат и каждая сестра будут нужны избранной дьявола! Те же, кто станет на ее пути, окажутся на обочине в сточной канаве![1]

Маргарет замолчала, оценивая эффект от своей проповеди. Результат ее обнадежил: Сэм и Китти молчали, не смея задавать вопросов. Она продолжила:

— Отлучат ли от церкви наглеца, посягнувшего на нашу избранную подругу? Вряд ли. Сообщат ли в полицию о соблазнении школьницы? Разумеется, нет. Зачем давать повод католикам и протестантам обвинять нас в том, что они практикуют сами? Посему. Тот, кто скомпрометировал церковь Сатаны, будет раздавлен ее внутренними жерновами, по-тихому без скандала.

— Я ничего такого не сделал! Она упрашивала меня показать, как проводят ритуалы. Ей все понравилось!

Китти высунула носик из-за плеча Маргарет и живенько вставила:

— Он выдумывает, я не упрашивала, мне было просто любопытно.

— Она уговорила меня ходить с ней на нудистский пляж!

— Сам сказал, что во время ритуала надо раздеваться! Я хотела избавиться от белых следов из-за купальника. Надо было дать мне деньги на солярий, скупердяй!

— У меня дома ты тоже загорала?

— Он прятал мою одежду, — скороговоркой пожаловалась Китти, — врал, что знак на теле может появиться в любую минуту и надо за этим следить, а я очень ответственная и усердная.

— Хватит, мне надоело это слушать, — сказала Маргарет.

— Почему хватит? — возразил Сэм. — Я к ней не прикасался! Зато спустил уйму денег на проституток!

— Сам сказал, что избранная должна оставаться девственной до коронации, — возразила Китти. — Мог бы попросить меня об одолжении и заплатить в три раза меньше.

— Довольно! — крикнула Маргарет. — Я не желаю копаться в ваших трусах! Мне нанесено оскорбление! Ты был со мной ужасно груб и хотел отнять у меня подарок Диониса Парвы!

— Она... он меня не предупредил, — Сэм беспомощно пожал плечами.

— Разумеется, ведь ты его никогда не видел. Я пошутила, Парва вовсе не стар, у него нет ни усов, ни бороды. Возможно, ты его даже не слышал. Скажи, какой у него голос? Низкий или высокий? Манера речи? Любимые словечки? Акцент?

— Зачем мне тебя убеждать?

— То есть ты не знаешь и просто блефовал, — констатировала Маргарет и продолжила напирать: — Тогда кого ты выгораживаешь? Кто тебя не предупредил? Или лучше спрошу так: кто тебя подставил?

— Никто, я сам по себе. Ваши дела с Парвой меня не касаются.

— Значит, ты статист? Тебя взяли подержать горшок с цветами в углу сцены?

— Давай забудем, — торопливо сказал Сэм, — телефон оставь себе.

— Где письмо?

— У меня дома.

— Видео со скрытых камер?

— В ноутбуке дома. Отдам все, если разойдемся полюбовно.

— Скрытые камеры?! — ужаснулась Китти. — У тебя целый видеоархив?

— Тебя все-таки похитили, солнышко. Виртуально, тем не менее. Ты не знала или делала вид, что не знала?

— Какая теперь разница? — буркнула Китти и вдруг выговорила Сэму: — Ты мне за это должен, понял! По двести баксов за каждое видео!

— Пятьсот, — спокойно поправила Маргарет.

— Выпишу чек на десять тысяч, если пообещаете, что на этом все закончится.

— Слово королевы, — пообещала Маргарет и спросила у Китти: — Ты нашла что-нибудь в телефоне?

— Уже удалила.

Черная кошка подняла голову и замяукала, глядя на Маргарет.

— Нужно дать ему шанс, — сказала она, как будто о чем-то спорила с кошкой, и посмотрела на Сэма. — Итак, письмо, телефон, ноутбук и десять тысяч долларов в качестве компенсации за моральный ущерб в обмен на мое расположение. Ты готов служить Царице Ночи? — Сэм неохотно кивнул, глядя исподлобья, Маргарет посмотрела на Китти: — Ты, солнышко?

— Сто раз да!

Маргарет снова обратилась к Сэму.

— Садись в машину, выпиши чек и привези все, что нужно, к дому Китти. Я оказываю тебе доверие. Если обманешь, эта милость будет для тебя последней.

Кошка вдруг подала сердитый голос; она как будто жевала и ворчала на всех, кому вздумается отнять у нее лакомый кусок. Сэм медленно оторвал зад от капота, вынул

автомобильный брелок из левого кармана правой рукой и нажал кнопку.

— Ты левша? — спросила Маргарет, получила утвердительный ответ и добавила: — Надеюсь, это не мешает тебе выписать чек.

Сэм, кряхтя, сел за руль и завел двигатель. Черная кошка зашипела, выгнула спину, отскочила к стене и заорала оттуда истошным воем. Маргарет схватила Китти за руку и дернула за собой в сторону кошки, отбегая подальше от капота. Красная мазда взревела и сорвалась с места.

— Он нас едва не сбил! — крикнула Китти. — Я чуть не выронила телефон!

— Какое потрясающее шоу, — сказала Маргарет. — Мышонок решил не платить.

— Ты знала, что он так делает?

— Догадывалась. Не волнуйся, он не уедет далеко.

— Марго! Как ты могла его отпустить?! Он должен мне деньги! А если он выложит видео на сайт школы? — Китти с ненавистью посмотрела на телефон Сэма и просияла: — Черт! Я продам его Брауну!

— Солнышко, твой милый друг заявит в полицию, а Браун сдаст тебя не раздумывая.

Телефон Сэма неожиданно заиграл начало пятой симфонии Бетховена, о которой его биограф Антон Шиндлер говорил: «Так судьба стучится в дверь».

Китти взглянула на экран.

— Ему звонит какая-то Ванесса...

Со стороны Шестой улицы раздался страшный треск и грохот.

— Бежим туда! — скомандовала Маргарет.

Девушки пересекли стоянку и увидели искореженную машину Сэма. Выезжая из дворов налево, она столкнулась с мини-фургоном. Удар пришелся в правую сторону мазды.

— Быстро к машине! Нам нужны ключи от его дома.

— Он всегда кладет их в бардачок, — подсказала Китти, семеня за подругой.

— Избавься от телефона!

— Просто выкинуть?

— Бестолочь! Верни его на место!

Девушки подбежали к мазде самыми первыми из тех, кто стал свидетелем аварии и бросился на помощь пострадавшим. Сэм был жив, но без сознания. Китти, стараясь не глядеть на его окровавленное лицо, ловко засунула телефон обратно во внутренний карман куртки и попятилась назад. Маргарет подбежала к правой стороне мазды, но сразу отказалась от идеи добраться до бардачка. Это было невозможно — мини-фургон сильно вмял правую переднюю дверь и заблокировал подходы к ней.

Со стороны Флауэр стрит послышалась полицейская сирена. Из мини-фургона со стонами вылез водитель, его спасла подушка безопасности. Кто-то помог ему. На место аварии подходили другие люди. Маргарет отыскала среди них Китти и вполголоса скомандовала отступление. Подруги вернулись на тротуар и побрели в сторону парка Магуайр к бассейну с соколом. Черная кошка трусила за ними. Китти немного пришла в себя и вспомнила о запасном ключе:

— Я смогу пробраться в дом! Сэм живет недалеко отсюда, в северном Голливуде, ключ в клумбе под садовым гномом.

— Очаровательно. Уверена, что не натворишь глупостей?

— Пф-ф! Меня там знают все соседи, они воображают, что я его сестра.

— Только не устраивай обыск.

— Ноутбук не иголка, а письмо лежит в сейфе.

— Авантюристка. Может, ты и код знаешь?

— Знаю! — Китти опустила глаза и таинственно заулыбалась. — Подсмотрела.

— Солнышко, ты мне нравишься, — Маргарет достала из сумочки сто долларов Кевина. — Это на такси. Позвони, когда заберешь письмо.

— Ты не поедешь? — разочарованно наморщила носик Китти.

— Хочу познакомиться с моим папой.

— Ах, ну да... а как ты узнала, что Сэм не уедет далеко?

— Кошка подсказала. Скажи себе и мне спасибо за то, что не села в машину Сэма и не уехала с ним. Видела, во что превратилось пассажирское место справа от водительского?

— Ого... я могла бы сидеть там, — Китти задумалась, представляя себе травмы, не совместимые с жизнью, но это показалось ей слишком страшным, и она переключилась на мистические тайны, думать о которых было намного интереснее: — Ты настоящая Царица Ночи! В книге Сатаны сказано, что она понимает кошачий язык! Это правда, что Дионис предложил тебе золотой венец Аннет?

— Плевать я хотела на всю эту сатанинскую стаю и их бутафорскую корону. Мне нужен рубин. Чтобы его получить, я притворюсь кем угодно, хоть царицей ада.

— Пф-ф! Ты постоянно рисуешься, Ди... ой, Маргарет. Фокус в том, что тебе это идет.

— Да, я ужасно тщеславна и не могу удержаться, чтобы не пустить в глаза немного пыли. Говорю тебе об этом по секрету, как фрейлине. Итак, отныне я твоя королева, поэтому называй меня ваше величество. Хотя бы изредка, когда мы одни. И вот что еще, солнышко, мне нужен твой семейный архив. Возможно, в нем есть что-нибудь интересное.

— Это целая коробка, она большая! Приезжай ко мне домой и посмотри сама.

— Будь у меня время... — Маргарет немного подумала и сказала: — Сделаем вот как: ты хорошенько проверишь письма из архива и все, что там есть. Ищи любые упоминания об избранной, знаке, тайнах... в общем, ты поняла. Звони, если найдешь что-то интересное.

— Да, ваше величество, — Китти скорчила важную мину, отвела ногу назад и шутливо изобразила некое подобие реверанса.

— Неподражаемая грация. Утка выглядела бы изящнее, — саркастически заметила Маргарет. — Придется научить тебя, как это делать. Не сейчас, потом.

— Пф-ф! — Китти закатила глаза. — А про какой рубин ты говорила?

— Ты не видела кольцо на руке Диониса?

— Нет.

— А солнце тебе приходилось замечать? Это такой небольшой слепящий кружочек на небе.

— Уже плачу от смеха.

Подруги подошли к бассейну с соколом. Кошка села рядом с ними и тихо мяукнула.

— Что она сказала? — поинтересовалась Китти.

— Кажется, мой папа уже здесь.

— Тогда пока-пока, мне нужно ехать за письмом.

Королева участливо поправила ушки в золотистых волосах фрейлины и трогательно простилась:

— Все, катись отсюда, бесстыдная извращенка.

[1] Арадия — одна из главных фигур в работе американского фольклориста Чарльза Годфри Лиланда «Арадия, или Евангелие от ведьм» (1899 год). В этой работе Арадия

изображается как мессия, посланная на Землю, чтобы научить угнетенных колдовству, которое они могли бы использовать против Римско-католической церкви и высших классов. С момента публикации «Евангелия от ведьм» Арадия — дочь Люцифера и древнеримской богини Дианы (Артемиды у греков), стала одной из центральных фигур современного языческого возрождения колдовства.

Глава 12. О крепостях и комендантах

Юная дочь владельца сети стриптиз-баров Эрика Пауэрс грезила о подиуме, рекламных контрактах и принцах на белоснежных яхтах. Девушка умная и расчетливая, она могла бы стать на этом поприще успешной, но ее припудренная мечта о карьере модели была подавлена родительским диктатом. Приоткрытую дверь в шоу-бизнес с треском захлопнул отец. Вопреки тому, что сам он построил свой бизнес на пятых точках стриптизерш, а возможно, благодаря этому, запрет его был категоричным, как слон, лежащий на заячьей норе.

Между тем, внешность юной мисс Пауэрс была выдающейся настолько, что за все то время, пока она училась в школе, а затем и в колледже, ее подруги не сказали ей ни одного искреннего комплимента. Эрику это не смущало; она понимала, что ей завидуют, и познавала себя через реакции парней; те вообще не говорили комплиментов, но их взгляды и смущение были красноречивее слов.

Воспитывая дочь, Джон Пауэрс — прямодушный и по-деревенски грубоватый толстяк — не стеснялся быть циничным и упорно внушал юной Эрике свое разумение об окружающем мире, по его мнению, погрязшем в грехе и пороке:

— Не думай, что твой зад единственный на всем свете. Такого товара, — он делал жест в сторону округлившейся фигуры шестнадцатилетней дочери, — в Лос-Анджелесе полно.

Глаза Эрики начинали метать холодные и острые молнии:

— Папа, я не хочу про это знать!

— А я думаю, ты *должна* об этом знать! — повышал голос папаша Джон.

Чтобы дочь не улизнула от разговора, он приводил ее в свой кабинет и запирали дверь. В трех случаях из десяти она сбегала, но Джон не ругал ее за это и никогда не пытался догонять; в остальных семи случаях побег заканчивался неудачей. Услышав щелчок замка, Эрика забивалась в угол дивана, натягивала подол платья на колени и поглядывала на отца, как дикий зверек. Джон прятал ключ в карман и приступал к наставлениям:

— Ты выросла красивой. Очень красивой! Предложения купить твои прелести задешево посыплются, как конфетти в рождественскую ночь! Ты должна знать, что если у девушки нет правильного о себе мнения, то ее внешние данные, какими бы выдающимися они ни были, будут растранижены за бесценнок! Ее используют, а в награду кинут кость — роль, место, контракт или что там еще...

— Я не собака, чтобы мне бросали кости! — огрызалась Эрика, злобно поджимая губы.

— Вот и умница, — ухмыляясь, одобрял папаша Джон. — Не вздумай продавать уникальную драгоценность за грошовую цену. Конкурсы красоты и кастинги, им подобные, это что-то вроде выставки элитных кошачьих пород; отбор сырья в индустрию рекламы и эро-порно развлечений. Девушек делят на сорта, как коровью тушу, заталкивают в чертовы ворота громадного бизнеса и там выкачивают из их тел красоту и молодость. Это комбинат! Бесконечный конвейер для разделки мяса. Производство не может останавливаться, а только наращивает обороты, поэтому мир давно превратился в грязный бордель!

Папаша Джон плескал в стакан немного скотча из бутылки, делал маленький глоток и раскуривал сигару. Эрика любила смотреть на выющийся табачный дым, еще не растворившийся в воздухе, и чувствовать его запах. Джон об этом догадывался, проделывал сей кабинетный ритуал с величием факира и продолжал:

— Знаешь ли ты, сколько ястребов захотят поймать тебя, прекрасную голубку, в свои когти? А еще говорят, что этот город — столица шоу-бизнеса. Нет, моя дорогая, это фабрика разврата! Паутина из путей в ад. На каждой дороге к успеху здесь выставлены кордоны. Молодая девица не сможет преодолеть их ни умом, ни характером, ни талантом! Ей всегда будут чинить препятствия, но обязательно предложат обходной путь под одеялом.

Эрика не выдерживала откровенности подобных сентенций и взрывалась:

— Я не собираюсь ложиться в постель ради карьеры!

— Еще скажи, что не намерена плавать, когда тебя бросят в воду, — усмеялся папаша Джон. — У красотки мало времени — какие-то считанные годы, и мерзавцы это знают. Чтобы плыть к успеху, придется лечь. Откажешься — будешь дрейфовать. Не станешь звездой лет за пять-семь — утонешь. Тело не умеет врать. К тридцати оно начнет говорить тебе и другим, что молодость прошла. А рядом появятся ушлые и голодные мартышки всего на десять лет младше. Будь уверена, они обгонят тебя через потайной ход в спальне продюсера. В шоу-котел стремятся попасть только вертихвостки. Они готовы выпрыгнуть из трусов по первому намеку!

— Сам говоришь, что я красивая! — большие глаза Эрики начинали блестеть от слез. — И что я должна делать? Одеться в мешок и притворяться калекой?! Или, может, похоронить себя заживо?!

— Не-ет! — Джон добродушно смеялся, сотрясая животом. — Но ты должна знать, что очарование молодости — товар скоропортящийся, продавать его следует не по частям, а оптом, вовремя и за максимальную плату! И кроме богатства в нее должно быть включено положение и влияние.

— Мне надо повесить на грудь ценник? — язвила Эрика.

— Остра на язычок, как мать, — при воспоминаниях о покойной жене в памяти Джона всплывал образ большеглазой жгучей брюнетки со своевольными искорками во взгляде, отчего он сразу терял нить рассуждений. — О чем я... ах да. Ценник должен быть. Но не нарисованный на табличке. Цена должна быть написана во взгляде, в манерах, воспитании, умении подать себя, но это цена не для всех, а только для избранных! Для тех, кто достоин и имеет серьезные намерения. Да, дочка. Быстро сорвать банк можно только одним способом — удачно выйти замуж. Сделать это надо до двадцати пяти лет. В твоем распоряжении осталось меньше десяти. Это не значит, что ты не должна учиться и строить карьеру. Напротив, чем разностороннее и образованнее ты будешь, тем ярче заблестит твой ум!

— Парни не любят умных девушек. Они любят красивых!

— О-го-го! — удивлялся папаша Джон. — И откуда такая осведомленность? Ну хорошо, скажу тебе один секрет: мы, мужчины, любим красивых, но женимся на умных. Вот только о чем тут спорить, если у тебя есть и то, и другое? Ты красива и умна, у тебя замечательные шансы сделать отличную партию.

Осадок от подобных бесед, приправленных пошловатой правдой жизни, слой за слоем накапливался в душе Эрики и дал о себе знать, когда она испытала первую любовь. Чувство нежное сменилось обидой и тем мерзостным ощущением, которое испытывает девушка или женщина, осознав вдруг, что ее использовали. Соль отцовских откровений растворилась в разочаровании и боли от предательства, а когда бурная реакция закончилась, воцарилось равновесие: юная мисс Пауэрс пришла к внутреннему согласию с доводами родителя.

Мать, умершую от родов, Эрике заменила тетка по матери. Дама элегантная, мягкая в обращении, она стала для своей племянницы матерью и гувернанткой. Мудрая тетушка

учила девочку, от природы непоседливую, хорошим манерам, этикету, умению говорить и красноречиво молчать. Уроки эти не прошли впустую. Эрика обрела манеру держаться горделиво и с достоинством. Именно так ведут себя дамы, которых мужской взгляд моментально выделяет среди прочих, ибо не заметить таких девушек и женщин невозможно, как диск луны на ночном небе.

К восемнадцати годам Эрика уже не зажималась в угол дивана, не возражала в спонтанном гневе, а садилась в кресло напротив отца и вела с ним беседу на равных.

— Принцу сначала надо попасться на глаза. Я не собираюсь ждать, пока он соизволит меня найти. Самая короткая дорога к известности — стать девушкой месяца в плейбое.

Папаша Джон вздыхал шумно, как бегемот, и если бы вокруг него был пруд с густой тиной, то обязательно погружался бы с головой на дно.

— Боюсь, ты не понимаешь. Фото в журнале становится пропуском в бизнес, где девушки показывают себя за деньги. Это развращает. А дальше наклонная плоскость. Сначала показывают, затем дают потрогать, затем... К черту плейбой! Среди очень богатых людей дураков мало, а скорее и вовсе нет! Ни один нормальный мужчина не возьмет себе в жены девицу, прелести которой можно увидеть в журнале. У нее на лбу написано *gold-digger girl*.^[1] Только воспитанная девушка с хорошей репутацией может претендовать на роль супруги уважаемого джентльмена. Родство с приличной семьей! Вот что должно стать твоей главной целью!

— Хорошая репутация! Для меня?! Да если я даже стану святой мученицей, то всегда буду дочерью владельца стриптизерш!

— Я скоро продам свой бизнес и займусь строительством, — тут папаша Джон пригубливал каплю виски, задумчиво пыхтел сигарой и философствовал, выдавая свое неведение относительно женской природы: — О чем думал бог, когда позволил козлоному дьяволу внушить вам это глупое желание нравиться? Да еще всем подряд и без разбору! Вы согласны танцевать голыми за пять тысяч баксов в месяц, а то и вовсе задаром! Казалось бы, что может быть унижительнее, чем профессия стриптизерш? Они работают под сальными взглядами пьяных бездельников, этих девушек считают продажными, порой не без оснований, но знаешь, в чем чудо? — папаша Джон наклонился к лицу Эрики, выпучив глаза, и начинал говорить шепотом, как будто открывал дочери сокровенную тайну: — Они получают удовольствие от этой проклятой работы! Представляешь?! Они в восторге оттого, что на них пялятся!

— Я не собираюсь танцевать голой на публике, но хочу нравиться и буду делать для этого все, — безапелляционным тоном возражала Эрика. — Нет ничего дурного в том, что парни смотрят мне вслед.

— Дурное не в том, что они смотрят... Ты виляешь задом просто так, для забавы, поэтому кажешься доступной.

— Я знаю, — со змеиным хладнокровием отвечала Эрика. — А ты ошибаешься, папочка. Обманчивая доступность — это тот крючок, на который клюют все парни. Одной хлесткой фразы довольно, чтобы осадить того, кто примет меня за легкую добычу.

— На доступность клюют только подлые говнюки. Достойных джентльменов с брачными намерениями привлекают целомудрие и ум. Поэтому не зад должен вилять умом, а ум задом! Именно ум есть главный капитал красавицы!

— Я не считаю себя глупой.

— И правильно! Но не считать себя глупой мало. Надо *быть* умной! А ум девушки

проявляется в ее отношении к себе самой. Вот что я тебе скажу, дочка: в первую очередь цени себя! Как самую дорогую в мире уникальную драгоценность! Ты самое лучшее, что у тебя есть!

— Не волнуйся, папочка, я так и делаю, — спокойно соглашалась Эрика.

Тут папаша Джон распалялся от воодушевления. Он был доволен тем, что дочь прониклась правильной философией, по его мнению, единственно пригодной для выживания в этом диком мире.

— Если кто-то захочет получить тебя даром, а таких наглых умников много... — тут он сотрясал в воздухе кулаком и гневно добавлял: — Пусть получит хорошего пинка под свой тощий зад! Неудачникам не место рядом с моей дочерью!

Как-то раз, проходя мимо Эрики, когда она вертелась перед зеркалом, папаша Джон шлепнул ее по заду, будто она была одной из стриптизерш в его баре:

— Хороша! Фигурой вся в мать.

Эрика обернулась и с размаху дала отцу звонкую затрещину. Оправившись от шока, папаша Джон просиял:

— Это был ответ настоящей мисс Пауэрс! Умница, дочка! Вот теперь я почувствовал, как ты себя ценишь! — с уважением констатировал он, потирая свою одутловатую щеку. — Если бы твоя мать Элис однажды не поступила точно также, то я бы на ней не женился.

Та звонкая пощечина стала жирной точкой в процессе воспитания девочки, внутри которой горел стихийный огонь. Джон был удовлетворен и к дочери стал относиться с таким же благоговейным почтением, как и к ее покойной матери:

— Как ты похожа на Элис... ты просто ее копия.

Познав науку внушать к себе уважение, Эрика заметила, что в ней признают лидера, привыкнув к этому, стала командовать, а когда сверстники окончательно признали ее альфа-самкой, начала править ими мудро и малой кровью. Притягательная энергичность большеглазой брюнетки совмещала в себе горделивую красоту, пронизательность суждений и практичность в делах, поэтому к ее мнению прислушивались даже учителя. Кроме этого, уже в старших классах мисс Пауэрс показала себя талантливым организатором, что в соединении с незаурядной внешностью усилило ее власть многократно.

В университете Калифорнии вокруг нее вращались только статусные парни, над которыми она без угрызений совести ставила дерзкие эксперименты и с интересом наблюдала за реакцией. Мастерство приближать и отдалять, возвышать и унижать, миловать и казнить, множество других манипуляций мужским сознанием было постигнуто ею в совершенстве.

Цинизм отца и воспитание тетки наполнили характер Эрики двумя несочетаемыми компонентами; она стала ходить на коктейль «Кровавая Мери» — напиток, в котором водка и томатный сок соприкасаются, но не перемешиваются. Мисс Пауэрс научилась обжигать или смягчать по своей прихоти язык того, кто рисковал ее пригубить.

Имея в голове генеральный проект под названием «супруга богатого джентльмена и хозяйка большого дома», Эрика Пауэрс не позволяла себе расплыться на романтических голодранцев и берегла силы для решающего сражения. Она родилась под знаком зодиакального Стрельца, поэтому хорошо знала: для достижения победы нужно быть последовательной, а силы концентрировать в направлении главного удара.

Прецедент, послуживший началом военных действий, произошел летом 1990 года на тихом и респектабельном пляже Лагуна Бич, когда на двадцатилетнюю Эрику Пауэрс

обратил внимание молодой мужчина с обаятельными манерами и непринужденно предложил угостить ее прохладительным напитком. Ответом ему стал оценивающий взгляд особы, немало удивленной тем, что с ней вообще осмелились заговорить. Взгляд этот стал для мужчины сигналом боевой тревоги, и весь его арсенал обходительных средств был моментально приведен в состояние полной готовности.

Неуловимая улыбка незнакомца в духе Ретта Батлера, затаившаяся в прищуренных глазах и под усами в уголках губ, окатила теплом строптивую девицу. В один миг Эрика поняла, что за царственным высокомерием, сыгранным ею талантливо и безупречно, мужчина уловил в ее больших глазах искру интереса к своей персоне, а столь холодный прием ему даже импонирует, ибо он не привык брать крепости без боя.

С легким негодованием ощутив, что уже находится во власти чар джентльмена, коему ни одна дама не в силах отказать, Эрика вознамерилась дать отпор, столь же грандиозный, сколь ослепительна была ее красота. Военная кампания, в которой победа возможна лишь после заключения брачного союза, началась.

И он, и она, несомненно, умели подать себя в самом выгодном свете, поэтому нашли друг в друге достойных соперников. Легкий флирт начался с обмена нейтральными фразами, продолжился состязанием в остроумии, постепенно перешел в фазу ни к чему не обязывающего знакомства и завершился ненавязчивым предложением поужинать в ресторане. В ответ Эрика замечательно разыграла сомнения девушки, заинтересованной, но не склонной к безрассудным поступкам:

— Ужин в хорошем ресторане будет приятен для дамы, если джентльмен не имеет в отношении нее порочных намерений, — целомудренно заметила она.

— Что вы называете порочными намерениями, Эрика?

— Желание изменить своей супруге, например, — ответила она.

Джентльмен расценил это как не прямой вопрос о его семейном положении, но предпочел сохранить интригу:

— Вы совершенно правы, для уважающей себя девушки роль внебрачной содержанки довольно унижительна, — парировал он и нанес ответный укол сбоку: — Незавидна и участь зверя, на которого охотницы повсюду ставят капканы.

Такой ответ в духе тумана войны Эрику вполне устроил, и предложение поужинать в ресторане было принято ею благосклонно.

Результаты сбора разведанных о противнике превзошли самые смелые ожидания мисс Пауэрс. Тридцатидвухлетний красавец Альфред оказался отпрыском голливудской кинозвезды. Как большинство богатых жителей Лос-Анджелеса, он вел здоровый образ жизни, выглядел спортивно и слыл в обществе человеком, приятным в общении. Однако главными достоинствами Альфреда в глазах Эрики были его холостяцкий статус и то, что он проживал в престижном районе Бель Эйр — относительно замкнутом мире дорогих особняков, спрятанных за высокими изгородями и неприступными воротами. Тот факт, что семья Гарднеров проживает в одном районе с сороковым президентом Соединенных Штатов Рональдом Рейганом, купившем здесь поместье на Сейнт-Клауд-роуд по окончании своего второго президентского срока, добавил Эрике боевого настроения и энтузиазма.

Уже в ранней молодости она знала, что чем больше сил мужчина потратит на завоевание возведенных ею бастионов, тем сильнее будет ценить впоследствии свой военный трофей. Изматывая противника бесконечными проверками в духе «бросишь после отказа, значит, не любишь», Эрика вела себя совершенно непредсказуемо, взбрыкивала по

малейшему поводу и безжалостно крушила мужскую логику, чтобы навязать свою. Это ей удавалось — ум Альфреда частенько оказывался в тупике, но опыт и знание женщин его выручали. Он всегда реагировал наилучшим образом — позволял Эрике быть девушкой, которая выбирает себе партнера не на ночь, но на всю жизнь, поэтому хочет убедиться в том, что он лучший.

Мужчинам нравятся тихие и нежные скромницы, но еще более нравятся им яркие красавицы, дерзко бросающие вызов. Первых берут в жены, вторых любят, и причина такой несуразности в страхе не удержать жар-птицу, которая жжет руки. Секрет роковых красавиц в том, что они возвышают — заставляют мужчин поднимать свою планку. Инженер назвал бы это режимом с повышенными оборотами или работой на предельных частотах. В жизни это именуют стрессом.

Красавицы, как строптивые лошадки, проверяют жокея на силу, умение, терпение и так делают из мужчин боевых наездников. Неумелого просто выбрасывают из седла. Темные кобылицы бездумно транжируют свой пыл, калечат наездников одного за другим и в конце своего пути умирают в одиночестве. Лишь в том редком случае, когда энергии мужского и женского начал уравниваются, между всадником и лошастью образуется тесная двухсторонняя связь; они обретают способность сливаться в единое целое, оставаясь уникальными сами по себе.

К счастью для Эрики, ее избранник относился к породе мужчин, которые женятся не по расчету, а по любви. Альфред не искал в браке материальных выгод и не считал женщин колониальным народом с отсталой культурой; он видел в Эрике представительницу соседней цивилизации, такой же древней и мудрой, как мужская. В конце концов, он был так воспитан, но свою будущую супругу в Эрике разглядел не сразу.

Обнаружив в красивой брюнетке бойкий характер, прагматичный ум и понимая, что *крепость, ведущая переговоры, наполовину взята*, Альфред неторопливо вел осаду, достойно отражал авантюрные вылазки осажденного неприятеля и был при этом обходителен и щедр. [2] Обстановка в театре военных действий его вполне устраивала, потому как сам процесс был приятно зажигателен, а отсутствие брачных обязательств давало некоторую свободу в выборе маневров.

Военное положение обязывало обоих скрывать слабость и демонстрировать силу. Альфред легко шел на обострение спровоцированных Эрикой ссор. В ответ на ее угрозу покинуть место свидания он давал понять, что не намерен удерживать или бежать за ней, но всегда учтиво предлагал подвезти. Чаще она соглашалась и примирение происходило около ее дома, еще в машине; реже — отказывалась, высокомерно покидала зал заседаний, подобно фракции оппозиционеров, и уезжала на такси; но и в таких случаях Альфред сохранял спокойную уверенность; он знал, что дома строптивница пожалеет о размолвке и будет ждать его звонка или визита. Эрика, в свою очередь, была убеждена, что великодушие Альфреда избавит ее от необходимости махать парламентерским флагом.

После тактических размолвок Эрика принимала Альфреда подчеркнуто морозно, но быстро оттаивала от внутреннего ликования: «Он уступил, а значит, готов со мной считаться. Он хочет примирения, следовательно, я ему небезразлична! Я могу и хочу его простить». Она вдыхала аромат подаренных цветов, опускала ресницы и благосклонно прощала, а он шутил, давая понять, что вовсе не нуждается в прощении:

— Дорогая, если тебе так хочется внушить мне своим уходом чувство вины, давай закажем экскурсию на двухмоторном самолете.

— Согласна, но мне придется надеть парашют.

Эрика умела маскировать женские слабости, такие, например, как романтические мечты об идиллической семейной жизни в уютном гнездышке размером с дворец. Младший Гарднер умел маскировать мужскую силу, дабы слабая половина не сочла себя оскорбленной. Задорная хитринка в его взгляде подсказывала Эрике: то, насколько она была неправа накануне, не имеет для Альфреда никакого значения, а циклоны и антициклоны ее настроения он воспринимает как часть женственного очарования.

Эта сильная сторона Альфреда — его способность принимать Эрику такой, какая она есть, — заменяла им любовную прелюдию и неизменно приводила молодую строптивницу в состояние томной податливости; она сдавалась и впускала таран, стоящий у врат ее крепости.

Опутанная невидимыми узами, в том числе материальными, ибо была, как мы уже говорили, прагматична, Эрика постепенно нащупала те границы, за которые ее тайфуны не должны были выходить. В свою очередь Альфред, искушенный в искусстве пленять девушку свободой, нашел ту манеру противостояния, которая ни в коей мере не ущемляла суверенитета вольнолюбивой красавицы. Как опытный жокей, он удерживал лошадь единственно возможным способом — был ее наездником, но не сразу осознал, что она несется к своей заветной цели — к замужеству.

Игра в дикую кобылицу, повторяющаяся многократно и с неизменным финалом, убедила Эрику в правильности выбора наездника. Она прониклась к нему доверием, стала спокойнее, мягче, пробудилась в женственной ласке, верности и преданности, чем открыла Альфреду свой редкостный потенциал фанатичной супруги, склонной обвинять в бедах кого угодно, кроме него самого. Но лишь до тех пор, пока король ведет себя по-королевски благородно.

Спустя некоторое время Альфред начал замечать в глазах Эрики легкую неудовлетворенность его подарками. Это был сигнал о нежелании мириться с положением любовницы, принимающей ухаживания и подношения в качестве оплаты за близость. Когда девушка начинает всерьез думать о замужестве, бриллианты ненадолго перестают быть ее лучшими друзьями. Отныне ей нужен сам дарящий эти безделицы, и торг здесь абсолютно неуместен, ибо законная супруга достойного джентльмена это уже не какая-то там конкубина содержанка, а дама, реализовавшая себя в блестящей партии на зависть подругам.

[3]

Былой холодный расчет Эрики Пауэрс постепенно трансформировался в бдительную привязанность, позднее — в рассудочную любовь. Претендентка на звание невесты ревностно следила за температурой отношений и выжидала.

Вскоре логика военной кампании привела обоих к предсказуемому перемирию. К этому моменту коса, нашедшая на камень, заточилась, став еще острее, и попутно облагородила камень, который стал ровнее и приобрел глянец. Положительные перспективы этого взаимно развивающего союза были налицо, однако Альфред отложил решающий шаг из-за двухнедельной поездки в Италию. Вопреки ожиданиям, Эрика, цепко следившая за каждым шагом своего избранника, отказалась от путешествия вдвоем и спокойно отнеслась к его решению лететь в Европу без нее.

Особа, имеющая официальный статус жены, — это политик, избранный и заступивший на высокую должность, а посему некоторые не уверенные то ли в ней, то ли в себе мужчины избиратели на годы затягивают ее предвыборную кампанию. Они попросту боятся дать

законную власть той, которая вполне устраивает их как домашняя хозяйка и соседка по кровати. Да, там, где есть политика и власть, обязательно будет война, явная или тайная, но прогресс без войны почти невозможен, а от того, кто слишком долго балансирует в неопределенности, всегда ожидают обмана и предательства.

Альфред вернулся из Италии с готовым решением о добровольной капитуляции, поэтому отдал дань традиции, порожденной кинофильмом «Завтрак у Тиффани», и преподнес Эрике Пауэрс кольцо с бриллиантом. Случилось это накануне дня рождения Альфреда, 30 апреля 1991-го года, и стало для Эрики наименее приятным сюрпризом. Молодая особа, ежедневно сомневавшаяся в брачном финале, но втайне мысленно уже обладавшая заветным кольцом (хотя еще и не знала, как оно выглядит), эта особа, получив предложение руки и сердца, на всякий случай удивленно хлопнула ресницами, сделала вид, что задумалась, и только потом согласилась.

В тот день Эрика впервые осталась ночевать в доме Гарднеров. Этим она выразила своему избирателю благодарность за победу на выборах и дала понять, что заступает на должность супруги досрочно, не дожидаясь церемоний.

Официальная помолвка состоялась на следующий день и была приурочена к торжеству по случаю дня рождения Альфреда. Когда первая волна поздравлений откатила тучный папаша Джон вынул изо рта сигару и громогласно задал вопрос, который показался гостям слишком прямым и даже грубоватым:

— Мистер Гарднер, почему вы решили жениться на моей дочери?

Альфред ответил без малейшей паузы, что убедило собравшихся гостей в продуманности только что сделанного им шага:

— Сочетание красоты и ума есть качество редкостного бриллианта, поэтому мне нужна именно ваша дочь, мистер Пауэрс.

— Достойный ответ, мистер Гарднер, — дрогнувшим голосом проговорил отец Эрики и, подойдя к жениху, в молчании долго тряс ему руку, отчего всем стало ясно, что папаша Джон растроган.

— Достойной будет и оправка для бриллианта, который вы мне доверили, мистер Пауэрс.

Этими словами Альфред заслужил расположение папаша Джона и был принят им в ограниченный круг своих. Вторая волна поздравлений сгладила все неловкости от эмоций и чувств. Эрика сияла, излучая искреннее радужное счастье. Как удивительны редчайшие и прекраснейшие в мире цветы, так одухотворены и восхитительны все влюбленные невесты.

С энтузиазмом приступив к подготовке свадебного торжества, Эрика в полной мере задействовала свою вулканическую энергию, организаторский талант, расчетливость и практицизм. Разработка сценария торжества, дизайна пригласительных открыток и меню стали для нее легкой разминкой. Успевая думать как о важном, так и второстепенном и делать все без ущерба для качества результата, она держала в голове сотню разных мелочей и чуть не свела с ума event-менеджера — даму вдвое старше. В конце концов та сдалась и предложила мисс Пауэрс взять на себя часть обязанностей в ущерб размеру оплаты по договору. Та согласилась, но сумму не урезала. Эрика была готова работать задаром, лишь бы контролировать процесс.

Сотрудница event-агентства осталась довольна, что не помешало ей тайно сочувствовать Альфреду. По ее мнению, он добровольно спускался в кипящее жерло вулкана на тонком канате и собирался обрезать его под звуки пения свадебного хора из оперы Вагнера

«Лоэнгрин».

Блаженны девушки, которые считают: вышла замуж — жизнь удалась. В семье как в земледелии: весной надо пахать и сеять, летом выпалывать сорняки, по осени уметь сохранить выращенный урожай, и лишь зимой позволительно наслаждаться идиллией покоя.

Уже на первом году брака Эрика, влюбленная, но не способная любить до безумия, хорошо понимала, что после сдачи ею своей крепости на выгодных условиях придется вести две новые войны — наступательную за влияние внутри семьи и оборонительную по отношению к внешним угрозам.

В одном из текстов Шримад Бхагаватам говорится следующее:

Как командующему гарнизоном крепости не составляет труда отразить все атаки разбойников, так и ... [мужу], находящемуся под защитой жены, нетрудно отразить все атаки чувств, перед которыми ... [холостые мужчины] беззащитны.[4]

Не имея представления о вышеприведенной мудрости древних ведических Пуран, Эрика последовательно применяла ее на практике. Дабы уберечь коменданта своей крепости от атак разбойниц, она удвоила бдительность, стала еще более ревностно относиться к своей внешности и лишь отчасти ослабила охрану своих бастионов; она чувствовала, что обладание через игру и преодоление доставляет Альфреду удовольствие.

Винсент и Мариэн были единодушны в мнении о том, что их сыну, развращенному холостяцким легкомыслием, нужны стальные объятия именно такой супруги, как Эрика. За ее властолюбием они разглядели искреннюю любовь к их сыну и поощряли невестку почти во всем. Заручившись этой поддержкой, Эрика вскоре упрочила те эластичные нити привязанности, которые сплетаются в затейливые узоры и со временем превращаются в крепкие узы супружества. Таким образом, ей удалось занять прочное место на семейном олимпе уже в первый, самый сложный год замужества, однако внешние угрозы не позволяли ей расслабиться. Собственно, она привыкла к этому еще со времен старших школьных классов и в колледже, а после свадьбы увеличила свой политический вес и успешно пользовалась административным ресурсом супруги.

Вокруг Альфреда по-прежнему вращались очаровательные создания, предлагавшие свою молодость и красоту как свадебный товар. Будучи такой же охотницей, как они, но обладая явным преимуществом в уме и целеустремленности, Эрика видела насквозь все хитрости этих цепких разбойниц, самой опасной из которых была ее экс-подруга, роковая блондинка Лиз Стоун.

Подковерная борьба двух бывших подруг выплыла наружу со страшным скандалом еще на свадьбе; тогда Лиз якобы случайно пролила вино на подвенечный наряд Эрики. Чудеснейшее белоснежное платье, взлелеянное с придыханием в мечтах, сделанное на заказ с кучей пожеланий и поправок, купленное за огромные деньги, в один миг превратилось в красно-белые тряпки. И это за час до начала свадебной церемонии! Эрика рыдала впервые в жизни.

Весть о трагедии разнеслась между собравшимися гостями со скоростью облачной тени, бегущей по земле. Ощущение праздника улетучилось; ожидание начала церемонии стало черно-белым. Многие из приглашенных, особенно женщины, испытывали сердечное сострадание к беде невесты. Лиз и ее свита откровенно злорадствовали.

Безнадежное положение спас Винсент Гарднер. Сделал он это удивительным образом и задолго до свадьбы, когда рассказал сыну о двух подвенечных платьях Дианы, принцессы Уэльской. Тогда, в 1981 году, копия была сшита в строжайшем секрете и стала одной из

сокровенных тайн мира моды. Младшему Гарднеру идея понравилась. Эрика об этом ничего не узнала.

Когда в момент настоящей трагедии Альфред, как волшебник, преподнес невесте коробку с новым платьем, она чуть не умерла от прикосновения к чуду. С шоком, конечно же, удалось справиться, после чего каждая ниточка, каждая бусинка и каждый драгоценный камень были тщательно проверены. Все оказалось таким, как должно быть.

Невеста вышла на церемонию в белоснежном платье, с гордо поднятой головой, ослепительно сверкая взглядом, как некогда королева, — алмазными подвесками, коих на ее одеянии было ровно столько, сколько подарил ей король.

Подлинное торжество невесты было очевидным для всех гостей, но лишь немногие из них догадывались, что она не удовлетворится этой грандиозной победой. Те, кто хорошо знали о хищном темпераменте Эрики Пауэрс, припомнили, что она никогда не прощала выходки в десять раз более безобидные, чем порча такой сакральной вещи, как первое в жизни подвенечное платье. По всему, она должна была испытывать воинственную ярость. Между тем коварная Лиз Стоун все еще находилась среди приглашенных.

В разгаре поздравительных речей, милых улыбок и искреннего смеха Лиз вдруг упала на тележку с бокалами, да так неудачно, что распоролла себе вены битым стеклом. За секунды до трагического падения за ее спиной скользнула белая тень и исчезла быстрее, чем Лиз оказалась на земле. Кое-кто из самых наблюдательных распознал в этой тени Эрику, но счел за благо не связывать ее с несчастным случаем, так как Лиз Стоун еще за час до начала свадьбы заработала себе репутацию ужасно неловкой особы.

Среди гостей оказался доктор и буквально не позволил ей умереть. Лиз увезли в карете скорой помощи. Проигравшая в свадебной гонке пережила период депрессии и около полугода восстанавливала здоровье...

На следующий день Альфред вспомнил об этой трагедии в приватной беседе с молодой супругой и проходя заметил, что порезанные вены и возможная смерть — это слишком суровое наказание за порчу платья. Эрика ответила убежденно и не раздумывая:

— Иное пролитое вино непременно должно превратиться в такое же количество пролитой крови. Мне жаль, что ты этого не понимаешь.

[1] Gold — digger girl (англ.) — дословно: золото — копатель девушка. В переносном смысле — охотница за богатыми женихами.

[2] «В любви и на войне одно и то же: крепость, ведущая переговоры, наполовину взята». Маргарита Наваррская де Валуа. (1492–1549).

[3] Конкубина — (от лат. con — вместе и лат. cubare — лежать) — в древнем Риме незамужняя женщина низшего сословия, находившаяся в сожителстве с мужчиной. Такое отношение, называемое в Римском праве конкубинатом, не считалось зазорным, но было лишено всех прав, какие имел законный брак. Дети считались незаконнорожденными.

[4] Шримад Бхагаватам. Песнь 3. Статус Кво, ч 2, гл. 14: Неурочная беременность Дити. Текст 20.

Глава 13. Обратная сторона Луны

Гарднер поднимался по лестнице парка Магуайр и еще издалека заметил Диану, ожидающую в условленном месте: она стояла напротив сокола и разглядывала гигантский барельеф на западном фасаде библиотеки. Альфред подошел к дочери со спины и поинтересовался, обращаясь к ней по-русски:

— Как прошла экскурсия?

— Чудесно, — не оборачиваясь, ответила она также на русском.

Альфред взглянул на часы:

— Ровно два часа дня. Я пунктуален, — он посмотрел на огромные фигуры Фосфора и Геспера и невольно пробормотал: — Ведь это звезда Утренняя и Вечерняя!..

— В Библии утренней звездой назван Иисус, а Фосфор, он же Люцифер, отождествлен с ней еще в античности, задолго до первых христианских сект.

Альфред помыслил вслух:

— Тут какая-то путаница... Иисус — сын божий, а Люцифер всего лишь падший ангел.

— Эта путаница возникла из-за толкователей, они дерутся за величественный образ яркой звезды ради власти над умами паствы. Пыль от их драки скрывает сияние истины: Венера — это просто планета.

— Дерутся за планету? — рассеянно переспросил он. — Диана, ты меня удивляешь.

— Это получилось непроизвольно. Когда я действительно хочу удивить, происходит нечто вроде апокалипсиса, — она обернулась, но, едва увидев Альфреда, широко открыла глаза и ошеломленно воскликнула: — Папа?!

— Разумеется, это я! А кого ты ожидала увидеть? — на его лице появилось выражение беспокойства. — Диана, с тобой все в порядке?

— Да, просто наше величество изволили шутить, — спокойно сказала она и удовлетворенно добавила: — Выглядишь шикарно.

Альфред натянуто рассмеялся, но быстро перестал и принялся вглядываться в лицо дочери: во внешности ее произошли тонкие, невидимые глазу сдвиги. Понять суть каждого из них в отдельности было сложно, однако сумма их являла собой совершенство, спокойное, как океанский штиль на вечерней заре, и слепящее бликами солнца в бесконечной водной глади. Дочь смотрела на отца, слегка приподняв подбородок и опустив длинные изогнутые ресницы, но даже из-под них ее глаза жгли самоуверенно и слегка надменно.

— Диана, ты была в салоне красоты вместо экскурсии?

— Я познакомилась с дьяволом, и он сделал меня красивой, — серьезно сказала она, внимательно разглядывая лицо Альфреда. — Пока мы с ним разговаривали, время стояло на паузе, а потом экскурсия продолжилась. Все прошло замечательно, мне было очень интересно.

— Розыгрыш удался, — он смущенно пригладил волосы от лба к затылку.

— Какие у нас планы, пап?

— Планы? — рассеянно переспросил он. — Ах, да... заедем в автомобильный музей Петерсона, потом отвезу тебя домой.

Они спустились по лестнице, почти не разговаривая. Альфред гадал о том, где Диана взяла деньги на дорогой макияж, но ответа не находил. Около джипа он нажал кнопку автомобильного брелока, сел за руль и тут увидел, что дочь устраивается справа от

водительского кресла.

— Диана, ты ничего не перепутала?

— Что тут можно перепутать? Руль с колесом?

— Твое место на заднем сиденье.

— Я хочу здесь.

Он вставил ключ в замок зажигания и с укором посмотрел на дочь. Она была невозмутима, как пилот истребителя.

— Устал? Мне повести машину?

Альфред счел предложение дочери за неудачную шутку.

— Пересаживайся. Сзади безопаснее.

— А впереди лучше обзор, — она вытянула ремень и пристегнулась, давая понять, что вопрос решен и обсуждать больше нечего.

— Диана, откуда такое упрямство? Ты всегда сидела сзади.

— Кажется, поняла. Если я не пересяду, то машина не заведется? Это ведь так работает, да? А когда сяду за руль? Неужели отвалятся колеса?

— Если мама увидит тебя на переднем сидении, придется выслушать ее упреки. Я не прочь поупражняться в красноречии, но тебе тоже достанется.

— Не бойся, малыш! Я сумею нас защитить! — она вдруг залихватски хлопнула отца по плечу, подмигнула и заговорила с хрипотцой, изображая просоленного морского волка: — Мы дадим бой и отстоим право сидеть там, где хочется! Это свободная страна, черт меня раздери! Эй, бездельники! Поднять паруса!

Гарднер нахмурился, скрывая замешательство, но, осененный догадкой, вдруг утратил контроль над выражением собственного лица.

— Маргарет?!

— Ты знаешь мое имя? — она протянула руку к крышке бардачка, бесцеремонно вынула оттуда ворох бумаг, отбросила штрафы за парковку и развернула сложенный вдвое сертификат Title. — Альфред Гарднер. Бель Эйр, улица Бельканто Шанти, 1518. Ого! Я живу в престижном районе, не менее звездном, чем гламурный Беверли Хиллз! Ты сын Винсента Гарднера?

Альфред рассеянно кивнул, соображая, как лучше себя вести. Ожидаемое появление второй дочери оказалось внезапным, словно молния, предсказуемо бьющая в высокий шпиль. Маргарет убрала бумаги в бардачок и представилась:

— Очень приятно, меня зовут Рита Гарднер, рада нашему знакомству, папа, — она сделала паузу, давая ему возможность говорить, но Альфред молчал. — Ты не против, если я буду называть тебя папой?

— Нет.

— Очаровательно. Теперь скажи: откуда ты меня знаешь?

— Когда тебе... в пять лет Диана стала очень беспокойным ребенком, и Эрика... она строгая мать...

— Наказывала дочь за проступки, это понятно, — нетерпеливо помогла Маргарет.

— Да, но Диана утверждала, что виновата не она, а другая девушка. Так мы узнали твое имя...

— И сразу потащили девочку к психиатру.

— Да... Эрика настояла. Дианой занялся специалист по дис... дисцисо...

— Диссоциативным расстройством. Можешь не продолжать. Ты тоже считаешь меня

субличностью?

— У тебя есть другое объяснение?

— Разумеется. Я настоящая!

Альфред положил руки на руль и уставился перед собой, не различая приборной панели. В голове промелькнул беспокойный вопрос.

— Где сейчас Диана?

— Спит и видит сны, — равнодушно отвечала Маргарет.

— Она в безопасности?

— Принцесса в башне, там уютненько и тепло, большая кровать с органзой от насекомых. Правда, там темно. Ночь.

Альфред посмотрел на лицо дочери, пытаясь понять смысл сказанного, но ее агрессивная красота смешала его мысли и затмила все попытки логического анализа.

— Немыслимо... у тебя даже внешность другая.

— Это иллюзия, — Маргарет принялась искать в сумочке, тихо недоумевая: — Почему Диана не носит с собой зеркало? — она подалась влево к отцу, посмотрела на себя в зеркало заднего вида и вздохнула. — Ну конечно! Я такая же, как и раньше. Некрасивая девушка, которой придется прилагать в сто раз больше усилий там, где смазливая милашка все получит даром. Это если отказаться от роли Пандоры и покровы Исиды... А если согласиться?... Тогда никто из смертных не сорвет покровы с моей тайны.

— Покровы тайны?

Альфред будто увидел хвост рыбы, стремительно ускользающей в подводную нору. Пытаясь разобраться, в каком из тайников сознания спряталась промелькнувшая догадка, он замер, внезапно вспомнил имя Пандоры и странную фразу отца в письме.

Гарднер вынул из кармана конверт и стал перечитывать заново. Маргарет придвинулась ближе и тоже стала читать, будто письмо было адресовано им обоим. Пробежав глазами по верхним строчкам, она напряглась, как кошка, услышавшая мышинный шорох:

— Опять письмо? Вы что, все сговорились?

Альфред взглянул на дочь, собираясь пожуричь за бесцеремонность, но промолчал, поражаясь энергии и всевластию ее любопытства. Маргарет этого не заметила. В такие моменты кошки особенно уязвимы, им нет дела ни до чего; все их внимание сосредоточено в луче, длинном и остром, как шпага, направленная в цель.

Поручение Винсента Гарднера вынуждало утаивать план до назначенного срока. Альфред спохватился, свернул листок, но кошка требовательно положила свою мягкую лапку поверх его руки.

— Ты же знаешь, я умею хранить секреты, — промурлыкала Маргарет, будто ее и отца уже сотню лет связывала тысяча тайн, принадлежащих только им одним: — Дай дочитать! — мягко потребовала она и легонько пошлепала Альфреда по руке.

Он вдруг поймал себя на том, что не в состоянии сопротивляться ее кошачьим повадкам, и выдал вслух промелькнувшую мысль:

— Диана так не умеет... — он развернул листок и нашел строчку, на которой отвлекся.

В салоне джипа стали слышны приглушенные звуки города. Взгляд Маргарет возбужденно бегал по строчкам. Закончив чтение, она подвела итог:

— Кое-что ясно, но многое непонятно, особенно насчет того, что она в прошлом, будущем и сущем.

— Постой, давай-ка поподробнее. Что тебе стало ясно из письма?

Маргарет вздохнула и стала методично перечислять:

— Тебя волнует тайна, которая касается меня; твой отец знал разгадку, но утаил при жизни. Дальше он пишет о времени и месте встречи со мной. Седьмой лунный день начался вчера и закончится сегодня, не помню во сколько, но здесь важна отсылка к астрономии и голове терминатора...

— Постой, ведь это граница между светом и тенью!

— Слава богу, ты пришел! О Фосфоре и Геспере ты уже догадался — это вторая астрономическая отсылка и еще одно указание на место моего появления и нашей первой встречи. Я вечерняя звезда, Диана утренняя, а вместе мы одна планета. Только мне это не нравится, потому что я и Диана — это совсем не одно и то же.

— А описания Звезды?

— Это все про меня, начиная с голоса, — невозмутимо заявила Маргарет, наклонилась к уху отца и заговорила плотоядно, слегка сонно, будто нежась в шелковых объятиях ароматной постели: — А-ах... я знаю, что мужчинам нравятся дамы с низкими грудными голосами и хрипловатым тембром... они кажутся доступными... ты уже чувствуешь, как твоя воля растворяется в моем голосе? Ты уже знаешь, что выполнишь любое мое желание?

Голос дочери исходил откуда-то из глубин ее существа и давил на сознание, вытесняя его область неконтролируемого.

— Маргарет, перестань, по мне гусиная кожа поползла. Я уже хочу сбросить скорость, но тут нельзя, мы попадем в аварию.

Она отстранилась и сказала обычным своим голосом:

— Это мурашки... Я потратила кучу времени, чтобы научиться петь сиреной. Ненавижу просить, особенно у мужчин, но внушать им то, что я хочу, совсем другое дело. Это как влезть в шкуру питона Каа и говорить с бандерлогами.

— А что насчет всего остального? — спросил Альфред и добавил из вежливости: — Пойми, мне сложно поверить, ведь мой отец тебя совсем не знал.

— Знал, раз описал меня так точно, — возразила Маргарет. — Про Пандору, надеюсь, все понятно, я уже взялась сыграть ее. Сценарий спектакля мне не дали, но это поправимо. Что там еще? Ах да, жемчужина. Это значение моего имени в переводе с греческого. Черная значит редкая, а то, что черный перламутр имеет богатую гамму пепельных оттенков — простая очевидность. И кстати, я брюнетка, это мое кредо, — она снова заглянула в зеркало. — Ужасный цвет... обязательно перекрашусь, когда будет время.

— Ты ночной мотылек?

— Вполне возможно, я люблю ночь. Кажется, мой дед знал обо мне больше, чем я сама; говоря о крови в огне, он, конечно же, имел в виду рубины. Обожаю эти камни. Просто дурею от них...

— А что с цветком?

— Пока не знаю, но узнаю обязательно.

— Почему важно хранить молчание?

— Относительно меня строят какие-то планы, поэтому болтать не следует. Про ключ к откровениям ничего не понятно, кроме того, что он не один. Второй спрятан в письме для Мариэн Гарднер. Теперь скажи, что за тайна тебя беспокоит?

— Это... связано с тобой, Дианой и моим сном восемнадцатилетней давности.

— Вернемся к этому позже, а что со вторым письмом?

Альфред с осуждением посмотрел на Маргарет, собираясь укорить в любопытстве, но

снова промолчал. Блеск в ее взгляде напомнил ему голодную кошку, которая увидела лакомство в руках человека и уже знает, что это для нее.

— Второе письмо запечатано.

— Самое время распечатать, — сказала она, будто речь шла о конфете в обертке.

— Нет! — решительно возразил Альфред, — это письмо адресовано моей матери.

На капот джипа запрыгнула черно-белая кошка. Ступая мягко и неторопливо, она подошла к лобовому стеклу и уселась прямо перед девушкой.

— Привет, чего тебе? — спросила Маргарет, всматриваясь в кошачьи глаза.

Животное приоткрыло пасть, издавая какие-то звуки, но в салоне джипа их не было слышно.

— Какую еще птичку? — сердито спросила Маргарет.

Кашка беззвучно мяукнула, лениво поднялась и спрыгнула на асфальт. Альфред, скептически наблюдавший за этой короткой беседой, спросил не без иронии:

— Неудачные переговоры?

Маргарет равнодушно пожала плечами:

— Она хочет, чтобы я посадила птичку в клетку.

Альфред молча отвернулся и завел двигатель. Неторопливо выехав на 5-ю Западную улицу, он сообщил тоном участливым и мягким:

— Маргарет, милая, мне крайне интересно все, что происходит с тобой и Дианой, но если вздумаешь шутить так в присутствии мамы, то в нашем доме соберутся все психиатры Калифорнии.

Улица плавно перешла в съезд, нырнула под несколькими эстакадами и вывела на автостраду Харбор. Маргарет разглядывала дорожные указатели, небоскребы и редкие пальмы, проплывающие за окном.

— Сейчас бы искупаться, — мечтательно сказала она. — Далеко отсюда до побережья?

— По этой дороге минут тридцать до Пирса Санта-Моники, но вода еще холодная.

— Хоть бы ножки помочить. Никогда не видела океан.

— Тогда музей подождет. Оставим машину на стоянке у аквариума и прогуляемся по пляжу.

Маргарет радостно заулыбалась:

— Спасибо, пап, ты не представляешь, как мне этого хочется.

От благодарности дочери и ее чарующей улыбки на душе у Альфреда потеплело. Тревога за Диану, которая непостижимым образом исчезла и в то же время находилась рядом, немного отлегла. Ему вдруг почему-то вспомнилась Ванесса, но тут заиграл телефон.

«Это мама... Что ей нужно?»

— Маргарет с тобой? — без предисловий спросила Мариэн.

Он коротко подтвердил, скрывая свое удивление от ее осведомленности.

— Прошу тебя, Альфред, будь с ней откровенен. Впрочем, если хочешь нажать себе врага, сделай наоборот. Пожалуйста, передай ей трубку.

Альфред отдал телефон дочери и пояснил, кто будет с ней говорить. Она бросила на отца быстрый косой взгляд и заметила его жадный интерес.

Мариэн представилась, приветствовала внуку, выразила свое удовольствие несколькими искренними фразами и перешла к делам насущным:

— Звонила Джулия Сандерс из библиотеки и очень лестно отзывалась о твоей эрудиции в вопросах оккультного символизма. Мне было приятно слышать похвалы в твой адрес, но я

знаю, что ты не открыла посторонним и десятой доли своих талантов. Мы обязательно поговорим, когда представится возможность, а пока старайся не привлекать к себе внимание. Это довольно опасно. Твоего появления ждали и обязательно попытаются вовлечь в темные игры...

— Думаю, им уже удалось...

— Ни слова больше, милая, — мягко предостерегла Мариэн. — Будь осмотрительна, не доверяй никому, кроме родных, и еще... Пожалуйста, напомни Альфреду о поездке с Эрикой.

Маргарет с удовольствием слушала Мариэн Гарднер; та говорила на идеальном русском языке, без акцента, слегка повелевала, делала это естественно и привычно, по праву женщины, которая знает о своей исключительности, но не желает выставлять ее напоказ. Маргарет слушала спокойный голос женской мудрости и думала, что именно такое впечатление хотела бы производить сама. Люди должны понимать — она приглушает блеск своего ума густой вуалью просто потому, что не желает ослеплять всех подряд.

Мариэн сказала все, что считала необходимым, и попрощалась. Маргарет отдала телефон и передала отцу ее просьбу. Некоторое время они молчали, думая каждый о своем. Наконец Альфред заговорил:

— Моя мать уверена, что конфликт между тобой и Эрикой неизбежен, но отец дал мне поручение, — Альфред похлопал рукой по внутреннему карману с письмом. — В ближайшие дни я буду занят. Тебе придется побыть Дианой. Сумеешь?

— Еще одна роль? — усмехнулась Маргарет.

— Это просто. Представь себе Белоснежку и Королеву, но не злую, как в сказке, а слишком заботливую, чтобы позволить дочери быть самостоятельной. Только учти — переигрывать нельзя. Эрика замечательная актриса и почует фальшь, как акула кровь.

— Я чувствую Диану..., знаю, как бы она поступила в той или другой ситуации, но роль Золушки не в моем амплуа.

— Амплуа, это рамки, в которые заключен талант. Хорошая актриса выше любого амплуа, она может сыграть кого угодно.

— Не уговаривай, я не стану притворяться беспомощной.

Альфред тяжело вздохнул.

— Тогда нам следует подготовиться к Армагеддону.

— Извини, но все умрут, — со спокойствием камня сказала Маргарет и серьезно спросила: — На каком кладбище у нас выкуплен участок? Там достаточно места для тебя, меня и мамы? Если нет, то нужно докупить и подумать о том, в какой последовательности мы будем хоронить друг друга.

— Маргарет, прекрати, — мрачно процедил Гарднер, — это совсем не смешно.

— А меня распирает от смеха! — вдруг вспыхнула она. — Дьявол всерьез предлагает мне роль Пандоры в обмен на ее красоту; Эпиметей хочет, чтобы я была пай-девочкой; Прометей прячет от меня огонь. Какого черта тут происходит? Почему всем надо, чтобы я прикидывалась дурочкой? Знаешь, что? Я подумала и решила: я буду играть только себя!

— Маргарет, у тебя истерика.

— Просто выпустила пар, мне было это нужно.

— О каком дьяволе ты все время говоришь?

— Его зовут Дионис Парва, он имеет какое-то отношение к церкви Сатаны.

— Так это он дал тебе деньги на салон красоты?

— Оставь эту версию, она ложная, — Маргарет осмотрелась. — Я хочу пить.

Альфред достал из дверного кармана бутылку с водой и отдал дочери. Она взяла из сумочки салфетку, увлажнила ее и принялась протирать кожу вокруг глаз. Краски было мало, Диана лишь слегка подводила стрелки и накладывала немного теней на веки.

Маргарет посмотрела на отца и спросила:

— Теперь похоже, что у меня есть или был дорогой профессиональный макияж?

— Значит, ты меня не обманывала?

— Лжет Диана. Всегда из страха и неуверенности. Я другая, могу умалчивать, но если говорю, то исключительно правду. Это касается только моих близких, и того же я требую от них, независимо от того, думают ли они «до» или «после», — Маргарет холодно взглянула на отца. — Очень надеюсь, что мне не придется тебе это повторять.

Альфреду понравилась прямота дочери, однако беспокойство не прошло.

— Но твоя внешность... я ее вижу, ты действительно другая.

— Красота Пандоры иллюзорна, ее видят все, кроме меня.

— Кто этот Дионис Парва? Что ему было нужно от тебя?

— Он предложил мне найти то, что спрятано, дал подсказки, пообещал награду и заплатил иллюзорный аванс. Все это похоже на мошенничество или даже на попытку сделать из меня комнатную собачку. Не волнуйся, я справлюсь, но от помощи не откажусь. Мне надо узнать побольше об этом мужчине. На вид ему лет тридцать, красивый, темноволосый, одет со вкусом, дорого, на левой руке кольцо с каплевидным рубином; умен, эрудирован, красноречив, с хорошими манерами, слегка театральными, но это его не портит.

— Какую награду он тебе обещал?

— Что может пообещать амбициозной девушке тип, смахивающий на Мефистофеля? Разумеется, красоту, корону, привилегии... — она помолчала, глядя на дорожное полотно, устремленное в перспективу. — Оставим это. Я еще не выяснила все, что мне нужно, поэтому не приняла никаких решений.

— Значит, Дионис Парва... Чем еще я могу быть тебе полезным?

— Помоги разобраться в наших семейных тайнах. Расскажи о своем сне.

Альфред взглянул на часы и этим выдал свое нежелание пускаться в длинный рассказ, но отказывать в просьбе дочери ему тоже не хотелось.

— Это было в ночь на первое мая, в мой тридцать четвертый день рождения. Из сна я узнал, что в одной дочери получу двух — божественную жемчужину из воды и огня.

— На латыни имя Дианы означает «божественная», а моё переводится с греческого как «жемчужина», — с интересом заметила Маргарет. — Получается, что имена дочерей были предсказаны тебе во сне.

— Чтобы понять это, мне понадобился не один год.

— Значит, ты родился в Вальпургиеву ночь. Интересно.

— Ты и на это обратила внимание, — Альфред качнул головой, отдавая должное прозорливости дочери. — Мой отец полагал, что сны говорят образами — особым языком, на котором бесконечность общается с душами людей. В ее речах нет места для лжи и суетных мелочей. Бездна всегда вещает о главном... — он вдруг вспомнил совет матери насчет откровенности. — Знаешь, я, пожалуй, расскажу тебе о моем сне подробно, так что приготовься слушать, это будет долго.

Глава 14. Лунная серенада

Альфред вел машину и рассказывал дочери о сне, который привиделся ему до ее рождения. Он начал с того момента, как почувствовал себя в шкуре зверя, и продолжил до самого конца, не утаив ничего, в том числе и напутствие черной тени.

Маргарет слушала не перебивая, иногда закрывала глаза, будто представляя себе то, что привиделось отцу. Когда он закончил, она долго молчала.

— Красивая и сильная женщина, ее мерзкая свита из мелких и крупных грехов, обнаженный танец, буйная сексуальность, дитя в огне, черная лента на талии, бессилие ее избранника в деле зачатия — как следствие бесплодия ее самой... все это атрибуты Лилит в коллективном мужском сознании. На ней висит ярлык «убивающая младенцев». В переводе с аллегорического это называется абортом.

— Твоя бабушка полагает, что ты моя нерожденная дочь.

— О, про меня уже сложили городские легенды! А что в них сказано о знаке на теле малышки? Как он выглядел?

— Как число 69 или две спирали, закрученные друг в друга. Найди маркер и листок бумаги в бардачке. Остановимся, нарисую. Что еще привлекло твое внимание?

— Вальпургиева ночь — это время сбора ведьм на шабаш у костра... — Маргарет вдруг вспомнила слова Диониса Парвы и невольно произнесла их вслух: — *...числа неразборчивы, за ними костры и пляски ночных теней.*

— О чем ты?

— Пока не знаю, — отмахнулась она. — Первое мая, это еще и день христианской святой Вальбурги Хайденхаймской. Улавливаешь двойственность?

— Святая и ведьмы... странный салат.

— Если говорить о религии... скорее всего, папа Адриан Второй следовал политической аксиоме «Не можешь запретить — разреши, но под своей вывеской», поэтому намеренно канонизировал Вальбургу в день языческого праздника Весны. Это религиозный плагиат, та же история, что с Венерой, тут важно другое. Твой сон похож на миф о двух дочерях; одна из них святая, другая проклятая. Здесь и антураж противоположностей — ночь ведьмовских шабашей и день христианской святой. Тут как бы дополнительный вес для убеждения, ведь сны в Вальпургиеву ночь считаются вещими. С одной стороны, это можно списать на мистику, с другой — похоже на сценарий, режиссерский замысел. Манипуляцию, если угодно. Скажи, твой сон повлиял на какое-то важное решение?

Альфред вновь кивнул, не отрывая взгляда от дороги:

— Повлиял, но эта тема пока закрыта.

— Могу рассказать про аллегория зверя в природе, если хочешь, — она взглянула на отца, получила от него утвердительный кивок и продолжила: — Этот зверь символизирует похоть самца; он силен, но слеп, бежит по запаху, подчиняясь инстинкту. Однажды он натывается на стену, за которой находится сознательная взрослая жизнь. Его туда не пускают, потому что он натворит там бед и, скорее всего, погибнет сам. Это порог экзистенциального кризиса или время переоценки. Зверь встает на две ноги, превращается в человека, ему открывается вид на мрачную чашу его бездумных деяний, которые нужно переосмыслить.

— Дальше не нужно, ты права, но я не хочу переживать все это заново.

— Есть еще кое-что... очень деликатное, то, о чем Диане лучше не знать, — она посмотрела на отца. — Уже догадался или дать подсказку?

— Не надо, — по лицу Альфреда скользнула тень старой боли, внезапно поднявшейся из нижних казематов души; он крепко сжал руль, выпрямил руки и уперся затылком в подголовник кресла. — Я не должен говорить об этом.

— Забыли, — Маргрет пригубила воды из бутылки. — А когда ты узнал об аборте?

— В тот самый день, 1 мая 1992 года. У Эрики была соперница, имевшая на меня виды; она знала про аборт, поэтому не сдалась даже через год после нашей свадьбы. Лиз Стоун, так ее звали, рассчитывала на развод. Она под невинным предлогом заявила на семейное торжество и спровоцировала конфликт. Скандал был знатный, но его участниками и свидетелями стали только я, Эрика и Лиз. Тогда-то она и выдала секрет об аборте. Лиз выбежала из комнаты, мы с Эрикой остались вдвоем; у нас состоялся серьезный разговор...

— Теперь понимаю, почему ты не поехала со мной в Италию! Ты решила избавиться от ребенка!

— Ты сам подтолкнул меня к этому своим отъездом! Я сомневалась до последнего! Мне было страшно! Беременной я сразу перестала бы тебе нравиться! А эта мерзавка Лиз охотилась на тебя! Я не могла дать ей преимущество! Что мне оставалось?

— Если бы ты сказала о своей беременности, то я сделал бы предложение раньше, еще до поездки!

— Откуда мне было знать? — Эрика начала заламывать руки. — Я чувствовала, что ты готов к женитьбе, но через пару месяцев, а тут эта неприятность... и такой удобный момент, чтобы все исправить. Я боялась, что ты передумаешь!

— Разве я давал тебе поводы усомниться в моих чувствах?

— Что?! Ты был неуловим! Быть с тобой уверенной в чем-то серьезном было невозможно! Я не хотела внебрачного ребенка!

— Наше равнодушие друг к другу было игрой!

— Вот мы и доигрались, — обреченно сказала Эрика.

Альфред с тяжелым вздохом присел на стул.

— Не могу понять, как ты решилась на это...

— Как? Да что это за невеста с животом, боже мой! Я совсем не так представляла себе главное событие в моей жизни! Все мои планы свадебного торжества летели к черту! А медовый месяц? А свадебное путешествие?

— Эрика, — он взял руку жены и опешил.

Красивые глаза ее были полны слез, показавшихся ему серебряными; это были очищающие слезы раскаяния. Альфред вспомнил события из своего сна и напутствия черной тени. Он пристально смотрел на жену и чувствовал, что по-прежнему любит ее, хочет детей и будет хорошим отцом.

Эрика сочла перемену во взгляде мужа за приговор.

— Теперь ты меня презираешь, — обреченно сказала она и в порыве раскаяния опустилась перед мужем на колени: — Прости меня, прости! Я поступила гадко!

Альфред не пытался остановить этот приступ самоуничтожения, который для характера Эрики был чем-то фантастическим. Гарднер опустился рядом с ней, стал на одно колено и молча обнял; она уткнулась ему в плечо, вздрагивала, всхлипывала и тоже молчала.

— У нас будет девочка, — уверенно сказал Альфред.

— Не будет, — она посмотрела на мужа, и он в первый раз в жизни увидел ее глаза

красными и заплаканными. — Может случиться так, что я больше не смогу родить.

— Неужели все так плохо?

— Доктор сказал fifty-fifty.

— Будем надеяться... ведь я все равно люблю тебя, — он обнял ее голову ладонями и поцеловал в губы.

Лицо Эрики, несмотря на потекшую тушь, было красивым и каким-то особенно лучезарным от искренней благодарности мужу; в этот момент она, не раздумывая, пошла бы за ним куда угодно, хоть на верную смерть. Альфред серьезно сказал:

— У меня есть кое-что получше надежды.

— Ребенок от другой женщины? — всхлипывая, предположила Эрика.

— Нет, у меня есть уверенность.

— Я не понимаю...

— У нас будет дочь, это предопределено.

— Кем предо... — судорожный вздох помешал ей говорить, но она продолжала, вытирая слезы: — Откуда она возьмется?

— Родится, наверное, — улыбнулся Альфред, сглаживая наивность ее вопроса. — Это будет девочка с маленьким родимым пятнышком на груди.

Джип миновал скоростную автостраду Санта-Моника, съехал в сторону Олимпийского бульвара и свернул на Четвертую улицу. До пирса оставалось немного, дорога сузилась, появились светофоры. На одном из них Гарднер взял приготовленный маркер и нарисовал число 69.

— В моем сне знак был таким. Я решил, что это символ зодиакального рака, но на твоем теле два кружка сблизились, и пятнышко стало похоже на букву S, — пояснил он, заново рисуя цифры.

Маргарет взглянула на рисунки и убрала их в сумочку. Альфред продолжил рассказывать:

— В тот же день, первого мая, но утром, еще до скандала, у меня состоялся разговор с отцом. Я упомянул о божественной жемчужине, но он прервал меня и запретил рассказывать. Он что-то знал о тебе и Диане.

— Он интересовался судьбой принцессы Уэльской?

— Откуда тебе известно? Я говорил об этом только Диане.

— Сама не понимаю... это как бы из ниоткуда, — Маргарет начала вспоминать вслух то, чего никогда не знала: — Он увидел пятнышко на груди ребенка... Дианы... и тогда назвал ее принцессой, а потом затеял ремонт.

— Все верно, об этом я рассказал Диане сегодня утром! — воскликнул Альфред и ужаснулся: — У вас общая память!

— Очаровательно, — Маргарет нахмурилась. — Я не смогу утаивать от Дианы то, что знаю, даже если обмотаю свою голову алюминиевой фольгой.

— Проедем это, говори дальше.

— Диана не делает выводов. А я делаю! Очевидно, Винсент Гарднер был посвящен в тайну моего... нашего с Дианой рождения, но формулировка этой тайны была двусмысленной, и он перепутал. Такое случается с трактовкой пророчеств, написанных особым языком иносказаний. Мой дед решил, что принцесса из пророчества — это Диана Уэльская, но после появления маленькой внучки понял, что ошибался.

— Я думаю, так и было! Я сказал отцу, что знак на теле малышки был похож на знак

зодиакального Рака, а Диана Уэльская родилась первого июля. Она Рак по гороскопу, и отец наверняка знал об этом!

— Все проясняется, если сложить усилия. Идем дальше. После прозрения относительно своей ошибки Винсент Гарднер сообщил об этом в письме, которое ты получил спустя семнадцать лет. Это означает, что ему запретили открывать тайну раньше назначенного дня, а именно 27 мая 2010 года. Возможно, сам автор пророчества поставил это условие. Мой дед понимал, что времени у него мало, и под видом ремонта соорудил в доме надежный тайник, где спрятал свой секрет. Ключ к этому тайнику, скорее всего, находится во письме для Мариэн Гарднер. Нам остается вскрыть его прямо сейчас или ждать до 27 мая.

— Я не стану вскрывать письмо раньше времени, — уверенно возразил Альфред.

— Наверно, это правильное решение, если учесть, что сам Винсент Гарднер относился к этому очень серьезно, — неохотно признала Маргарет. — Придется ждать целую неделю, но мы уже кое-что знаем и никому об этом не скажем.

Альфред вдруг помрачнел и с досадой прихлопнул ладонью по рулю:

— Боюсь, молчание нам не поможет, тайник уже пуст, — он шумно вздохнул и рассказал дочери историю о ночной краже из сейфа, спрятанного за скульптурой Амура и Психеи.

Выслушав отца, Маргарет нахмурилась:

— Кто-то добрался до секретов Винсента Гарднера раньше нас...

Альфред начал вспоминать вслух:

— Отец затеял ремонт незадолго до своей смерти, в 1993 году. Тогда в холле и появилась копия скульптуры, а с ней и домашний сейф. Следов взлома не было, вор имел аварийный ключ или знал код, поэтому полиция сразу отработала версию установщика. В сейфовой фирме подняли старые накладные, выяснилось, что мастер, выполнявший заказ, умер еще в девяносто пятом. Это был пожилой и опытный работник с безупречной репутацией, но даже если он кому-то и проговорился, то выходило, что злоумышленник выгадывал момент для преступления целых четырнадцать лет.

— Может, украли не документы, а ключ от банковской ячейки?

— Нет, нет, — поспешно возразил Альфред, — ключ от ячейки всегда хранится в банке и никогда не покидает его пределов.

— А каким был кодовый замок на сейфе?

— Механический, со шкалой на сто делений. После кражи стрелка указывала на число девять.

Маргарет начала неторопливо рассуждать:

— Допустим, Винсент Гарднер никому не рассказывал о потайном сейфе. Он доверил свой секрет письму, письмо — банковской ячейке, а это значит... — она помолчала, формулируя следствие из посылки, но вдруг отвлеклась: — Мне померещилось, или в дате на втором конверте перед числом девять стоит ноль?

Альфред достал письмо и показал строчку: вручить мисс Марии Улановой 27 мая 2010 года, ровно в 09 часов утра.

— Так и есть, — продолжила Маргарет, взглянув на конверт. — Допустим, дата и время — это код от сейфа. Вор ввел комбинацию 27-20-10-09, открыл дверцу, и тут завывла сирена. Он больше не крутил ручку, ему было не до нее, поэтому она и осталась на девятке. Если все так и было, то банковскую ячейку Винсента Гарднера кто-то вскрыл до тебя. Он и есть тот, кто нам нужен.

— Или она... — мрачно вставил Альфред, вспоминая Ванессу.

Маргарет вскинула тонкие брови.

— Есть идеи?

— Пока только догадки.

— Письмо мог вскрыть тот, кто работает в банке. Если, конечно, его не ограбили за последние полгода. Тогда вор или тот, на кого он работал, вскрыл и второй конверт.

— Скорее всего.

Маргарет, понимая, что отец по каким-то причинам не торопится делиться с ней своими догадками, вкрадчиво добавила:

— А если вор не из банка? Правило «*Cherchez la femme*» никто не отменял.[1] Где седина в бороду, там и бес в ребро; моего деда могла охмурить женщина...

— Исключено! — убежденно возразил Альфред. — Я знал отца как примерного семьянина, ему было за восемьдесят, последний год он сильно болел... К тому же по договору взять ключ от банковской ячейки мог только он и никто другой. Это при его жизни, а на случай своей смерти он оставил список допущенных к содержимому ячейки; в нем числятся лишь четверо близких родственников: я, моя мать, Эрика и Диана.

Маргарет подозрительно прищурилась, глядя на отца:

— Может, женщина охмурила не моего деда, а тебя?

— Нет, я узнал о сейфе лишь в день ограбления и... — Альфред замешкался, все еще думая о внучке Годвина Терри.

Маргарет вновь уловила его колебания, на этот раз интуитивно поняла их причину и потребовала:

— А ну-ка быстренько выкладывай, что за пиявка к тебе присосалась?

— Она представилась служащей банка... — нехотя сообщил Альфред.

— Неужели того самого банка, в котором твой отец арендовал ячейку для хранения своих секретов? — в тоне Маргарет звучала откровенная ирония.

— Да, но она не служащая, а скорее хозяйка...

— Владелица казино претворилась крупье? Очаровательно! — Маргарет торжествовала и не срывала лихорадочного интереса. — И какие крапленые карты она тебе сдала?

— Она выглядела дружелюбной и сказала, будто отец поручил ей передать мне что-то...

— И ты до сих пор не узнал, что именно?! — возмутилась Маргарет.

— Разумеется, нет! — вспыхнул Альфред. — Мы разговаривали с ней всего пару часов назад! Это была наша первая и единственная встреча! Потом она ушла, я получил ценности из ячейки, потом читал письмо отца, потом встретил тебя у бассейна...

— Она красивая? — вдруг тихо спросила Маргарет, пристально глядя на отца, но, заметив, что он хмурится, догадалась сама: — Видимо, да, раз ты так пылко оправдываешься. Мне даже захотелось на нее взглянуть.

Альфред глубоко вздохнул и выдохнул с рычанием.

— Мало мне Эрики с ее ревностью, и ты туда же!

— Тихо! — Маргарет подняла пальчик, немного прибавила громкость проигрывателя и прислушалась к мелодии. — Это Лунная серенада в исполнении Фрэнка Синатры, — она вновь посмотрела на отца. — Слышишь?

— Слышу, — буркнул Альфред.

— Это серенада о любви, *my darling*,[2] — наставительно пояснила она, — и поет ее мужчина, хотя текст написан для женщины. Песня стала популярной после премьеры

мюзикла «Серенада солнечной долины», ее исполнила Линн Бари. Сюжет фильма помнишь?

— Любовный треугольник, — неохотно ответил Альфред.

— Тема вечная и злободневная, — с иронией заметила Маргарет, — но главное в том, что вся эта романтическая чепуха вышла на экраны в августе сорок первого — на третий год Второй Мировой и спустя месяц после начала Великой Отечественной. Теперь понимаешь?

— Что я должен понимать? — в тоне Альфреда звучало легкое раздражение.

— Тут война, вот что! Поэтому никаких розовых соплей и треугольных измен быть не должно! Ясно?! У нас появилась конкурентка! Она хочет овладеть тайнами Винсента Гарднера не меньше нашего! Не удивлюсь, если она уже прочитала оба письма и ознакомилась с содержанием документов из секретного сейфа. Вот только ей этого мало, поэтому она расставила для тебя медовую ловушку.

— Зачем? — невольно вырвалось у Альфреда; он скорее спрашивал самого себя и не ожидал ответа.

— Это ее лунная серенада в солнечной долине, — Маргарет приосанилась, возложила руку на плечо отца и напутствовала высокопарным тоном: — Знай же, что долина эта пролегает меж двух соблазнительных холмов и уготована для твоей гибели. Если ты пойдешь и долиною смертной тени не убоишься зла... потому что Я с тобой...[3]— она выдержала долгую паузу и царственно повелела: — Теперь, отец наш, рассказывай про эту доброжелательную пиявку все, что тебе известно.

Альфред усмехнулся в усы и осуждающе покачал головой. Ему понравилась наглость представление дочери, но то, что она влезла в самое нутро его тайных мыслей, думать которые он боялся сам, оставило неприятный осадок:

— Аферистка.

— Афера — это рискованное предприятие с целью личной наживы. Я стараюсь не только для себя, — наставительно заметила Маргарет и пригрозила: — Рассказывай про пиявку, или я закачу тебе такую нотацию о моральной чистоте помыслов, что ты заплачешь слезами праведника и как человекам положено однажды умереть, а потом суд!

Гарднер взглянул на дочь и не удержался от смеха. В глазах ее горели озорные огоньки, губы сложились в коварную улыбку; она была похожа на хитрую лису, которая уже стащила одну курицу и намерена умыкнуть вторую.

Посмеявшись, Альфред успокоился, потер руками руль и добавил к своему рассказу подробности о детской влюбленности Ванессы, ее происхождении из богатой семьи, затем упомянул о скандальной репутации «колючей розы из вороненой стали» и ненароком вспомнил, как при их первой встрече она вышла на солнечный свет из темного коридора.

— Ванесса?.. Не прошло и часа, а я слышу это имя во второй раз... — Маргарет задумалась ненадолго и взялась рассуждать: — Если она прочитала письмо, то вполне могла обыграть свое появление так, чтобы соответствовать описанию Винсента Гарднера — появиться на границе между светом и тенью. Трюк довольно простой и рассчитан на внешний эффект. Ванесса хочет, чтобы звездой Утренней и Вечерней считали именно ее. Ты ничего не забыл мне сказать?

Гарднер пожал плечами и тут вспомнил о визитке. Маргарет взяла ее и воскликнула, едва увидев треугольный рисунок:

— Это сигил Люцифера! Она люциферианка! Последовательница древнего культа прометеевских гностиков!

— Сатанистка? — равнодушно предположил Альфред, следя за дорогой. — Охотно

верю, что-то в ней такое есть...

— Не-ет, — со значением протянула Маргарет, — люцифериане это кое-что посильнее придурков, которым нравятся рогатые звезды, козлиные головы и ритуальные оргии при свечах. Животный сатанизм предназначен для черни, для толпы; богоборческая паства, это просто рабочий скот, а вот люциферианство — привилегия высших служителей дьяволического древа. Они не ведомые, они поводыри, серые пастухи. Дьявол наделил их тайным знанием, Сатана дал им силу, чтобы добиться власти и богатства, а Люцифер помогает сберечь все это. Только покровительство всей троицы гарантирует неуязвимость — полную безнаказанность.

— Откуда ты все это знаешь?

— Оттуда, — Маргарет ткнула пальчиком вверх. — Я чувствую связь с изобретателями системы, знаю ее устройство в общих чертах, но пока не понимаю, зачем я здесь.

Широкая полоса песчаного пляжа, прилегающая к автомобильной стоянке у пирса Санта-Моники, привела Маргарет в неопиcуемый восторг.

— Какой огромный пляж! Это целая пустыня! — восхищенно воскликнула она, глядя вдаль на узкую кромку воды между небом и песком. — Сколько футбольных полей нужно пройти до океана? Пять? Десять? К вечеру доберемся? — она скинула босоножки и с радостным визгом побежала вперед.

Альфред умиленно улыбнулся, подобрал их и пошел к полосе прибоя следом за дочерью.

Мелкие волны тихо накатывали из необъятной водной глади, сливающейся с небом. Пологое песчаное дно было ровным, как гигантский поднос, уходящий в океан на несколько сотен метров. Альфред смотрел вдаль, стараясь держать в поле зрения фигурку дочери. Находясь в полусотне метров от берега, она ступала по колено в воде... и вдруг исчезла.

Альфред побежал по воде в диком ужасе от того, что может потерять правильное направление или пропустить место, где она упала.

«Кричать бесполезно, она не услышит под водой. Глупец! Зачем я отпустил ее так далеко! Идиот!»

Он добежал быстро. Эфемерная точка на необъятной водной глади — место падения Маргарет было где-то рядом. Правее? Левее? Впереди? Альфред стал мысленно говорить с всевышним, имени которого никогда не произносил. Он клялся, обещал, умолял дать шанс, знак, намек и вдруг увидел чайку. Птица снижалась к воде. Ему показалось, что там, куда она устремилась, что-то выступало над поверхностью. Он бросился наперерез чайке и почти сразу увидел дочь, она лежала в океанской воде, как спящая царевна. Маргарет упала на спину, а не лицом вниз; в месте ее падения глубина была по колено; девушка не тонула, она лежала на песчаном дне, как в ванне.

Чайка покружила и улетела. Альфред поднял дочь из воды и понес на руках к берегу. Она была без сознания, но дышала размеренно и спокойно, будто во сне... и вдруг открыла глаза.

— Я видела подлунный мир истин, — мечтательно сказала она.

— И как там?

— От храма осталась только одна колонна... когда в ночи от факелов тенями пляшет тьма, собаки гончие становятся волками... в их окружении проклятая богиня-охотница носится между руинами и призраками... ее волки жаждут крови, — Маргарет положила руку на грудь отца. — Пап, опасности не было, я почувствовала, как ты за меня испугался, и

попросила чайку подсказать.

— У тебя все под контролем? — спросил он, устало улыбаясь.

— Не все, но я работаю над этим.

Альфред положил промокшие ботинки с носками на капот, достал из машины пляжное покрывало и отдал дочери, чтобы она могла снять и высушить платье. Спустя час, перекусив в прибрежном ресторанчике морской кухни, они вернулись к джипу. В этот раз Маргарет, наполненная впечатлениями, устроилась на заднем сидении. Альфред выехал на автостраду и только тут заметил, что дочь мирно спит, подложив под голову рюкзак.

[1] *Cherchez la femme* (франц.) — буквально «ищите женщину».

[2] *My darling* (англ.) — мой дорогой.

[3] Оригинальная цитата: Если я пойду и долиною смертной тени, не убоюсь зла, потому что Ты со мной; Псалом 22:4.

Глава 15. Красота Пандоры

— Смотри, твоя птичка улетела.

Диана заговорила со звонкими нотками в голосе:

— Ты меня обманываешь, маленький бог! Это была не птичка, а просто цветок! Ты лгал о моей красоте, и теперь я не смогу тебе верить. Даже если очень захочу!

Она отвернулась и не заметила, как на розовощеком лице Амура появилось выражение печального сострадания; он выдохнул, обмяк и захлопнул свои глаза-бусины, будто уставшая кукла.

— Не молчи, — буркнула Диана.

Мальчик ожил и залепетал уговаривающим тоном:

— Красота — это божественный дар и испытание одновременно, она, как истина, озаряет мудростью или ослепляет до безумия; может стать наградой или наказанием; способна подарить бессмертие в веках или обручить со смертью в расцвете жизни. Очень немногие выдерживают тяжесть этой ноши...

— Если не скажешь, кто спрятал мою красоту, то я буду спать до тех пор, пока меня кто-нибудь не разбудит!

— Принцесса хочет стать спящей красавицей? — малыш прикрыл губы ладошкой и замер, испуганно моргая. — Когда спящие красавицы просыпаются, они ведут себя как зомби! Это ужасно, ужасно! Очнувшись, они вытягивают руки для объятий и плетутся за тем, кто их поцеловал!

— Хватит! Отвечай, куда делась моя красота?!

— Ой, ой, что делать болтливому Купидону? — малыш с размаху плюхнулся на животик, уткнулся носом в ее коленки и пробурчал: — Венера будет недовольна, а когда она сердится, плохо всем, даже мне. Неужели ты меня не пожалеешь? — Мальчик поднял розовую мордашку, посмотрел на девушку одним глазом, понял, что выпросить сострадание не удалось, и скорчил уморительную гримаску отчаяния.

Диана невольно улыбнулась.

— Проказник, ты притворяешься! Значит, это Венера спрятала мою красоту?

— Спрятала красоту... — шепотом повторил малыш, — я ничего не говорил, а ты ничего не слышала.

Диана поджала губы и лукаво посмотрела на малыша.

— Немедленно расскажи о моей тайной красоте, и я сделаю вид, что не слышала то, чего ты не говорил.

— Честно, честно? — с надеждой спросил Амур.

— Разве можно обманывать бога любви? — искренне удивилась Диана.

— Ну хорошо, только я не буду рассказывать, а покажу, — малыш взмахнул ладошкой, книга на кровати превратилась в квадратное зеркало в тяжелой оправе. — Это атрибут Венеры, я взял его без разрешения, — он с усилием развернул к Диане зеркало, опутанное розовой лентой: — Смотри, только быстро.

Девушка повернулась набок, подперла голову рукой и заглянула в размытое отражение. Взгляд Амура заскользил по изгибам линии девичьей фигуры — от ступней по ноге на вершину бедра, затем опустился во впадину талии, вновь поднялся вверх по выступающей ступени плеча и еще выше к грациозной шее.

— Венера с зеркалом, — заморожено прошептал мальчик и вдруг забеспокоился: — Диего?[1] Да, она божественна, а твоя кисть достойна... Анна Домина?[2] Танцовщица? Нет, твоей музой станет Фламиния Тривио.[3] Благодаря ее любви к живописи ваш творческий союз принесет чудесные плоды. Любовь и красота порождают друг друга.

Амур вынул из колчана голубую стрелу, вложил ее в лук и пустил в круглое зеркало на стене. Стрела прозвенела в воздухе и исчезла за зеркальной гладью, слегка колыхнув ее поверхность.

— Диего, не рисуй Венеру в диадеме! Ай, ай, он все-таки сделал это...

— С кем ты там разговариваешь? — безучастно спросила Диана, вглядываясь в мутную поверхность волшебного атрибута.

— Я? — рассеянно переспросил мальчик. — А-а... с Веласкесом. Он вдохновился на шедевр и первым изобразил богиню в облике смертной женщины. О нет, это не было кощунством! Нет, нет! То был восхитительный комплимент божественной Венере, но Диего нарисовал ее в диадеме — атрибуте волшебницы Весты! Она рассердилась и наслала на холст проклятье красоты: после смерти художника все богатые ценители, приобретавшие *Венеру с зеркалом*, словно переходящий приз, разорились. Картина явила людям простую истину — красотой нельзя торговать или обладать единолично.

— Хватит водить сюда художников, я не натурщица, — отвлеченно пожурела Диана, разглядывая свое отражение в зеркале.

— Это не я, — он погладил пальчиком медную оправу. — В зеркалах таятся общие грани реальностей, они способны накапливать и сохранять энергии, искажать пространство, а иногда и время. Они как проходы в лабиринте, но Пандора скоро сорвет с ящика защитную печать, и тоннель превратится в окно.

— Раз это окно, значит, его можно закрыть. Я не хочу жить, как рыбка в круглом аквариуме, на нее глазают со всех сторон, а она видит только размытые пятна за кривым стеклом.

— Это удел тех, кто не желает просыпаться.

— Ах, ах, я не хочу об этом думать. Лучше скажи, почему зеркало Венеры такое мутное? Черты лица смазаны. Я себя не вижу!

— Я размыл отражение, чтобы Веласкес не увидел лица прекрасной Дианы, иначе он не смог бы влюбиться в свою Фламинию, — малыш раздвинул витки розовой ленты. — Вот! Теперь смотри.

Туман исчез. С противоположной стороны зеркальной плоскости на Диану смотрела очень похожая на нее чудесная дева. Ее красота была ангельской, сочетала в себе силу природы и благородство высшего творения, наделенного бескрайним очарованием небес, чистых и глубоких.

— Теперь ты поняла, почему я был неловок и упал?

— Ах, — Диана даже не услышала вопроса, — девушка в зеркале... она повторяет мои движения. Неужели это я?

— Упс, зеркало пора вернуть, пока Венера не хватилась, — Амур сделал пасс, квадратное зеркало исчезло.

— О, нет! Она пропала! — Диана издала тихий стон и уронила голову на подушку.

— У-у-у, — вновь тревожно протянул Амур, — юная дева зачаровалась своим отражением. Так и в нарцисс превратиться недолго. Ау, принцесса, ты тут? Очнись!

В Лос-Анджелесе было уже пять часов вечера, когда белый джип, за рулем которого

сидел Альфред Гарднер, миновал западные ворота Бель-Эйр на Сансет и Белладжио.

— Маргарет, пора просыпаться, — он вдруг подумал, что не знает, какую из двух дочерей пытается разбудить. — Ау, принцесса, очнись! Мы почти приехали.

Диана открыла глаза.

— Папа?!

— Что-то не так?

— Нет, я просто... — она поднялась и взглянула в окно. — Мне приснился сон.

Украдкой наблюдая за дочерью, Альфред заметил, что она встревожена. Маргарет повела бы себя иначе, она, скорее всего, удивилась бы, почувствовав обособленность и приватную тишину жилого квартала Бел-Эйр — эксклюзивного мирка особняков и неприступных ворот, в котором некогда проживали Альфред Хичкок и Уорнер Бакстер, а ныне обитают Клинт Иствуд, Уилл Смит, Дженнифер Энистон. Маргарет вращала бы сейчас головой, высматривая шарообразные кроны одинаково подстриженных кустарников и деревьев, карликовые дубы и высокие заграждения, за которыми не видно ни теннисных кортов с бассейнами, ни мраморных дворцов, скрывающихся в глубинах поместий. Изыски ландшафтного дизайна, составленного из богатейшего разнообразия субтропических растений, привели бы ее восторг не меньший, чем пляж на побережье Тихого океана.

Девушка на заднем сидении молчала, выглядела безразличной к окружению и сосредоточенной на своих мыслях, явно безрадостных.

«Это Диана, она вернулась».

— Что-нибудь помнишь? — без предисловий начал Альфред, заметил в зеркале пугливый взгляд дочери и решил сам рассказать то, о чем она боялась спросить: — Ничего страшного не случилось, милая, вместо тебя появилась другая девушка... — он запнулся, подыскивая слова.

Диана печально вздохнула.

— Я знаю, ее зовут Маргарет.

— Ты помнишь? Тем лучше. Мы встретились в садах Магуайра в два часа дня, как и договаривались, а потом съездили на пляж. Маргарет была очень рада, она никогда не видела океана.

— Значит, никто ничего не узнал?

— И не узнает. По крайней мере от меня, так что перестань волноваться, расслабься и веди себя так, будто ничего не произошло.

— Хорошо, пап, спасибо, — тихо поблагодарила Диана.

Альфред съехал с дороги около стены из высоких кипарисов, остановил машину на площадке перед воротами и обернулся:

— Ты же хочешь стать голливудской кинозвездой?

— Хочу, но это уже неважно, — уныло отозвалась Диана. — Мама и миссис Лаура правы, я сумасшедшая. Когда все об этом узнают, я стану никому не нужной.

— Все актрисы немного сумасшедшие, — шутливо возразил Альфред. — Просто не показывай маме свои переживания, играй, как на премьере, импровизируй, пользуйся своим новым образом. Ах, я ведь тебе не сказал... Маргарет изменила твою внешность. Посмотри на себя, — предложил Альфред, указывая на зеркало заднего вида.

Диана вдруг вспомнила чудесного ангела в зеркале Венеры. Вспышка надежды заставила ее подскочить и порывисто заглянуть в небольшое зеркало над приборной панелью. Оно было мутным.

— Почему зеркало такое запотевшее? Мои черты лица смазаны, я себя не вижу.

Альфред провел пальцем по зеркалу, приподнялся на кресле и посмотрел на себя. Зеркало было обычным.

— Дай мне салфетку, — он тщательно протер зеркало. — Так лучше?

— Нет! Оно мутное!

Диане стало страшно. Она так безрассудно надеялась, что сон превратится в реальность, и это случилось! Теперь ей мерещится то, чего нет! Наверно, вот так и сходят с ума. Неужели она и правда сумасшедшая? Диана закрыла лицо руками и заплакала.

— Милая, я что-то не так сказал? — испугался Альфред.

Дочь всхлипнула, отвернувшись к спинке заднего сидения и стала искать платок. Альфред дал ей свой, положил руки на руль и задумался. Его вдруг осенило. Он понял, как успокоить дочь, и стал пересказывать ей объяснения Маргарет, в которые не хотел верить сам:

— Диана, милая, я тебя не обманываю! Твоя внешность изменилась! Я сначала подумал, что Маргарет посетила салон красоты и сделала профессиональный макияж, но она сказала... Это волшебство! Вот только что-то пошло не так, и эту красоту видят все, кроме нее! Я решил, что Маргарет меня разыгрывает, но эта красота существует! Я ее вижу! Это очарование божественной Пандоры!

Говоря это дочери, Альфред, сам того не понимая, начал верить в то, что говорил. Стараясь убедить Диану в том, что произошло чудо, он убеждал в этом и себя, так как не мог объяснить происходящее с помощью рациональной логики.

Диана перестала всхлипывать, повернулась и всматривалась в отца, пытаясь найти на его лице приметы лукавства или шутливости, но он был абсолютно искренен.

— Я правда такая красивая, как ты говоришь?

— Намного красивее! Я не могу передать словами, как восхитительна твоя красота! Тут нужен поэт или художник!

— Ты прям как Амур, пап, — судорожно вздыхая, сказала Диана, — он тоже так говорил в моем сне, — она вдруг звонко хохотнула сквозь слезы и прощепетала, подражая писклявому голоску малыша: — «Юная принцесса не понимает, как восхитительна ее красота!» — Диане стало весело, и она с рыдающим смехом попыталась объяснить отцу: — Амур — мальчик, он ребенок, совсем младенец, розовенький, с кудряшками.

Альфред искренне рассмеялся вместе с дочерью. Диана с плачем на вдохе и смехом на выдохе украдкой включила телефон, сделала селфи и без особой надежды посмотрела на изображение. Оно было мутным.

— Расскажешь мне о своем сне?

— А ты про свой? Я помню, ты обещал.

— Ну нет, я уже рассказал Маргарет, — весело отмахнулся Альфред. — Зачем повторять, если у тебя с ней общие воспоминания?

— Пап, ты серьезно? — удивилась Диана.

— Кому здесь охота шутить? — весело спросил он и вдруг вспомнил, что Маргарет знает то, чего Диане знать не следует.

Лицо Гарднера помрачнело, он мысленно укорял себя за болтливость, но Диана не заметила этой перемены; она уже опустила глаза, мысли снежинки неистово закружили в ее голове.

Альфред направил брелок в лобовое стекло и нажал кнопку. Ворота приглушенно

лязгнули и медленно отъехали в сторону. Джип тронулся и покатил к большому двухэтажному дому в стиле французского замка с остроконечными башнями и шпилями.

Диана вылезла из машины и подождала отца. Стоя у джипа, она случайно увидела свои мутные очертания в стеклянном отражении окна и вновь вспомнила зеркало Венеры. Снежинки неистово кружили, уговаривая девушку поверить в несуществующую красоту, но зеркало, телефон и стекло как будто сговорились и решили ее скрывать.

«Наверно, так и должно быть, — подумала Диана. — Это чтобы вдохновленные гении, блуждающие между мирами, случайно в меня не влюбились».

— Смелее, принцесса, — Альфред, улыбаясь, открывал парадную дверь, — ты самая красивая девушка в Лос-Анджелесе.

— Я? — Диана взглянула на отца с застенчивой улыбкой.

— Тут есть другие девушки? — он притворно осмотрелся по сторонам.

Диана вошла в холл первого этажа и оказалась прямо перед копией скульптурной композиции Антонио Канова. Психея пробуждалась от поцелуя Амура уже давно, столько, сколько Диана прожила на белом свете. Она проходила мимо этих античных влюбленных бесчисленное множество раз, они всегда притягивали ее взгляд, но сейчас гимн любви, запечатленный в гипсе, обрел другой, пугающий смысл. Героиня мифа нарушила запрет самой Венеры и открыла сосуд с чудесными румянами. Смертная Психея дерзнула пожелать божественную красоту, но в наказание получила вечный обморок. Диана вспомнила зеркало из сна, и ей стало не по себе.

— Милая моя, ты выглядишь грустной, — Эрика сошла со ступеней лестницы и обняла дочь, едва коснувшись щекой, как на светском приеме. — Почему ты смотришь в пол? Ты что-то натворила? Посмотри мне в глаза, — она ласково приподняла подбородок дочери наманикюренными пальцами и увидела то же, что другие: — В каком салоне сделали этот потрясающий макияж? Твоя идея, Альфред? Ну-ка, посмотри на меня, детка. Бесподобно! С тобой поработал настоящий волшебник! Кто он? Альфред, мне нужен адрес этого салона.

— Я забыл взять у них визитку, — соврал он, радуясь за дочь, и сжал рот пальцами, как щипцами, не позволяя губам расплыться в довольной улыбке.

— Поищи в интернете, — посоветовала Эрика, с пристрастием изучая новый образ дочери. — Как прошла экскурсия? Все хорошо? Потрясающий макияж! Я звонила Лауре, она озадачена твоим молчанием на сеансе. Почему ты была расстроена? Не оттого ли, что сбежала от меня утром? Почему ты молчишь?

— Думает, на какой из сотни твоих вопросов ответить, — пришел на помощь Альфред.

— Сирены поют, пушки молчат, — отрезала Эрика и подозрительно посмотрела на дочь. — Ты какая-то вялая. Заболела?

— Просто немного устала, мы были на пляже, — Альфред незаметно дернул дочь за мизинец.

— И чья это была идея? — еще более подозрительно спросила Эрика. — Надеюсь, ты не заходила в воду?

— Идея была моя, — снова встрял Альфред и по выражению лица супруги понял, что количество незадаанных вопросов у нее никак не уменьшается, а наоборот, возрастает в геометрической прогрессии с каждой минутой.

— Ты купил лекарства? — поинтересовалась Эрика.

— Лекарства? — он удивленно вскинул брови. — Какие лекарства?

— Антидепрессанты, которые выписала Лаура, — Эрика пристально посмотрела на

мужа. — Она сказала, что выписала рецепт.

— Ах, *эти* лекарства! — Альфред облегченно вздохнул. — А я уж подумал, что забыл выполнить твою просьбу. Для меня нет ничего важнее твоих...

— Ты в чем-то провинился, и я об этом не знаю?

— Дорогая, я не знаю, чего ты не знаешь, но тебе следует знать, что всего знать невозможно, — сочинив этот неуклюжий каламбур, Альфред надеялся сбить с толку логику супруги, но из всего сказанного она приняла во внимание только последнее: *всего знать невозможно*.

— Не для меня. То, что мне нужно, я узнаю обязательно. Однажды ты все-таки принесешь мне кофе в постель, и лучше, если твоя вина будет маленькой, иначе тебе придется делать это каждое утро.

— Мама, прими расслабляющую ванну с пометом крокодилов, — неожиданно вставила Диана. — Только не сыпь много, это вещество такое же въедливое, как ты.

Эрика ошеломленно уставилась на дочь. Диана дерзко откинула за спину свою шикарную французскую косу и направилась к лестнице. Альфред до боли прикусил нижнюю губу, чтобы не улыбаться.

— Вернись! Я с тобой еще не договорила!

— Поблагодаришь потом, — не останавливаясь, отвечала Диана.

Альфред, пользуясь замешательством супруги, обнял ее за талию и увлек за собою в сад.

— Будешь сидеть дома все выходные! — раздраженно выкрикнула Эрика, пытаясь вырваться из объятий мужа.

— Дорогая, идем в сад, я спою тебе комические куплеты.

— Альфред! Перестань меня тянуть!

— В сад, дорогая, идем в сад, я должен рассказать тебе об одной пиявке...

— Что? Какой еще пиявке? — Эрика перестала сопротивляться и позволила мужу увести себя из холла.

— Уверяю, дорогая, я не дал ей ни единого повода, я ведь не волочусь за юбками с тех пор, как мы с тобой познакомились...

— Не примазывайся, это моя заслуга, а не твоя.

— Ты же знаешь, я люблю только тебя...

Диана поднялась на второй этаж дома, зашла в гардеробную рядом со своей комнатой, закрыла дверь и в панике остановилась перед мутной зеркальной стенкой.

«Ужасно стыдно. Что со мной происходит? Почему я нагрубила маме? Неужели Маргарет говорила вместо меня? Телефон звонит. Это Китти...».

Мрачный тон подруги выдавал ее плохое настроение:

— Привет. Коробка с архивом пропала и... я не нашла письмо. Его нет ни в сейфе, ни в столе... я все обыскала.

— Какое письмо? — уныло переспросила Диана.

— Ты что, забыла? Письмо моей бабушки про Дипло-Астери.

— Что за диплоастери?

— А-а, это ты, Ди... — разочарованно проговорила Китти. — Мне нужна Маргарет.

— Откуда ты... — Диана в ужасе посмотрела в туманное зеркало. — Китти, я совсем не помню, как прошла экскурсия! Что было после того, как Дионис взял меня за руку?

— О-о, это долго... — апатично отозвалась Китти. — Ты была другая, называла себя именем Маргарет и отправила меня за письмом. Я его не нашла, и теперь Маргарет не

сможет объяснить, что там было написано про Дипло-Астери.

— А что, если бабушка нам поможет? Заодно посмотришь кабинет деда.

— Классная идея, Ди! — оживилась Китти. — Надо попробовать!

— Расскажешь, что со мной было?

— Обязательно!

— Схожу к бабушке и перезвоню, — пообещала Диана, торопливо скидывая босоножки и снимая с вешалок шорты с футболкой.

— Только иди прямо сейчас, — нетерпеливо напутствовала Китти. — Стой, скажи мне адрес.

— Бельканто Шанти, 1518.

— Секундочку... — она повторила адрес водителю. — Все, я уже еду к тебе.

Выходя из гардеробной, Диана чуть не задела дверью бабушку и воскликнула:

— Я как раз тебя искала!

— И я... — Мариэн вдруг поднесла руку ко лбу.

— Что случилось? — испугалась внучка.

— У меня слегка закружилась голова, — Мариэн закрыла глаза и приложила пальцы к вискам, — забыла принять лекарство.

— Могу принести, — с готовностью предложила Диана.

— Не стоит, милая, я уже в порядке, — Мариэн открыла глаза и с интересом посмотрела внучку. — Вижу, ты взволнована, и догадываюсь, почему.

— Нет, я..., то есть да, — смущенно призналась Диана. — Ты тоже видишь красоту Пандоры?

— Вижу, хотя от нее впору ослепнуть, — Мариэн покачала головой. — Удивительно... просто волшебство какое-то.

— Мне столько всего нужно тебе рассказать! — радостно зашебетала Диана, окончательно поверив в чудо. — Я ужасно нагрубила маме. Мне так стыдно. Не знаю, что на меня нашло, — она прикрыла губы тонкими пальчиками и тихо зашептала: — У меня был провал в памяти. Китти все видела и обещала рассказать... и еще она хочет узнать про какое-то дипластери из письма. Я сказала, что ты поможешь с этим разобраться, и пообещала пригласить Китти в гости. Можно, Мариэн? Пожалуйста!

— Разумеется, милая. Скажи Китти, чтобы взяла такси, мы оплатим ее расходы.

— Она уже едет.

— Вот и замечательно, а тебе нужно умыться и поесть.

— Я не хочу. Боюсь столкнуться с мамой, но ополоснуться не помешало бы.

— Спустимся вниз вместе. Ступай в душ, а я пока скажу Дебби, чтобы принесла еду в кабинет.

Диана вошла в ванную комнату, первым делом позвонила подруге и сообщила, что разрешение от бабушки получено. Китти пообещала приехать быстро. Диана разделась, включила воду, встала под душ и ощутила, как струйки ласково смывают напряжение и тревоги. Закрыв глаза, она попыталась вспомнить детали произошедшего, особенно перед провалом в памяти.

В воображении появилось красивое лицо Диониса, его голос, произносящий комплименты, острый взгляд и обжигающая энергия самоцвета. Монотонный шум воды удерживал сознание в покое; по телу разлилось приятное томление, в ощущениях появилась тягучая слабость. Диана обняла левый локоть правой ладонью и погладила себя по руке

вверх к плечу.

Воспоминания повели ее в сторону фантазий; она представила себе, будто кто-то целует ей шею, щеку, закрытые глаза, губы; эти поцелуи были нежными, как цветки. Опять вспомнилось лицо Диониса и его голос: «...рад вашему появлению, Маргарет... найти вас было чрезвычайно сложно... сыграйте роль Пандоры и получите ее божественную красоту».

Диана в испуге открыла глаза и оперлась рукой о стеклянную стену душевой кабины. Поток воспоминаний прервался. Несколько минут ей понадобилось, чтобы понять, что папа был прав — она действительно может вспомнить то, что было не с ней, а с Маргарет. Эта новая способность обрадовала и потрясла; любопытство помогло справиться с первым страхом. Осознав, что опасности нет, Диана вновь закрыла глаза, вообразила себе близость невидимого ангела и на этот раз фантазировала смелее, позволив ему обнимать и ласкать себя.

Воспоминания полились плавно, с самыми мелкими подробностями, но ни одно из них не кольнуло даже тонкой травинки в зарослях чувств и эмоций. Диана ощущала себя участницей событий, но видела и слышала все отвлеченно, со стороны, не пытаясь оценивать происходящее. Ласки и нежные объятия ангела не прекращались, но и не нарастали, удерживая Диану в состоянии вязкого транса. Она вышла из душа как есть без одежды, и оказалась посреди океана...

Ах, как чудесно бродить по колено в воде, смотреть вдаль на горизонт и песчаный пляж, который не кажется уже таким огромным по сравнению с бесконечной, слегка волнистой гладью.

Окружающее пространство стало изменяться — вместо океана появились затопленные руины древнего храма; множество каменных оснований и обломков выступали над поверхностью небольшого болотистого водоема; прямо перед ней возвышалась единственная уцелевшая колонна.

Диана подошла ближе, осторожно нащупывая ногами илистое дно, оперлась ладонями о колонну и стала разглядывать ее поверхность. Тысячелетние камни, испытавшие на себе жар солнца, влагу дождей и сухость ветров, были испещрены сколами. «Я что-то ищу». Она сделала неуверенный шаг, обходя колонну, и вдруг почувствовала в груди вибрацию. Прямо перед ней на каменной поверхности засветилась двойная спираль. Вихрь, неосязаемый телом, но хорошо слышимый, с завывающим гудением объял колонну, выдувая из ее щелей пыль и песок, но быстро стих. Что-то должно было произойти и не произошло... Невидимый ангел подхватил ее на руки, перенес в теплую постель и растаял. В уютной тишине послышался шум текущей воды...

Диана открыла глаза. Она по-прежнему стояла в душе, но чувствовала себя отдохнувшей и уверенной. В сознании неожиданно вспыхнули самые яркие из новых воспоминаний и заставили ее ужаснуться.

«Выходит, я покалечила Бада и чуть не сломала Сэму руку! Поэтому он разбился! Нет, это была не я! Это все Маргарет! — Диана взяла с вешалки полотенце, прижала его к груди и вспомнила о сердечной ране: — Маргарет отбила Стива у Молли! Он опять хочет быть со мной! Я могу его вернуть! Хочу ли я этого? Он ведь бросил меня. Или нет? — Диане вспомнились слова Диониса. — Я побывала в ночи и вернула шипастую розу — красоту. Нет, это сделала Маргарет. Я разорвала петлю, в которой все заканчивается одним и тем же? Больше не нужно делать вид, будто я не хочу того, чего мне не дают? Так и есть! Я не желаю

быть серенькой и ждать, пока слепые прозреют! Красивые девушки могут выбирать, кого им любить!»

[1] Диего Родригес де Сильва-и-Веласкес (1599–1660) — испанский художник, представитель золотого века испанской живописи.

[2] Анна Дамина — есть версия, что Веласкес писал картину «Венера с зеркалом» на заказ для маркиза Гаспара де Эличе дель Карпио, художник изобразил портрет его фаворитки — танцовщицы Анны Дамины. Черты ее лица на картине размыты, чтобы никто не смог узнать.

[3] Фламиния Тривио — по другой версии Веласкесу позировала его подруга — популярная в Италии художница Фламиния Тривио. Сплетники утверждали, что от этой «любви к живописи» у Фламинии родился ребенок.

Глава 16. Иерархия перевернутого мира

Полная кухарка Дебби приготовила две порции греческого салата с сыром Фета, оливками и черными маслинами; достала из шкафа бублики с солью, кукурузные палочки, сахар, корицу; заварила чай и положила на тарелку домашнее печенье. Все это она поместила на сервировочный столик с колесиками, отправила его через кухонный лифт на второй этаж и повезла в кабинет Винсента Гарднера, где рядом с книжными полками шептались Диана и Китти.

Вслед за Дебби вошла Мариэн. На ней было платье свободного покроя; в ушах поблескивали серьги с крупными аметистами; изящный кулон на шейной цепочке таинственно переливался лиловым, составляя ансамбль с серьгами.

Диана представила свою подругу и показала пальчиком на «Божественную комедию» Данте, вставленную в свою нишу на полке:

— Я вернула книгу обратно. Начала читать, но перехотела. Очень мрачно.

— Не мрачнее, чем наша действительность, — ответила Мариэн. — Данте описывал религиозную версию бытия, но в силу своей гениальности невольно воссоздал истинную картину европейского мироустройства. Девять кругов ада — это аллегорический ключ к пониманию иерархии власти.

— А можешь рассказать? — попросила Диана.

— Боюсь, это потребует времени.

— Китти, ты хочешь узнать про ключ к девяти кругам ада?

Подруга молча кивнула, ей было интересно, но выдавать своих пристрастий к чертовщине не хотелось. Мариэн с самого начала произвела на нее впечатление доброй волшебницы, владеющей всеми секретами мира. Испанцы называют таких женщин *La Suma Sacerdotisa*, что в переводе означает «Верховная Жрица». Китти этого не знала, но чувствовала.

Сама Мариэн при этом понимала о Китти многое несмотря на то, что видела ее впервые. «Для женщин чувствовать и знать — почти одно и то же», — любила при случае поговаривать миссис Гарднер старшая, но другой свой афоризм предпочитала произносить в мыслях: «Женщины способны узнавать, не размышляя, а когда задумываются, то узнают еще больше».

Домашние, привыкшие к плавным манерам и неторопливой речи Мариэн Гарднер, уже не замечали в ней матриархальной магии, но Китти, впервые увидевшая ее вблизи, не то чтобы заметила, а скорее интуитивно почувствовала, что за естественностью и скромной простотой Мариэн кроется некая тайная сила, возможно, даже могущество. Китти была особенно потрясена тем, как молодо выглядит бабушка Дианы. В свои семьдесят четыре вдова Винсента Гарднера выглядела на сорок. Лишь степенность и медлительность, свойственная пожилым людям, намекала на ее настоящий возраст.

— Мариэн, пожалуйста, расскажи, у нас много времени.

— Хорошо, я постараюсь быть краткой, насколько смогу. Если будет непонятно, спрашивайте, — она погладила книгу по переплету. — В этой поэме описано религиозное мироздание, включающее в себя ад, чистилище и рай в общепринятом порядке — ад находится глубоко под землей, а рай на небесах. Так было во времена Золотых веков, но в нынешней темной эпохе вся эта конструкция перевернута вверх ногами. Самые отъявленные

грешники находятся на небесных вершинах власти, богаты и почитаемы. Праведники, напротив, гонимы и ведут жалкое существование на нижних уровнях социальной лестницы, где и приходят к просветлению.

Иначе говоря, современная реальность — это ад, где правят черные души. Таков наш мир, в котором шлак и грязь всплывают наверх, а крупницы золота опускаются на дно. Очутившись в этом аду, человек лишь тогда находит свет во тьме, когда осознает, что путь к раю находится в жерле подземной воронки, а не на вершине небесной пирамиды власти. Поняв это, просветленная душа уходит из ада легко, потому что не привязана к материальным благам и наслаждениям. Черные души остаются здесь надолго или навечно, ведь им есть что терять.

Эта версия мироздания довольно депрессивная и мало отличается от прочих ей подобных, где у низов требуют смирения при жизни, а после смерти обещают райские кущи, но здесь хотя бы есть правда о настоящем устройстве общества, хотя и выраженная в сложной иносказательной форме.

Например, самые отъявленные грешники — предатели Иуда, Брут и Кассий, которых сам Люцифер удерживает в своей пасти на девятом круге ада у центра Земли, это аллегорические образы тех, кто занимает вершину пирамиды власти в нашем мире. Обратите внимание: адская конструкция Данте как бы перевернута в нашей реальности. Это уже не подземная воронка, а небесная пирамида, и девятый круг — ее вершина. Мы с вами живем во времена председательства Люцифера, это означает, что миром вот уже несколько тысяч лет правит не Бог, а Дьявол. В разных обличиях, но одинаковый в своей сути, он неизменно помогает меньшинству паразитировать на большинстве.

Китти не могла сдержать довольной улыбки, ее личные симпатии оказались на темной стороне сильного. «Я все еще могу стать демоницей», — подумала она.

— Почему именно предатели самые злостные грешники? — спросила Диана. — Есть ведь кое-кто похуже, насильники и убийцы, например.

— Мера наказания зависит... должна зависеть от масштаба преступных деяний, поэтому у Данте иерархия ада выстроена по принадлежности к власти в людском мире. Максимальной кары заслуживают те, кто всегда нарушает свои обещания, то есть элиты — меньшинство, предающее большинство в угоду своим интересам; они насилуют государства и убивают народы.

Ниже элит находится восьмая ступень адского могущества, где главным поставлен страж предателей Герион, которого Данте описывает так: он ясен лицом и величав, его черты приветливы и чисты, но в сути своей он образ омерзительный обмана, чудовище с огромным пятнистым телом, брюхом, хвостом, волосатыми и когтистыми лапами. В его ведении живут обольстители, духовные служители, продающие церковные должности, взяточники, воры, вероломные советчики и сеятели смуты. Все они, в том числе и Герион, представляют собой замечательные образы ставленников элит или коррумпированный аппарат власти: высоких политиков, высшую церковную знать, криминальных боссов. Эта прослойка составляет первый видимый эшелон власти в земном аду. Здесь на восьмом круге также находятся приближенные к оккультной власти колдуны и колдуньи.

Еще ниже в иерархии небесного правящего ада, на седьмом его круге, течет поток кровавый. Здесь находится Минотавр с теми, кто насилье ближнему нанес. Это завоеватели или военный кулак правящей власти. На мысли о войске наводят и грозные кентавры с луками, окружившие Данте и Вергилия. Ну и так далее, об этом можно говорить очень

долго, а у нас с вами, как я понимаю, есть повод для другого разговора. Не так ли, девочки?

— Да, — бойко ответила Диана.

Китти молчаливо кивнула и в этот раз.

— Надеюсь, мои откровения не отбили у вас аппетит, — Мариэн жестом пригласила подруг к импровизированному столу. — Устраивайтесь, как вам удобно, и приступайте к ужину, а мне пока следует помолчать и послушать вас, мои дорогие. Вам ведь наверняка есть что рассказать.

— Да, есть, — Диана взглянула на притихшую Китти: — Не бойся, здесь нас не примут за дурочек или сумасшедших. На свете есть мало вещей, которые могут удивить Мариэн Гарднер, — внучка заулыбалась, испытывая гордость за свою бабушку.

Китти, стараясь выглядеть сдержанной и воспитанной, робко присела на диван и взяла в руки тарелку с греческим салатом. Не смея начинать первой, она молчала, рассчитывая на Диану, которая уже успела рассказать бабушке и подруге, что каким-то непостижимым образом вспомнила все, что в ее отсутствие успела натворить Маргарет.

— На экскурсии к нам подошел мужчина, его зовут Дионис. Он назвал Китти Европой, а меня Корой, говорил, что узнал во мне принцессу, сказал, будто от меня исходит какое-то там сияние, еще что-то про оберег и всякие глупости про мою красоту. — Диана закатила глаза и отправила в рот маслину.

Китти заерзала и торопливо встала:

— Он сказал, что оберег очень мощный, поэтому приглушает сияние.

Начав участвовать в рассказе, Китти дополняла Диану, а иногда и возражала ей, подавая свою версию событий.

— Не помню никакого рубина, — искренне говорила она. — Дионис взял Диану за руку, а потом вдруг исчез. Кажется, тогда она и превратилась в Маргарет.

— Я вспомнила под душем, — уверяла Диана. — Когда я потрогала рубин, время остановилось, и я уснула, а пока меня не было, все замерли, и Китти тоже. Стало темно, как в глубоких сумерках. Дионис откуда-то знал имя Маргарет и назвал ее королевой. Он сказал, что Китти будет фрейлиной, а Маргарет говорит: «Уберите родинку с ее лица». И он, представляешь, Китти, — понизила голос Диана, тыкая подругу в бок, — поцеловал тебя прямо в губы, а потом взял и слизнул родинку с твоей щеки!

— Знаю, я думала, что она исчезла, а потом нашла ее тут, — Китти постукала пальчиком за своим левым ухом.

— А потом он предложил сыграть роль Пандоры и сделал Маргарет красивой, но это иллюзия, обман, ее видят все, кроме нас с Маргарет.

— Так вот почему она спрашивала! — догадалась Китти.

Прошло полчаса, а девушки все рассказывали. Мариэн слушала внимательно, не перебивая, и вскоре заметила, что подруги начали повторяться.

— Девочки, вы можете описать внешность этого мужчины?

— Черноволосый красавец, на вид ему лет тридцать, — Китти подняла глаза к потолку. — Одет в темное. Брюки, рубашка... дорогие ботинки. Черты лица утонченные, манеры немного старомодные. Усов и бороды нет. Говорил вычурно, но очень убедительно и... с уважением. Это было приятно, — она вдруг вспомнила: — У него два черных пятнышка на левой руке. Вот тут, — Китти оттопырила большой палец от указательного и потрогала мягкую часть между ними.

— На тыльной стороне ладони или снаружи? — с интересом спросила Мариэн.

— Они сквозные, видны с обеих сторон, — пояснила Китти. — Маргарет сказала, что он дьявол.

Мариэн в сомнении качнула головой, но возражать не стала.

— Я вам кое-что покажу, — она поднялась с кресла, подошла к книжному шкафу, отыскала в одной из книг старую фотокарточку и передала ее девушкам.

— Это же Дионис! — воскликнула Китти.

— Да, очень похож, — согласилась Диана, — только он тут моложе лет на десять.

— Скорее на пятнадцать.

— Это сэр Дэвид Каннингхэм, англичанин, — пояснила Мариэн. — Снимок сделан в 1905 году в лондонской фотостудии Джарвиса Найтингейла. Фирменный штамп и дата есть на обратной стороне.

— Ему больше ста лет? — удивилась Китти, переворачивая фотокарточку.

— Нет, если вы разговаривали с кем-то похожим на него. В противном случае... — Мариэн не договорила, открывая ящик стола и доставая оттуда большой почтовый конверт желтого цвета. — Здесь у меня ксерокопия старого номера лондонской газеты от 1907 года. Подлинник находится в архиве Центра Спиритуалистических Исследований в Лили-Дейл, штат Нью-Йорк. Сейчас я прочитаю вам эту статью, — Мариэн достала из конверта несколько листов и надела очки.

The Daily Telegraph, Лондон.

Пятница, Июнь 7, 1907.

На спиритическом сеансе в одном из лондонских салонов случилось происшествие, по нашему мнению, ужасное и в некотором смысле загадочное. Нет, мы не будем говорить о том, как предметы двигались по столу, а по стенам комнаты крались тени, или о том, как звенел воздух и гасли свечи. Мы вообще не будем говорить о том, чего нельзя доказать. Нас интересуют только факты, а они довольно пугающие.

Судите сами: одна из трех дам, участвовавших в сеансе общения с духами, чрезвычайно напугана и наотрез отказалась давать какие-либо комментарии. Однако она то как раз пострадала меньше остальных. Вторая из женщин, юная мисс, лишилась чувств и не приходит в себя уже сутки. Ее мать настигло расстройство ума, сродни помешательству. Мужчинам-спиритам повезло меньше. Один из них, назовем его мистер Блэк, укушен змеей непосредственно во время вызова духов, при этом медицинский факт укуса засвидетельствован доктором; другой — господин Уайт, скончался через два часа после этого злосчастного мероприятия уже у себя дома.

Лишь третий из мужчин — майор Грей сохранил способность к здравомыслию, но именно по этой причине не был вполне откровенен относительно произошедшего на спиритическом сеансе. Это и понятно. Когда джентльмен рискует показаться бестактным по отношению к дамам, ему надобно больше молчать, чем говорить. Следуя примеру майора Грея, мы не называем имен и этим выполняем просьбу пострадавших и их родственников.

Итак, поговорим о фактах.

Доктор, осмотревший труп г-на Уайта, засвидетельствовал смерть от сердечного приступа. Полицейский инспектор, вызванный родственниками умершего, не нашел поводов для уголовного расследования. Здравомыслящий майор Грей заверил нас, что ни до, ни после сеанса по благополучному виду г-на Уайта немислимо было предположить его скорую кончину.

Об укусе майор Грей сообщил: «Во время сеанса мистер Блэк внезапно одернул левую

руку, тогда я и заметил на ней два красных пятна. Это и вправду было похоже на укусы змеи. Мне не раз доводилось сталкиваться с подобным в Индии во время военной службы, поэтому я постарался обездвижить руку мистера Блэка с помощью повязки, пока одна из дам послала за доктором». Это была та испуганная дама, о которой мы уже упомянули. Несмотря на страх, она не потеряла самообладания и способности действовать, что, по нашему скромному мнению, достойно уважения. На вопрос о причине ее панического страха майор Грей лишь пожал плечами, а относительно повязки пояснил, что минимум движений способствует замедлению кровообращения, а это, в свою очередь, препятствует быстрому распространению яда в организме укушенного.

По поводу змеи уважаемый майор Грей заявил нам дословно следующее: «След от укуса был, но самой змеи я не видел». Впрочем, ее не видел никто из шести спиритов или, по крайней мере, те четверо из них, которые после окончания сеанса находились в сознании и здравом рассудке. Спустя всего два часа их осталось только трое.

Нам удалось разыскать врача, который подтвердил факт укуса в область мягкой ткани между большим и указательным пальцами левой руки пострадавшего. Доктор заявил: «Отека в пораженной области не наблюдалось. По словам мистера Блэка, ни боли, ни жжения он не чувствовал, поэтому я предположил, что змея оказалась не ядовитой, либо это был так называемый сухой укус, при котором яд не попадает в организм человека». Судить о величине змеи доктор не взялся, но сообщил, что тщательно измерил расстояние между следами ее клыков. Оно составило ровно полдюйма.

Сам мистер Блэк чувствует себя на удивление здоровым, а на вопрос о происхождении укуса позволяет себе шутить насчет потусторонней сущности пресмыкающегося, будто бы случайно вызванного спиритами. Якобы то была не змея, а дух змеи, поэтому ее никто и не видел.

Видела ли змею юная мисс, мы не знаем. Майор Грей полагает, что она лишилась чувств от вида крови на руке мистера Блэка. На момент написания этой статьи девушка все еще не пришла в сознание. Семейный доктор, а это уже второй уважаемый медик, свидетельствующий о последствиях злосчастного спиритического сеанса, предпочел не делать скоропалительных выводов. В отношении психического здоровья матери юной мисс доктор высказался оптимистично: «Временное помутнение рассудка является защитной реакцией на сильное потрясение. К счастью, кризис уже миновал. Необходимые лекарства и полный покой сделали свое дело».

Подводя итог, считаем необходимым заметить, что наше издание не стремится множить спиритические сплетни ради тиражей и сомнительной популярности. Поэтому мы воздерживаемся от каких-либо гипотез и говорим лишь о том, что смерть, укус и затянувшийся обморок, имевшие место во время проведения и после окончания данного спиритического сеанса, являются неоспоримыми медицинскими фактами. Публикуя эту статью, мы выражаем свою озабоченность по поводу легкомыслия людей, устраивающих развлекательно-светские мероприятия такого рода, а о загадочности данного происшествия, говорили по одной причине: никто из очевидцев так и не смог описать внешний вид существа, оставившего на руке спирита следы своих клыков.

Мариэн закончила чтение и сложила руки на столе.

— Странное совпадение, не правда ли?

— Через эти ранки дьявол вселился в человека! — едва сдерживая восторг, сказала Китти.

Мариэн покачала головой.

— Боги и анти-боги не воруют тела людей. А вот демонические сущности вполне могут. Церковь называет подобные случаи одержимостью. В эзотерической традиции предпочитают именовать это вторжением в храм души, каким является человеческое тело. Если в Дэвида Каннингхэма вселилась сущность и вы разговаривали именно с ней, нам нужно понять, чего она хочет. Для этого необходимо выяснить, кто такая Маргарет и кто ты, Дианочка. Думаю, сейчас самое время рассказать вам то, что я знаю. Мне, разумеется, известно далеко не все, поэтому не стесняйтесь поправлять и спрашивать, если что-то покажется вам неправильным или непонятным, — Мариэн замолчала, чтобы выслушать вопросы девушек, но Диана и Китти напряженно молчали.

— Раз вопросов пока нет, почитаю вам кое-что из мемуаров Марии Кавелье. Она была приемной матерью и наставницей дочери британского лорда — леди Мелании Кроу. В определенных кругах эту девушку знали под псевдонимом Черная Фиалка, она была тайным идеологом суфражистского движения, но об этом было известно лишь избранным. — Мариэн взяла со стола книгу со множеством закладок, открыла ее на нужной странице и приступила к чтению.

Из мемуаров Марии Кавелье
Мон-Шант, Франция, 1912

Обстоятельства рождения Проклятой известны мне со слов Пенни Стюарт — старой набожной повитухи, не способной ни лгать, ни хитрить ради своей выгоды хоть самую малость.

Леди Гертруда — жена влиятельного лорда Леонарда Кроу была моложе его на сорок лет. Роды были тяжелыми. Пожилой муж, проходя мимо покоев жены, услышал крики, не удержался приличий и вошел в приоткрытую дверь. Это стоило ему жизни. В газетах писали, что *«лорд и член верхней палаты парламента Леонард Джастин Кроу скончался от апоплексического удара»*. Врач, поставивший диагноз, не ошибся, но он не знал, что перед смертью пожилой лорд испытал сильное потрясение.

В тот день, 6-го июня 1889 года, Луна повернулась к мужскому миру своей темной стороной. Повитуха Пенни, принимая из лона матери обезображенную новорожденную, вскрикнула от страха: «Боже мой! Ночное привидение!» Именно в этот момент лорд Кроу, движимый состраданием к роженице, а возможно, и любопытством, вошел в покои жены и увидел младенца с лицом, наполовину черным из-за огромного родимого пятна. По словам повитухи, хозяин дома был сильно напуган, схватился за сердце, начал задыхаться и не устоял на ногах.

Пенни позвала на помощь; горничная побежала за врачом; Гертруда велела запереть комнату, спрятать «черную тварь». Схватки продолжались, поэтому Пенни не посмела послушаться и вскоре приняла другую девочку, чистенькую и розовую, как крошечный ангелок. Вторую дочь Гертруда с облегчением назвала Альбиной, от латинского *albus* — «белый»; а первую — Меланией, от греческого — «чернота».

Еще до того, как пришел врач, слуги отнесли тело лорда Кроу на мужскую половину дома и уложили на кровать. Позже кто-то из них, очевидно, не бесплатно проговорился об этом, так как в одной из лондонских газет сообщали, между прочим, что Леонард Джастин Кроу, лорд и член верхней палаты парламента, умер на женской половине дома. Это никак не повлияло на репутацию вдовы, ведь рождение уродливой дочери, убившей отца одним своим появлением, леди Гертруда скрыла от всех.

Пенни, рассказав это мне, некоторое время молчала, скорее всего, из страха опорочить имя знатной дамы, но позже призналась, что во взгляде измученной роженицы на Меланию читался смертный приговор, едва не произнесенный вслух. Как бы там ни было, мать не велела задушить «черную тварь», а лишь удалила ее подальше от себя, приказав повитухе увезти первую дочь в провинцию.

Я не осуждаю леди Гертруду, на ее месте так поступила бы любая светская женщина, хоть немного дорожащая своей репутацией и будущим дочери. Вдове предстояло вырастить и воспитать Альбину, которая осталась с матерью и была предъявлена обществу как единственная дочь. Известие о другом ребенке с жутким родимым пятном на половине лица непременно повлекло бы за собой огласку подлинных обстоятельств смерти лорда Кроу. Кто-нибудь да припомнил бы, что умер он на женской половине дома, и задал бы неудобный вопрос. Уж не от вида ли своей собственной дочери скончался государственный муж? Подобные домыслы, несомненно, спровоцировали бы скандал, который мог запросто уничтожить молодую вдову в глазах общества.

Спустя неделю Пенни тайком вывезла Меланию в глухой уголок графства Девон — болотистую малонаселенную местность Британии. Преданная повитуха получила от своей госпожи ежемесячное денежное пособие, достаточное, чтобы не знать бедности, и права на небольшое имение, в котором поселилась с новорожденной Меланией. Там я и нашла их, когда, гонимая пророчеством о своем предназначении, искала девочку с черным пятном на лице...

Мариэн закончила чтение и отложила книгу. Диана молчала, медленно жевала салат и смотрела на бублики, не замечая их. Китти, хотя и не понимала, какое отношение Черная Фиалка имеет к Дионису и Диане, тем не менее была возбуждена зловещими подробностями об уродстве, смерти, скелетах в шкафу и прочих атрибутах страшных и таинственных историй. Забыв про еду, она перебирала в уме вопросы и не могла решить, какой из них задать первым. Мариэн нарушила молчание:

— Сестры Кроу имеют прямое отношение к происшествию на спиритическом сеансе, описанном в газетной статье. Помните юную мисс, которая лишилась чувств и не приходила в сознание почти сутки?

Девушки молча кивнули. Мариэн продолжила:

— Это была Альбина — вторая дочь лорда, оставшаяся с матерью. До сеанса круг ее занятий ограничивался обычными интересами благовоспитанных девушек той эпохи. Она училась рисованию, музыке, танцам, хорошим манерам. По свидетельствам тех, кто ее знал, Альбина была едва ли не ангелом, но после спиритического сеанса превратилась в энергичную и деятельную бунтарку. Нам это кое-что напоминает, не так ли?

— Они поменялись местами! — возбужденно воскликнула Китти, забыв о том, что хотела казаться сдержанной. — Это произошло на спиритическом сеансе!

— О подобной метаморфозе пишет и Мария Кавелье, когда свидетельствует, что в начале июня 1907 года в теле ее приемной дочери Мелании появилась другая тихая и скромная девушка. Это и была Альбина, сестра Мелании.

— Ой, бедняжка! Она оказалась в теле с родимым пятном на лице! — вновь воскликнула Китти, не в силах сдержаться.

— Для нее это стало ужасной трагедией, — согласилась Мариэн, — но сейчас нам важно понять, что эта перестановка не была раздвоением личности, хотя внешне очень походила на этот диагноз.

— Значит, я нормальная? — с надеждой спросила у бабушки Диана.

— Абсолютно нормальная в смысле психического здоровья, — согласилась Мариэн, — но то, что вы с Маргарет способны перемещаться в тела друг друга, нормальным назвать нельзя. В этом ваша особенность и уникальность. Скажи, а где ты была во время обморока?

— Я не знаю... мне снился сон, я лежала на кровати в круглой комнате. Рядом была книга с мемуарами Маргариты Валуа, — Диану вдруг осенило: — Я спала на ее кровати!

— Французской королевы? — удивилась Китти.

— Нет, Маргарет! Там все современное. Окна, мебель... и зеркало такое же, как в моей комнате.

— Очевидно, Маргарет живет в хорошем доме; возможно, у нее есть родители. Я разговаривала с ней по телефону, она очень умная и образованная девушка. Джулия Сандерс из библиотеки очень хорошо о ней отзывалась.

— Марго сказала, что живет в перевернутом мире будущего, где ходят вверх ногами, спят днем и едят ночью, — вставила Китти.

— Это могло быть своеобразной шуткой, условно похожей на правду. Допустим, что Маргарет живет очень далеко, например, в России, на другой стороне земного шара. Из-за часовых поясов сутки там начинаются раньше; когда здесь вечереет, там уже наступает утро.

— Земля и небо поменялись местами, когда я была в доме Маргарет! Дионис говорил про фатализм, будто я нахожусь в петле времени, но теперь все изменилось!

Мариэн с интересом посмотрела на внучку.

— Я тоже это чувствую, но понять не могу.

— Маргарет русская? — удивилась Китти.

— Она владеет русским как носитель языка, — кивнула Мариэн.

— Но в ее английском нет этого ужасного акцента. Она американка, настоящая лосанжелинос!

— Так же, как и Диана, — заметила Мариэн. — Свободное владение двумя языками — наша семейная черта. Я ведь тоже русская, хотя и переехала в Штаты очень давно.

— Кажется, я пропала, — обреченно сказала Диана. — Маргарет украдет мою жизнь, и я навсегда останусь в ее теле с родимым пятном.

— Все не так страшно, милая, — успокоила внучку Мариэн. — Альбина Кроу действительно прожила остаток жизни с пятном, но незадолго до ее смерти оно исчезло. Это случилось не вдруг, а постепенно, и вот почему...

Глава 17. Дипло-Астери

Мариэн погладила пальцами лоб, сделала неглубокий вдох и заговорила в своей неторопливой манере:

— Все девушки однажды начинают проходить инициацию, которая состоит из четырех этапов и начинается с символической *смерти* — разрыва отношений с любимым. Об этом замечательно сказано в трудах Ольги Леveckой...

— Сегодня я умерла, — Диана вяло улыбнулась. — Стив меня бросил.

— Ты уже обладаешь женским знанием, которое позволяет погружаться в инициатическую смерть как в отдых. Я повторю это для Китти, — сказала Мариэн. — В первой инициации, как правило, участвует ветреный обманщик, он помогает невинной и неопытной девушке преодолеть порог и сойти в мужской мир. Там ее ожидают разочарование, смерть и новые возможности. Переход этого порога является формой самоуничтожения, за которым следует период распада.

На втором этапе *разложения* девушка устремляется к земному, материальному, как прилив к берегу: погружается во все тяжкие, концентрируется на карьере, плотских желаниях, деньгах. Отрезанные от тайного знания женщины не могут преодолеть второй этап, они запрещают себе влюбляться из-за страха испытать душевную боль; умерев, они предпочитают оставаться «выброшенными на берег» — существовать неживыми, чтобы не погибать заново. Все же большинство женщин живет не сознанием, интуиция помогает им преодолеть период распада и подсказывает выход к следующему этапу — *очищению*.

Во время отлива девушка, как волна, возвращается в духовный океан, к своему изначальному центру, первопричине — истокам глубинной женственности. Девушка уединяется и некоторое время проводит в одиночестве, сосредоточившись на себе самой. Бесконечно жалея себя, она может уподобиться мертвому телу, унесенному в море отчаяния, но если девушка обладает тайным знанием или достаточно сильной интуицией, то осознает смысл своего бытия и предназначения: умирая — воскресать, чтобы вновь и вновь породить то, чему суждено умереть. Во время этапа *очищения* иницируемая восстанавливает влюбчивость — неотъемлемый признак свободно текущей женственности, не ограниченной ложными законами патриархальной морали.

На четвертом этапе *воскрешения* девушка пробуждается к новым отношениям и выходит на терпеливый путь осознанного поиска дополняющего мужского начала с правильным выбором и подготовкой партнера для себя. Это путь эволюции женского начала.

Следующий цикл инициации пройдет уже на новом качественном уровне с учетом первого опыта *смерти, распада, очищения* и *воскрешения*. Жизнь многих женщин, имеющих репутацию роковых особ, похожа на череду инициаций. Такие женщины имеют удивительную способность возрождаться многократно. Интуиция подсказывает им, что оставаться с мужчиной можно лишь до тех пор, пока он любит, поэтому они добровольно идут на смерть — разрыв отношений. Это могут позволить себе только особы независимые, обладающие тайным женским знанием, но большинство девушек ограждены от него патриархальными препонами. Поэтому они либо проходят первую инициацию с потерями, либо не проходят ее вовсе. К сожалению, так было и с Альбиной.

Я говорила о четырех этапах циклических инициаций, но ни словом не упомянула о черном пятне. О нем я скажу сейчас.

Каждая женщина обретает феминную мудрость, выполняя в течении жизни социальные роли: дочери, подруги, матери, музы, жены, наставницы. Это обычный длинный путь развития, похожий на проигрывание восходящей гаммы от ноты «До» к ноте «Си». Существует и короткий путь — возврат на одну ступень вниз, к верхнему достижению прошлой жизни. Это уже не гамма, а диссонанс от «До» к «Си» нижней октавы. Его и выбрала Альбина. Она отказалась принять вызовы реальности, смирилась и стала монахиней. Так поступали в ее время сломленные девушки и женщины, не готовые к выходу из инициатической смерти. По сравнению с обычным, этот путь ретроградный. Отрекшись от мира и похоронив себя заживо в монастыре, Альбина вернулась назад для повторения уже изученного; она прожила оставшуюся жизнь в молитвах, обращенных к Богине Матери, и обрела силы для преодоления трудностей в своем следующем воплощении.

Совершив эту долгую душевную работу, Альбина сумела очистить тело Мелании от проклятия мужского мира, каковым и было родимое пятно. Немало усилий приложила к этому и сама Мелания, потеснив патриархальные предрассудки на фронте борьбы за женские права. Таким образом, сестры выполнили один из этапов своего предназначения, они изменили отношение мужского мира к женщине. На смену старому пониманию ее роли в обществе пришло новое, более прогрессивное, но миссия сестер не завершена, им еще многое предстоит сделать.

Китти, давно ожидавшая паузу, чтобы задать вопрос, наконец встала:

— Маргарет, это Лилит?

— В этом вряд ли стоит сомневаться, но давайте разберемся, что кроется за этим именем. Во-первых, Лилит не имела ничего общего со звероподобными демонами, которые никогда не были людьми; она человек, женщина, демонизированная в мифах за социальный проступок перед обществом. О том, каковым было это общество и его ценности, нужно говорить отдельно.

Во-вторых, все несовершенство древней медицины по акушерской части, все возможные патологии беременности и деторождения сложили в одну большую проблему и списали на козни антипода повивальной бабки — некоей злодейки, на роль которой прекрасно подошла мифическая демоница.

В-третьих, той Лилит, которая вобрала в себя все мужские страхи перед женской сексуальностью и свободой, могут назвать не только девушку, решившую потакать своему эгоизму, страстям и желанию паразитировать на мужском, но и вообще любую независимую девушку со стержнем в характере, особенно если она красива и умна. Таковы предрассудки.

Подлинную Лилит, единственную и неповторимую душу с многовековым опытом воплощений, подделать невозможно; ее боятся и моралисты, и развратники; она неподвластна ни тем, ни другим; она тот запретный элемент мужской системы, который способен разрушить ее изнутри.

Вы наверняка хотите знать, как она может это сделать. Ответ прост — Лилит должна соединиться с Евой, и без помощи самой Евы тут не обойтись. Задача эта для двоих и сложна хотя бы потому, что мужской мир тысячелетиями прилагает усилия для *разделения* женщины на «полезное» и «вредное», чтобы *управлять* ею. В атаке на женское сознание и подсознание издревле использовался полный арсенал мужского разума, от формальной логики и аргументов до мифологии и догматов патриархальных религий.

Женщину подвергли блистательному анализу и разделили на семь главных архетипов еще в мифах Древней Греции; мужчину, впрочем, тоже, и это стало несомненным

достижением общечеловеческого значения. Именно поэтому Карл Юнг стал применять образы богов и богинь древнегреческого пантеона в своем психоанализе. Христианская доктрина надругалась над стройной античной гептадой — четыре из семи социальных ролей женщины — амазонка, партнер, любовница, матриарх — подвергли бессрочному остракизму, дочь отдали в собственность отца, а жену — в рабство мужу.[1]

Жены, повинуйтесь своим мужьям как Господу, потому что муж есть глава жены, [...] жена да боится своего мужа. Как бы не оплетали златоусты своей демагогией эти библейские фразы, смысл их абсолютно прямолинейный и всем понятен. Поэтому нет ничего удивительного в том, что Лилит сбежала от Адама и ослушалась бога отца, когда он повелел ей вернуться. Этим она унизила патриархальную семью, которая изначально была институтом порабощения женщины. Я говорю о патриархальной семье в радикальном ее смысле, где женщина сильно ограничена в правах и вторична. Лилит отвергла эту вторичность, за что и была демонизирована.

Диана тихо спросила:

— Она Лилит, а я Ева?

Мариэн медленно кивнула.

— Ева покорила и приняла бремя зависимых от мужчины социальных ролей дочери, жены и матери. Без этой тяжелой и важной работы Евы во взаимодействии с мужским началом через любовь и брачные обязательства, цивилизации остановились бы в своем развитии и деградировали. Без верной и покладистой Евы все традиционные общества лишились бы надежного тыла. Если дети рождены непонятно от кого, то мужчинам-воинам будет некого защищать, они останутся без семьи, рода, могил предков, побросают свои топоры и станут космополитами — людьми без родины.

Этого и добиваются нынешние оккультные элиты, когда дискредитирует семью; они хотят ослабить государства изнутри, и объединить их в глобальную империю, разумеется, антиутопическую. Если у них все получится, человечество заживет по законам пчелиного улья, а весь собранный мед будет забирать кучка пасечников.

Может показаться, что мужской мир правильно осудил независимость Лилит, но этот не так. Подавлять женщин так же опасно, как и развращать их. Чем сильнее угнетено женское начало в отдельном государстве, тем воинственнее его правители и чудовищнее войны, которые они затевают и неизбежно проигрывают. Германия развязала две мировые войны и дважды потерпела крах по определенным историческим причинам, но и отношение к женщинам внутри этой страны сыграло свою существенную роль. Слышали про три немецкие «К»?

— Киндер, кюхе, кирхе — дети, кухня, церковь, — сказала Диана.

— Авторство этой аллитерации приписывают кайзеру Вильгельму Второму. Адольф Гитлер еще сильнее ограничил рамки женского мира в Германии — заменил кухню домом, а церковь семьей; он говорил, что мир немецкой женщины, это ее муж, семья, дети и ее дом. В итоге подавленное женское начало атрофировалось в чрево, производящее пушечное мясо. Мужское, соответственно, возвысилось и угодило в дичайшую иллюзию превосходства одной расы над остальными, а это уже онкологический диагноз. Раковая опухоль начинается там, где группа злокачественных клеток отторгает организм. Образуются метастазы, опухоль увеличивается и ее вырезают, но часть зараженных клеток остается. Такова медицинская природа нацизма и его историческая судьба. Из уцелевших раковых клеток образуются другие опухоли, их снова вырезают, но организм приобретает иммунитет. У русских это

называется исторической памятью.

Диана задумчиво сказала:

— Лилит... Маргарет... я ее чувствую, ее не интересует любовь, она презирает мужчин, но хочет быть на них похожей; ее интересуют сила, поединки, победы... она считает женственность слабостью. Как с ней объединиться?

Мариэн выслушала внучку, тихонько кивая головой, и сказала:

— Да, Лилит своенравна, воинственна и стремится к властным верхам, но ее предназначение не в возврате к матриархату, как опасаются многие, а в подготовке к скорой смене эпох и последующей трансформации земного мира. Относительно скорой, конечно. Процесс перехода из одной эпохи в другую длится десятилетиями и завершается сменой полюсов иерархии — ад и рай меняются местами. Эта индуистская модель мироздания подвижна, оптимистична и более правильна, чем депрессивная версия Данте. Правление ада на земном мире не постоянно, это лишь зима, довольно лютая, но она приходит и уходит.

— Почему все так сложно? — спросила Диана. — Кому нужна эта адская зима?

— История показывает, что бремя божественной власти не по силам смертной человеческой натуре. Власть богов предназначена только для богов. Люди, облеченные могуществом, а еще более группы людей, передающие жезлы правления в своем узком кругу, деградируют во времени по определенной математической кривой. Это так называемый закон энтропии власти.[2] В его существовании легко убедиться.

Например, Авраама Линкольна и Джорджа Вашингтона невозможно сравнивать с Бушем младшим и Обамой. То же — Ленин со Сталиным против Горбачева с Ельциным. Одни собирали, другие разбазарили. Развалить такую страну в один миг росчерками перьев... — Мариэн покачала головой. — Уму непостижимое предательство. Впрочем, я отвлеклась...

Закон энтропии власти справедлив и для богов, они не вечны и тоже деградируют, но гораздо медленнее, чем люди. Те времена, когда земным миром правили боги, давно прошли, но эпохи, соответствующие божественным циклам правления, сменяются по-прежнему. Этот принудительный процесс запускается из Вселенной независимо от желания людей, богов людей и богов самих богов; даже планета начинает изменять частоту своих колебаний. Ученые говорят, что Земля проходит через фазовую трансформацию — меняется, понижая магнетизм и увеличивая вибрации. Это своеобразное сердцебиение планеты. С начала девяностых годов прошлого столетия оно стало учащаться, к текущему 2010 году увеличилось более чем вдвое и все еще продолжает расти.

— Фантастика... — потрясенно сказала Китти.

— Все грандиозное кажется фантастическим, таково наше восприятие, однако мир меняется независимо от нас. Земная цивилизация развивается не только по мужским законам, но и по женским, поэтому регулярно проходит четыре ступени инициации. В этом смысле во времена патриархального диктата женская половина цивилизации прошла через этап *смерти* — полного бесправия и последующего разочарования в покорной Еве. Следствием этого стало пробуждение Лилит и переход женской половины человечества на второй этап *разложения* — интересу к карьере, деньгам, потреблению и прочему материальному — это как раз то, что происходит с женщинами сейчас.

Во время эпохального перехода запустится третий этап инициации — процесс *очищения*. Вселенский суд, если угодно. Все — люди, народы, страны получают по своим личным и коллективным заслугам. Начнется агония старого мира: по земле прокатятся

стихийные бедствия, катастрофы, болезни, войны; одни государства распадутся, другие прирастут и окрепнут. Понятия дьяволизм и паразитизм в какой-то степени синонимы. Главная слабость всего паразитического — питание, поэтому все присоски будут оторваны, сосущие хоботки отрезаны, ненасытные желудки сохнут, колонизаторы станут колониями, ограбленные придут опустошать кошельки грабителей, предатели сами станут жертвами предательства, лжецов раздавит тяжесть их собственного вранья, нечистоты смоем с властных вершин, золотые крупы праведников покажутся из-под земли и возвысятся, все перевернется с головы и станет обратно на ноги. Начнется четвертый этап инициации — *воскрешение*. Женская половина цивилизации выйдет на новый виток эволюции. Это изменит мир, ведь мужской мир может изменить только женщина.

— И когда это все начнется? — боязливо спросила Диана.

— Ближайшая дата, которую можно назвать критической, — 12 декабря 2012 года. Пресловутого конца света и гибели всего человечества в этот день, разумеется, не случится. Это просто формальная дата конца эпохи, рассчитанная с определенной погрешностью и притянутая к красивой последовательности чисел, в которой день, месяц и год имеют один порядковый номер. Однако шум вокруг этой даты похож на дым, без которого не бывает огня.

— Об этом сказано в письме моей бабушки! — воскликнула Китти.

— А кем она была? — поинтересовалась Мариэн.

— Ну... тетья Кристина мне рассказывала... Моя бабушка была любовницей основателя церкви Сатаны.

— А как ее звали?

— Аннет.

— Аннет Донован, в девичестве Палмер? — Мариэн не скрывала удивления: — Ты ее внучка?

— Да, — изумленно сказала Китти. — Вы ее знали?

— Знала, и очень хорошо...

Мариэн задумалась. Диана воспользовалась этой паузой и спросила у подруги:

— Как вышло, что ты носишь фамилию бабушки?

— Я внебрачная дочь. Моя мама, Джейн Палмер, тоже родилась вне брака, она погибла, когда мне было пять лет. Меня воспитывала ее родная сестра — моя тетя Кристина Донован, но и она никогда не была замужем.

— Почему у сестер разные фамилии? — спросила Диана.

Мариэн отвлеклась от своих раздумий и заговорила:

— После развода Аннет Донован вернула себе девичью фамилию Палмер. Ее старшая дочь Кристина осталась с отцом, Адамом Донованом. Он был довольно строгим в нравственном смысле мужчиной. Аннет не скрывала, что младшая дочь Джейн была зачата не от него и Донован вполне резонно не считал ее своей. Это и стало причиной их развода. Аннет родила Джейн через несколько месяцев после решения суда, уже вне брака. Ее любовник Оскар Леви не ушел от жены ради Аннет и не дал Джейн своей фамилии, хотя она и была его родной дочерью. Не подумайте, что я занимаюсь на досуге частным сыском или сую свой нос во все кровавые пятна, как миссис Марпл. Дело в том, что с Аннет Палмер связано много событий, которые заставили меня уделить внимание ее родственным связям, и наблюдать за ней самой, время от времени.

— А вы не могли бы рассказать о золотом венце Энтум? — попросила Китти. —

Бабушка упоминала его в своем письме.

— Пожалуй, да, а где сейчас это письмо? — поинтересовалась Мариэн.

— Его забрал у меня Сэм Кинсли, он адепт церкви Сатаны. Я хотела вернуть письмо, но у меня не получилось. Наверно, это Сэм украл у меня коробку с семейным архивом, — Китти опустила голову. — Маргарет будет недовольна.

— Она уже в курсе? Удивительно. События развиваются намного быстрее, чем я ожидала, — Мариэн в раздумье покачала головой. — Кража целого собрания старых документов... смахивает на почерк серьезного противника. Если и письмо утрачено, то нужно восстановить по памяти хотя бы его, это может пригодиться.

— Минутку... — Китти подняла глаза к потолку.

Мариэн ее остановила:

— Я не просила пересказывать его содержание.

— Но я хочу вам рассказать! — пылко возразила Китти. — В письме кое-что непонятно, и вы могли бы помочь мне разобраться. Для этого я и приехала.

— Хорошо, раз ты сама этого хочешь, я слушаю.

— Я помню, но не все, — Китти пошевелила губами и прочитала из памяти фразу: — Когда грани времен придут в движение и соприкоснутся, в мир явится Дева... на ее теле начертан знак Дипло-Астери... что-то там о наступлении нового порядка взамен устаревшего и про великий переход, потом дата 12 декабря 2012 года. — Китти опять обратилась к потолку и продолжила: — Золотой венец неслучайно появился в городе падшего ангела, он есть корона, ожидающая часа возложения на голову Царицы Тьмы. Избранные встретятся, как и было предсказано... одна из них принадлежит к нашему роду, возможно, это ты или твоя дочь, — Китти посмотрела на Мариэн и пояснила: — Письмо было адресовано моей маме Джейн, здесь бабушка имела в виду ее и меня. Дальше про семейные дела. Бабушка требовала от мамы поступить в колледж, обещала оплатить обучение, просила вести себя скромнее и все в таком духе. Сэм взялся во всем этом разобраться, он сказал, что нового воплощения темной королевы ждут уже не один десяток лет. Сэм был уверен, что я и есть та избранная, которая ею станет... или врал мне... Мы даже побывали на вилле Гетти, чтобы посмотреть на золотую диадему. Оказалось, что она вполне себе обычная. Если честно, я воспринимала все как интересную игру. Верить в предназначение это не для меня.

— Что именно ты хотела узнать? — спросила Мариэн.

— Про венец Аннет и особенно про Дипло-Астери.

— Хорошо, начнем с венца. В профессиональных кругах его называют диадемой Глории, по имени женщины, нашедшей эту древнюю жреческую регалию в 1907 году на развалинах города Урук. По мнению некоторых экспертов, он принадлежал Энтум — так называли верховных жриц в государствах древней Месопотамии, но в целом этот артефакт... вернее, тот, что экспонируется на вилле в Малибу, имеет довольно сомнительную репутацию. Тем не менее он был выкуплен музеем для своего филиала на вилле Гетти в Малибу, причем не у частного владельца, а на торгах Kirby's — одного из крупнейших мировых аукционов. На это приобретение музей потратил баснословные деньги...

Мариэн вновь задумалась, повернулась в кресле и подняла взгляд к верхушкам книжных полок.

— Расскажи еще про этот артефакт. Нам очень интересно, правда, Китти?

Подруга Дианы с готовностью кивнула. Мариэн продолжила:

— Золотой венец Энтум был выставлен в качестве музейного экспоната 6 июня 1998 года. Событие было обставлено с помпой. На презентацию пригласили верховную жрицу церкви Сатаны, это была Аннет Палмер. Она произнесла короткую речь о преемственности времен, значении новой церкви, о своей мистической связи с артефактом и даже о селеницереусах — драконьих кактусах в оранжерее виллы Гетти, которые якобы расцвели в ночь перед экспозицией. Рекламное выступление Аннет, отчасти провокационное, было подхвачено соответствующего рода прессой и вызвало всевозможные толки в духе фильма «Мумия», который вышел на экраны за несколько дней до презентации золотого венца. Ажиотаж среди людей, интересующихся оккультными практиками, тогда был нешуточный. Аннет Палмер имела способности медиума и проповедовала идеи, в которые верила. Как религиозный мистик она выросла в рядах Ассоциации Спиритуалистических Церквей, но потом переметнулась в церковь Сатаны из-за любви к ее основателю Оскару Леви. Связь с ним, незаурядные личные качества Аннет, ее тяга к зловещему антуражу и показным эффектам сильно способствовали росту популярности церкви Сатаны. Поэтому Аннет продержалась в статусе верховной жрицы довольно долго, а после презентации и медийного шума венец Энтум многие годы ассоциировался с ее именем. Диадема Глории стала венцом Аннет. На этом пока все, тем более я хотела говорить вовсе не об этом.

Мариэн напомнила девушкам про столик с едой и вновь замолчала, обдумывая то, что хотела сказать, и еще более то, о чем говорить не хотела. Диана и Китти зашептались, обсуждая услышанное, и почтительно умолкли, когда Мариэн снова заговорила, обращаясь к Китти:

— Начиная с 1933 года, три женщины в вашем роду передавали друг другу девичью фамилию. Первой из них была актриса Вера Палмер, твоя прабабушка; она выходила замуж трижды и сохраняла девичью фамилию из соображений кино-популярности. Второй была ее дочь Аннет Палмер, твоя бабушка, вернувшая себе девичью фамилию после развода. Третьей стала внебрачная дочь Аннет и Оскара Леви — Джейн Палмер, твоя мама. Четвертой Палмер стала ты, Китти. Все три твои родственницы по линии мамы — Вера, Аннет и Джейн имели отношение к церкви Сатаны. Вера вступила в эту антирелигиозную организацию в год ее основания — тысяча девятьсот шестьдесят шестой. Аннет — стала верховной жрицей в семьдесят восьмом. Джейн также претендовала на это звание, но была легкомысленна и вела образ жизни, несовместимый с этим значимым статусом. По странной закономерности все три женщины с фамилией Палмер умерли не своей смертью. Вера погибла в автокатастрофе в шестьдесят седьмом. Джейн утонула на океанском побережье в теплый летний вечер из-за сильного опьянения, ей было тридцать два года. Аннет прожила довольно долго, но пять лет назад каким-то нелепым образом вывалилась из окна с девятого этажа отеля Билтмор в Лос-Анджелесе; на момент смерти ей было пятьдесят два года. В полиции сочли это несчастным случаем.

Мариэн замолчала. Китти сидела с опущенной головой, будто придавленная тяжестью этой семейной статистики. Диана спросила:

— А кто стал жрицей вместо Аннет Палмер?

— После ее смерти в кругах богоборцев предполагали, что сан верховной жрицы церкви Сатаны должен перейти к ее двенадцатилетней внучке, — сказала Мариэн, — то есть к тебе, Китти. Этого хотела сама Аннет. Предполагалось, что тебя будет воспитывать опытная наставница, которая станет кем-то вроде регентши при несовершеннолетней избранной. Этих планов никто не утаивал, я знаю о них из сатанинской прессы, но они не были

воплощены. Жрицей стала другая. Ее имени я не назову, она его скрывает, и если вы вдруг неосторожно проявите свою осведомленность, то навлечете на себя неприятности, — Мариэн взяла со стола чашку и пригубила чаю. — Я думаю, нам нужно сменить тему, девочки, ведь я еще не рассказала о Дипло-Астери.

Китти подняла голову, в ее зеленых глазах сверкали искры любопытства.

— Мне казалось, это самое интересное из того, что есть в письме!

— Так называли в трактатах очень древний магический символ, означающий соединение несоединимого, — сказала Мариэн. — Происхождение его ошибочно связывают с египетской магией, которая в основе своей есть кустарная интерпретация неизмеримо более древней магии Сириуса — космической магии самих богов. Представьте себе древнее египетское жречество, жадное до сакральных знаний. В погоне за могуществом жрецы пытались постичь обрывки этой божественной магии и ревниво перенимали друг у друга все более-менее значимое, давая при этом свои названия.

Древнегреческое осмысление этой магии более откровенно и не так запутано, как у египтян. Плутарх говорил, что божество блаженно не золотом и серебром, и сильно не громами и молниями, но способностью постигать и знанием. [...] Поэтому устремленность к истине, особенно касающейся богов, есть тяга к божественному, ибо она содержит изучение, исследование и восприятие вещей священных и является делом более святым, чем любое очищение и служение в храме. Понимаете, теперь, кто есть божество для Плутарха? Что для него выше служения в храме? Что для него выше очищения, то есть выше любви?

Мариэн обвела девушек взглядом, давая им возможность подумать, но вагончики юных подруг, конечно же, не могли опережать локомотив интеллекта королевы-матери, поэтому она ответила сама:

— Для него превыше всего знание, которое, как сказал Лев Толстой, не цель, а орудие. В этом отношении со времен Плутарха ничего не изменилось — нынешние элиты адского мироустройства поклоняются не любви, а знанию. Их бог не тот, чей распятый труп выставили как военный трофей на самом видном месте в каждом католическом храме, ведь с их точки зрения, он проигравший неудачник. Их бог тот, кто подарил им божественный огонь знания, украденный из матриархального храма богини Весты. Как звали этого бога-ворота? — Мариэн сделала паузу, ожидая ответа.

— Прометей! — догадалась Китти. — Он дьявол-ключник, открывающий доступ к тайному знанию.

— Маргарет это сказала? — спросила Мариэн и улыбнулась после ответного кивка Китти. — Между древнегреческим Прометеем и оккультным божеством современных элит действительно есть связь, но они не одно и то же, — она слегка хлопнула по книге рукой: — А теперь о главном, девочки. Знак Дипло-Астери упомянут и в мемуарах Марии Кавелье, но не в алхимическом смысле, как в гримуарах колдунов, а в истинном значении единства противоположностей, и вот по какому поводу. — Мариэн поискала нужную закладку. — Вы все поймете, когда я зачитаю один абзац.

Из мемуаров Марии Кавелье

Мон-Шант, Франция, 1912

Долгое время души мятежной Лилит и покорной Евы скитались по извилинам мрачного тоннеля в поисках света. В пути они утратили атрибуты женской силы, но сумели найти выход из ада и стали спорить о том, как поступить. Лилит призывала покинуть и обречь земной мир на вымирание. Ева хотела остаться, чтобы сохранить его. В их бесконечный спор

вмешалась сама Гея, явившаяся перед ними в образе Оракула, и открыла им новую возможность, которая устроила обеих. Так Ева и Лилит отвергли ложную альтернативу ада: *принять* или *покинуть*, и выбрали третий путь, существование которого от них утаивали, — *изменить*. Для воплощения этого намерения Еве и Лилит следовало объединиться, но, будучи антиподами, они долго не могли этого сделать, и тогда Гея начертала на их телах знак соединения несоединимого.

— А как он выглядел? — восторженно воскликнула Китти.

Мариэн взяла листок бумаги и нарисовала две спирали, исходящие из одной точки.

— Вот посмотрите: спирали исходят из противоположных сторон центра, но раскручиваются в одном направлении — по часовой стрелке. Они похожи на фейерверк из двух крутящихся огней или на S-образную галактику; она вращается против часовой стрелки, а спиральные шлейфы расходятся в другую сторону. Этот символ также именуют знаком единства противоположностей, но Дипло-Астери — название более удачное; оно отражает как суть самого символа, так и древнейший источник его происхождения. В переводе с греческого Дипло-Астери означает «двойная звезда», каковой и является Сириус.

— Я видела этот знак на древней колонне! — воскликнула Диана, постеснялась своего порыва и смущенно добавила: — Не по-настоящему, конечно... это было во сне. Мне показалось, что у меня в груди завибрировало, как от прикосновения к рубину тогда, на экскурсии.

— Все правильно, милая, тонкая вибрация подсказала тебе расположение знака Дипло-Астери на твоём теле. Он вот здесь, — Мариэн коснулась своего аметистового кулона. — Когда тебе исполнился год, знак избранности стал невидимым, но не исчез совсем и непременно проявится снова, когда ты и Маргарет найдете общий центр и начнете вращаться вокруг него. Первый шаг на этом пути вы уже сделали, когда обнаружили друг друга в бесконечной дали пространства и познали ранее неизвестную самость. Теперь вам предстоит узреть себя в противоположности, выйти за пределы самих себя и стать большим, чем каждая из вас в отдельности.

Конец первой части

[1] Остракизм (др. — греч. «черепок, скорлупа»), также встречается перевод «суд черепков», — в Древних Афинах народное голосование с помощью глиняных черепков (остраконов), по итогам которого определяли человека, наиболее опасного для государственного строя, и изгоняли его на 10 лет. Остракизм рассматривался не как наказание, а как профилактическая мера.

[2] Энтропия — (от др. — греч. «обращение; превращение») — здесь в значении «распад, деградация», движение от порядка к хаосу. Энтропия в физике — мера необратимого рассеивания энергии. В психологии — степень хаоса, разрушения целостности системы (любой), сила, которая приводит систему к равновесному максимально разобранному до молекул состоянию, когда уже «нечего взять». В социологии — тенденция к распаду социальных субъектов, таких как страны, на составляющие их кланы, племена, этнические и религиозные группы и т. д.